

Роберт Говард Джентельмен с Медвежьей речки

Глава 1. Полосатые рубашки и разбитые сердца

Я так полагаю, что не схватись Джоэл Брэкстон за нож, пока я колошматил его башкой о еловый ствол, то ссоры между мной и Глорией Макгроу удалось бы избежать, и все обернулось бы иначе. Папаша всегда говорил, что с такими молодчиками, как Брэкстоны, лучше не связываться, и, похоже, он был прав. В разгар драки Джим Гарфильд вдруг как заорет: Брек, берегись! У него нож, и в тот же миг я почувствовал боль, как от укуса. Я глянул вниз и увидел, что Джоэл проделал в кожаной рубахе огромную прореху и уже вплотную занялся моим брюхом, всеми силами пытаюсь докопаться до потрохов.

Мне поневоле пришлось выпустить его уши. Я вышиб у него из рук нож и зашвырнул в чащу леса, а потом вслед, за ножом отправил и его хозяина. О дальнейшем можно было не беспокоиться, так как в пути он повстречался с деревом. К тому же я не представляю, как можно пролететь сквозь такую чащобу и при этом не развесить на кустах гирлянды из собственной шкуры.

Но парень я отходчивый и потому не стал обращать внимания на страшные угрозы, которыми осыпал меня Джоэл, пока братья вместе с Джимом Гарфильдом вытаскивали его тело из чащи и макали в речку, чтобы смыть кровь. Я уселся на своего мула по имени Александр и продолжил путь к дому старика Макгроу, который вынужден был прервать на время, ввязавшись в драку с ненормальным Брэкстоном.

Вместе с Рейнольдсами и Брэкстонами, с которыми у меня были натянутые отношения, семейство Макгроу обосновалось у Медвежьей речки, и с тех самых пор, когда я впервые без посторонней помощи натянул штаны, я заглядывался на Глорию Макгроу. Горы Гумбольдта занимают обширные пространства, но ни в одном поселке в их окрестностях не нашлось бы девушки красивее ее. Тамошним красоткам было далеко до девушки с Медвежьей речки: по сравнению с Глорией они плавали не лучше топора, никто, даже мои сестры, не мог приготовить такое аппетитное медвежье жаркое, а в беге ей не было равных ни среди женщин, ни среди мужчин – за исключением меня, конечно.

Поднимаясь вверх по тропе, ведущей прямо к дверям дома старика Макгроу, я вдруг увидел Глорию – она как раз зачерпывала деревянным ведром воду из ручья. Самого дома отсюда не было видно – он стоял по другую сторону ольхового перелеска. Девушка выпрямилась и тут, обернувшись, увидела меня. Она была чудо как хороша: рукава высоко закатаны; обнаженные руки, шея и босые ноги белее снега, глаза цвета ясного неба, а волосы, словно припорошенные золотой пылью, ореолом горели на солнце.

Я приподнял енотовую шапку и поздоровался:

– Доброе утро, Глория. Как дела?

– Папин гнедой зачем-то лягнул вчера Джоя. А в остальном все в порядке. Ты еще не совсем прирос к своему мулу?

– Нет, мэм, -промычал я в ответ и, спешившись, быстро добавил: –Давай ведро, Глория.

Она уже протянула было ведро, но вдруг нахмурилась и, указав пальцем на мою рубашку, спросила:

– Опять с кем-то подрался?

Пришлось признаваться.

– На этот раз, – говорю, – всего-навсего с Джоэлом Брэкстоном. Так, ерунда. Он утверждал, что комары на индейской территории крупнее техасских.

– А ты почему знаешь? Ты же никогда не был в Техасе?

– Ну и что. Он ведь тоже никогда не был на индейской территории. Дело не в комарах, а в принципе. В Техасе мои корни, и никто из Брэкстонов не смеет клеветать на родину моих

предков!

Тогда она задумчиво так спрашивает:

– Брек, а не слишком ли часто ты дерешься? – А потом: – И кто кого?

– Что за вопрос, – говорю. – Конечно, я! Я ведь всегда побеждаю, разве нет?

Как видно, моя самонадеянность каким-то образом задела ее.

– Уж не думаешь ли ты, что на Медвежьей речке тебе нет равных?

– Ну-у, – протянул я, – на сегодняшний день, пожалуй, что и нет – конечно, кроме папаша.

– Так я тебе вот что скажу, – с яростной дрожью заговорила она, а у самой глаза так и блестят. – Ты еще не дрался с моими братьями.

– Они твои братья, потому я их и не трогаю. Хотя поводов было предостаточно.

Девчонок порой не поймешь, хоть тресни от раздумий. Безо всякой причины она вдруг взъярилась дикой кошкой, выхватила у меня ведро и заявила:

– Ах, вот даже как! Так послушай, Брекенридж Элкинс, что я тебе скажу! Любой из моих братьев – даже самый младший – побьет тебя одной левой! И только посмей дотронуться до них хотя бы пальцем – я тебя так отделаю! К тому же, да будет тебе известно, меня дома дожидается один парень, который способен разукрасить тебя в свинцовый горошек еще до того, как ты схватишься за свою ржавую пушку!

– Я и не претендую на звание артиллериста, – говорю я ей примирительно. – Только бьюсь об заклад, что мой двоюродный брат Джек Гордон не уступит твоему приятелю ни в меткости, ни в скорости стрельбы.

– Твой брат! – скривилась она в усмешке. – Да ты понятия не имеешь, что это за человек! Он работает ковбоем на ранчо у Дикой речки, а у нас остановился пообедать на пути за новой партией скота. Если бы ты хоть одним глазом взглянул на него, то вмиг отучился бы задаваться. Что у тебя за душой? Старый мул, пара мокасин да одежда из оленьей шкуры!

– Какого черта, Глория! Далась тебе моя одежда! Она удобнее, чем из домотканого полотна, потому и ношу!

– Ха! – усмехнулась она на это. – Ты бы видел мистера Вилкинсона! Уж он-то не станет носить одежду из шкур или из домотканого полотна. Его одежда покупная! Вот он – настоящий джентльмен. Шпоры позолочены, а по верху голенищ сапог клепки звездочками! А еще красный платок вокруг шеи – говорит, шелковый. Почему бы и нет? В жизни не видела ничего красивее! А рубашка в красную, зеленую и желтую полосы, белая стетсоновская шляпа и шестизарядный кольт с рукояткой, усыпанной жемчугом! А лошадь! Настоящая красавица, и сбруя на ней такая, что тебе, чурбан неотесанный, и во сне не приснится!

– Да чтоб он пропал! – воскликнул я, в свою очередь заводясь. – Если этот твой мистер Вилкинсон такой распрекрасный, что же ты не выскочишь за него замуж? Черт возьми! Лучше бы мне было придержать язык! Ее глаза заматали молнии, в воздухе запахло грозой.

– А я и выскочу! – отрезала она. – Ты думаешь, что настоящий джентльмен не может сделать мне предложение? Так я докажу тебе! Я выйду за него замуж! – и немедленно!

И в гневе обрушив мне на голову ведро с водой, она умчалась вверх по тропе.

– Глория, подожди! – кричал я вслед. Но к тому времени, когда я протер глаза и вытащил из волос дубовые щепки, ее уже и след простыл.

Александр тоже куда-то запропал. Скорее всего, заслышав повышенные тона Глории, он отошел вниз по ручью, чтобы не мешать разговору. Александр был воспитанным мулом и, при первых признаках надвигающейся бури предпочитал, не мешкая, ретироваться, сохраняя при этом невозмутимое спокойствие. Я настиг его только через милю и, взобравшись в седло, вновь направил его копыта к дому Макгроу. В таком настроении у Глории хватило бы ума на что угодно, лишь бы только досадить мне, а она прекрасно знала, что нанесет мне смертельную рану, если выйдет замуж за этого ковбоя, чтоб ему провалиться! Она жестоко ошибалась, заподозрив, будто я считаю ее недостойной этого

парня. Любой мужчина, в какую бы полоску ни была его рубашка, считался бы последним дураком, упусти он хоть малейшую возможность окрутить Глорию Макгроу.

Сердце у меня провалилось прямо в мокасины, когда мы, приблизились к группе ольховых деревьев – месту нашей последней ссоры. Мне кажется, она немного перебрала, описывая элегантность мистера Вилкинсона, но с другой стороны, как могла девушка, выросшая в нашей глуши, устоять перед трехцветной рубашкой и позолоченными шпорами? С ее слов выходило, что он и впрямь богат да к тому же красавчик. Свои шансы на успех, я оценивал весьма критически. Практически все, что я имел из одежды, находилось в данный момент на мне; я в глаза не видел рубашки, купленной в магазине, и уж, конечно, не имел такой даже на праздник. Я никак не мог решить, что мне делать: грохнуться ли на тропу и завывать кугуаром или же отправиться домой за ружьем и прихлопнуть мистера Вилкинсона, пока тот не успел натворить черных дел.

И вот, пока я так раздумывал, на тропинке вдруг снова показалась Глория. Она неслась очертя голову, глаза выпучены, рот приоткрыт в испуге.

– Брекенридж!-выпала она. – Ой, Брекенридж! Я, кажется, попалась!

– Ты это о чем? – спрашиваю.

– Представляешь?– зататорила она. – Оказывается, этот ковбой, мистер Вилкинсон, положил на меня глаз, как только вошел к нам в дом, хотя я не давала ему ни малейшего повода. Но ты так разозлил меня, что, прибежав домой, я сразу направилась к нему и говорю: Мистер Вилкинсон, вы думаете когда-нибудь жениться? А он в ответ заграбастал мою руку в свою лапу и нахально так говорит: Крошка, я не перестаю об этом мечтать с тех пор, как, проезжая на лошади мимо, увидел, как ловко ты колешь дрова. Я, в общем, для того сюда и приехал. Я была до того ошарашена, что не сразу нашлась, что ответить, и не успела открыть рот, как они с папашей уже договорились о свадьбе!

– А, черт! – не удержался я.

– Я не хочу замуж за мистера Вилкинсона!-запричитала Глория. -Я его и не люблю вовсе! Он вскружил мне голову своей полосатой рубашкой и вычурными манерами! О Боже, что мне делать? Все равно ведь отец заставит меня.

– Ну уж нет, пусть облизнется! – я разошелся не на шутку.– Какой-то полосатый сукин сын является сюда и запросто уводит мою девчонку? Да никогда! Он еще не уехал?

– Они теперь спорят о размерах выкупа, – отвечает мне Глория. -Папаша считает, что мистер Вилкинсон должен отвалить ему сто долларов, а тот вместо денег предлагает свой винчестер. Только будь осторожен, Брекенридж! Папаша тебя недолюбливает, а у этого хлыща глаза больно хитрющие и ножны, как видно, не пустые.

– Не волнуйся,– успокоил я ее.– Я буду вести себя как заправский джентльмен.– Затем вскочил на Александра, поднял Глорию и, усадив за спиной, всадил пятки в бока своего скакуна.

Еще футов за сто от дома я заметил красивую белую, лошадь, привязанную к коновязи рядом с дверью. Седло с уздечкой и вправду были великолепны, и серебряные пряжки ослепительно сверкали на солнце.

Мы спешили. Я привязал Александра к коновязи, а Глорию спрятал за дубом – она не боялась никого на свете, кроме отца. Но тот и вправду один стоил всех злодеев мира.

– Будь осторожен, Брекенридж,– снова попросила она.– Постарайся их не раздражать. Побольше вежливости и такта!

Я пообещал. Возле дома я слышал стук, доносившийся из кухни,– похоже, миссис Макгроу с остальными дочерьми готовила обед. А из передней раздавался громкий голос старика Макгроу.

– Этого мало! – грохотал он.– Я сам могу купить винчестер за десять долларов. Послушайте, Вилкинсон, за такую девушку, как Глория, это слишком дешево. У меня сердце разрывается от боли при одной мысли, что однажды она покинет меня навсегда, и ничто, кроме зелененьких долларов, не сможет залечить мне раны.

– Винчестер и пять долларов в придачу,– ответил грубый голос, должно быть, мистера

Вилкинсона.— Ружье прекрасно стреляет и к тому же совсем новое. В этих краях такого ни у кого больше нет.

Старика Макгроу обуяла жадность.

— Ну ладно, — начал было он нехотя соглашаться, и в этот момент я толкнул дверь и вошел, нагнув голову, чтобы не зацепить притолоку.

Старик Макгроу сидел, развалился на стуле и поглаживая черную бороду. За его спиной стояли долговязые сыновья Джой, Билл и Джон, которые таращили глаза на происходящее, а чуть в стороне, на скамеечке возле холодного камина, расположился во всей красе и сам мистер Вилкинсон. От неожиданности я даже моргнул несколько раз. И было от чего! За всю свою жизнь не встречал подобного великолепия! Глория говорила сущую правду: здесь была и сногшибательная белая шляпа, перевязанная кожаной ленточкой, и сапоги с позолоченными шпорами, и уже известная рубашка!— вся в широких красных, желтых и зеленых полосках. На правом боку ковбоя висела кобура из лоснящейся, гладкой черной кожи, а из нее выглядывала инкрустированная жемчугом рукоятка кольта сорок пятого калибра. Судя по загорелым рукам, он презирал перчатки. Глаза, чернее самой черной ночи, сверлили меня тяжелым взглядом.

Я был тогда, еще очень молод и под прицелом этих глаз чувствовал себя довольно неловко. Наконец, собравшись с мыслями, пробормотал весьма учтиво:

— Доброе утро, мистер Макгроу.

— Это что еще за медвежонок? — подозрительно осведомился мистер Вилкинсон.

— Проваливай отсюда, Элкинс,— посоветовал мне папаша Макгроу.— Мы обсуждаем семейные дела. Шагай!

— Знаю я, что за дела вы тут проворачиваете, — ответил я резко. Но, вспомнив наставлени Глории, с дипломатической вежливостью добавил: — Я пришел сказать, что этой свадьбе не бывать! Глория не собирается выходить замуж за мистера Вилкинсона. Она хочет стать моей женой, и, клянусь, любому, кто осмелится встать между нами, лучше бы повстречаться с кугуаром или гризли, чем со мной!

— Что такое? — зловеще протянул мистер Вилкинсон, медленно вставая со скамьи и принимая позу кугуара, изготовившегося к прыжку.

— Пошел вон! — заорал папаша Макгроу, вскакивая со стула и хватаясь за кочергу.— Как я поступлю со своей дочерью, тебя не касается! Мистер Вилкинсон дает мне за нее превосходный винчестер и пять долларов наличными! А что можешь предложить мне ты? Кто ты такой — гора безмозглых мускулов и только-то!

— Смотри, не продешеви, старый скряга, — сказал я в запальчивости, помня, однако, о хорошем тоне. Оскорблять его не имело смысла; к тому же, несмотря на гадости в мой адрес, я был решительно настроен довести разговор до конца. Итак, я продолжал: — Тому, кто готов продать собственную дочь за ружье и пять долларов, следует поостеречься будущих родственников. Попробуй выдать Глорию за мистера Вилкинсона и увидишь, что ничего, кроме неприятностей, тебе это не принесет.

— Да как ты... — захлебнулся яростью старик и замахнулся на меня кочергой.— Если сейчас же не заткнешься, я проломлю твой дурацкий череп, как орех! А мистер Вилкинсон как зарычит:

— Позвольте, дорогой тестюшка, я сам им займусь! У меня руки так и чешутся набить наглецу морду. Эй ты, лопухий осел! Ты, сам убереешься отсюда или предпочитаешь вылететь с треском?

— Чего же ты топчешься, полосатое брюхо, если такой сильный? — учтиво так возразил ему на манер придворного щеголя, а он в ответ заревел, как медведь, и схватил за кольт; да только я оказался проворнее, и не успел он нащупать курок, как выстрелом выбил кольт из его руки вместе с отстреленным пальцем.

Он взвыл и, пошатываясь, отступил к стене, с яростью глядя то на меня, то на кровь, капающую из култышки. Я засунул свой верный кольт обратно в кобуру и сказал:

— Может быть, у себя дома вы и считаетесь неплохим стрелком, но здесь, на Медвежьей

речке, я бы посоветовал вам вести себя осмотрительнее, чтобы не свалить дурака. Катитесь-ка домой, мистер, и... И в этот момент старик Макгроу огрел-таки меня своей кочергой. Он здорово постарался, и не будь у меня на голове енотовой шапки, этот довод оказался бы решающим. Я рухнул на колени, ничего не соображая. Воспользовавшись случаем, братья Глории гурьбой подскочили ко мне и принялись дубасить стульями, скамьями и ножкой стола. В мои планы не входило драться с родичами Глории, но при ударе кочергой я случайно прикусил язык, а это всегда действует мне на нервы. Я понял, что в любом случае продолжать разговор не имеет смысла: все они жаждали крови – моей крови, разумеется.

Итак, я поднялся с колен и, ухватив Джоя за шею и промеж ног, швырнул его со всей возможной осторожностью в окно. Да только совсем запамятовал, что окно-то забрано деревянной решеткой от любопытных медведей, так что Джой вылетел из окна вместе с решеткой и, должно быть, чуток ободрался. Я услышал снаружи пронзительный вопль Глории, и уже открыл было рот, чтобы крикнуть в ответ, что со мной все в порядке и она может за меня не волноваться, как в этот момент Джон сунул мне в зубы обломком ножки стула.

Такое обхождение и святого выведет из себя, но все же я никак не ожидал, что удар окажется настолько силен. В результате Джон беспорядочно отступил через дверь, придерживая руками вывихнутую челюсть.

Папаша Макгроу, прыгая вокруг меня, пытался изловчиться и трахнуть еще разок своей погнутой железякой, а Билл, не тер времени, обрабатывал мою голову стулом. Один мистер Вилкинсон не принимал участия в драке. Он стоял, прислонившись к стене, и с диким выражением на бледном лице взирал на происходящее. Наверное, ему были в диковинку молодецкие забавы жителей Медвежьей речки.

Я вырвал из рук Билла стул и съездил парню по башке, чтобы охладить страсти, и тут папаша Макгроу чуть не достал меня кочергой. Но я сумел увернуться и крепко обхватил его руками. В это время Билл, наклонившись и высматривая на полу нож, выпавший из чьего-то сапога, как раз повернулся ко мне спиной. Грех было упускать такой случай, и, изловчившись, я со всей силой припечатал копытом ему в задницу. С отчаянным воплем, головой вперед, он вылетел в дверь. Снаружи кто-то вскрикнул – похоже, снова Глория. Я не знал тогда, что она подбежала к двери в аккурат навстречу вылетававшему во двор братцу Биллу.

Я не мог видеть, что там происходит, потому как папаша Макгроу с остервенением грыз мой большой палец, а когтищами уже подбирался к глазам, так что мне пришлось выбросить его вслед за сыновьями. Кстати, он врал потом, будто я нарочно отправил его в сторону дождевой бочки. Я и не подозревал, что там стоит бочка, до тех пор, пока его голова в нее не врезалась и не пробила в досках огромную брешь.

После чего я обернулся к мистеру Вилкинсону, намереваясь продолжить нашу беседу, но тот вдруг выпрыгнул в окно, через которое прежде вылетел Джой, а когда я захотел последовать за ним, то не смог протиснуться между перекладинами. Поэтому пришлось воспользоваться дверью. И только я выскочил во двор, как повстречал Глорию, которая закатила мне оглушительную пощечину, прозвучавшую в наступившей тишине, точно удар бобрового хвоста по мокрому бревну.

– Ты чего это? – воскликнул я, оглушенный, глядя прямо в горящие глаза и на вставшие дыбом золотистые волосы. Она была вне себя от гнева, рыдая в три ручья, – я впервые видел ее в таком состоянии. – Что произошло? Что я такого сделал?

– Что ты сделал? – бушевала она, вытанцовывая босыми ногами нечто вроде пляски войны. – Бандит! Убийца! Помесь шакала и сунса! Полюбуйся на дело своих рук!

Она указала на отца – тот делал слабые попытки выволить голову из дождевой бочки – и на братьев, в беспорядке разбросанных по двору в самых свободных позах. В воздухе слышались их громкие стоны.

– Ты чуть не уколошил мою семью! – кричала она, потрясая кулаком перед моим носом. – И ты нарочно швырнул в меня Биллом!

– Да что с тобой, Глория? – воскликнул я, потрясенный несправедливым обвинением. – У меня и в мыслях ничего такого не было! Знаешь ведь – я и пальцем не посмею до тебя дотронуться. Я старался ради тебя, только ради тебя.

– Ты искалечил отца и братьев! – билась она в истерике. Ну что за глупая девчонка! А сама все кричит:

– Если бы ты в самом деле любил меня, то не полез бы в драку! Просто у тебя натура такая подлая! Я ведь тебе говорила – говорила: веди себя тихо и учтиво. А ты что? Заткнись! Видеть тебя не хочу! Ну, что стоишь, как воды в рот набрал, бестолочь!

– Я старался действовать аккуратно, – сказал я, задетый до глубины души. – Я не виноват. Будь у них хоть капля мозгов.

– И ты еще смеешь оправдываться?! – завизжала она. – Что ты сделал с мистером Вилкинсоном?

Только она произнесла это имя, как вышеназванный джентельмен, прихрамывая, вышел из-за угла дома и направился к лошади. Глори подбежала к нему и, схватив за руку, горячо заговорила:

– Мистер! Если вы еще не передумали, я согласна стать вашей женой! Мы уезжаем немедленно!

Он посмотрел в мою сторону, вздрогнул всем телом и резким движением высвободил руку.

– Я еще не сошел с ума! – мрачно изрек он. – Мой вам совет: скорее выходите замуж за этого молодого гризли, хотя бы из соображений общественной безопасности. Жениться на вас, когда он желает того же? Нет уж, увольте! Я оставляю вам на память свой палец и думаю, что еще легко отделался. После того торнадо, что здесь увидел, какой-то палец кажется сущим пустяком. Адье, мадемуазель! Если вы когда-нибудь заметите меня в пределах ста миль от Медвежьей речки, то знайте – вы повстречали сумасшедшего!

С этими словами он взобрался на лошадь и помчался так, точно сам дьявол наступал ему на пятки.

– Ну что, доволен? – заплакала Глория. – Теперь он никогда на мне не женится!

– Я – то думал, ты не хотела, – говорю я, совершенно сбитый с толку.

Она зашипела на меня дикой кошкой:

– И не собиралась! Я не вышла бы за него, будь он даже единственным мужчиной на Земле! Мне нужно лишь право самой говорить да или нет, и я против того, чтобы моей судьбой распоряжался какой-то деревенщина на паршивом муле!

– И вовсе Александр не паршивый, – осторожно возразил я. – И потом, Глория, я не думал тобой распоряжаться. Я просто устроил так, чтобы твой отец не выдал тебя насильно за мистера Вилкинсона. Мы же сами с тобой хотели.

– Кто это тебе сказал? – вскричала она. – Чтобы я вышла за тебя после всего, что ты сотворил с моим отцом и братьями? Воображаешь, будто тебе нет равных? Ха! Оглянись на себя: кожаные штаны, старый кольт да вытертая енотовая шапка – и больше ничего! Чтобы я за такого вышла замуж? Забирай своего паршивого мула и проваливай, пока я сама не взялась за ружье!

– Ну ладно же! – зарычал я, теряя терпение. – Ладно! Пусть, если тебе так больше нравится! В конце концов, ты не единственная девушка в этих краях, найдутся и другие, не хуже тебя, кто будет рад принять мое предложение.

– Это кто же, например? – усмехнулась она.

– Да хотя бы Эллен Рейнольдс!

– Превосходно! – ее голос задрожал от возмущения. – Вот и отправляйся к своей Эллен и попробуй обольстить эту заносчивую потаскушку своим паршивым мулом, дырявыми мокасинами и ржавым кольтом! Я и пальцем не шевельну, чтобы тебе помешать!

– И пойду! – с горечью воскликнул я. – Только я подъеду к ней не на муле, а на лучшем коне, который только найдется в горах Гумбольдта, в самом шикарном седле, на ногах будут настоящие сапоги, а в кобуре кольт с покупными пулями. Вот увидишь!

– Где же ты все это достанешь?

– Достану! – я распалился не на шутку. – Ты говоришь, я хвастаюсь, будто в здешних лесах мне нет равных? А я докажу, что это правда! Я рад, что ты отпускаешь меня на волю. Если бы я на тебе женился, то, как и все, поставил бы дом где-нибудь у ручья, да так ничего и не увидел бы в жизни и никем не стал бы, кроме как твоим мужем! А сейчас я – свободный человек! Пройду из конца в конец, и люди обо мне заговорят!

– Ха-ха-ха! – раздалось в ответ.

– Ты еще услышишь обо мне! – с этими словами я вскочил на мула и тронул его вниз по тропе. В ушах, не переставая, звенел ее издевательский смех. Я больно ударил Александра пятками под ребра. Издав громкий рев изумления, мул стрелой помчался к дому. Мгновение спустя ольховник скрыл из глаз и дом семьи Макгроу, и Глорию, и мои детские мечты.

Глава 2. Спустившийся с гор

– Она еще услышит обо мне! – в порыве отчаяния воскликнул я, выжимая из бедного Александра все, на что тот был способен. – Хватит жить затворником! Я должен показаться на людях и сделать себе имя! Она еще пожалеет! Н-но, Александр! Последние слова были вызваны тем, что вдалеке показалось дерево с пчелиным дуплом. Мое истерзанное сердце требовало утешения, а потому я решил, что слава и богатство могут немного обождать, пока я буду топить в меду свою скорбь. Я уже, можно сказать, погрузился по самые уши, как вдруг услышал голос папаша:

– Брекенридж! Где ты, Брекенридж? А-а, вот ты куда забрался. Слезай, нечего прятаться от отца. – Он приблизился. – Брекенридж, да тебя никак пчела в ухо укусила! Я дотронулся рукой до уха. Похоже, папаша был прав. Его слова направили ход мыслей в другое русло, и, очнувшись от горестных раздумий, я почувствовал, как кто-то дружной компанией кусает меня сразу в нескольких местах.

– Бьюсь об заклад, у любого другого Элкинса хватило бы ума выбрать более безопасное место для игры в прятки, – продолжал сыпать соль мне на раны папаша. – Послушай-ка, сынок: только что здесь был проездом старина Роджерс из Буффало. Он утверждает, что на почте в Томагавке для меня лежит письмо из штата Миссисипи, а почтальон ни за что не отдает его посторонним: только, говорит, лично старику Элкинсу или кому-нибудь из его семьи. Ума не приложу – кому это понадобился в Миссисипи? В последний раз я там был, когда сражался в армии северян. Как бы там ни было, а письмо надо забрать. Мы с мамочкой решили, что поедешь ты.

– В самый Томагавк?! – У меня захватило дух. – Вот здорово, па!

– Видишь ли, – продолжал мой старик, пятерней расчесывая бороду, – ты уже достаточно взрослый, да и выглядишь старше своих лет. Настало тебе время повидать мир. До сих пор ты не отъезжал от дома, где родился, дальше тридцати миль. Твой брат Гарфильд поехать не может – он еще не оправился после встречи с медведем, а Бакнер сейчас занимается выделкой шкуры этого медведя. Ты ведь доезжал до того места, где тропа выходит на большую дорогу? Так вот: доберешься по ней до развилки и повернешь направо. Не забудь – левая дорога ведет в Белую Клячу.

– Здорово! – Я был весьма доволен таким началом. – Наконец-то выберусь на люди! – А про себя добавил: и смогу доказать Глории Макгроу, что я – черт возьми! – чего-то стою!

Итак, на следующее утро, задолго до рассвета, я был уже в пути, подпрыгивая на спине своего неразлучного друга Александра. На дно кобуры папаша сунул мне доллар. Он решил проводить меня несколько миль и, чтобы, не теряя время попусту, надавал кучу советов:

– Деньги трать с умом, – наставлял он. – В карты не играй. Пей помаленьку. На полгаллона кукурузного пойла тебе хватит. Зря не задирайся, однако помни, что в округе Гонзалез, штат Техас, твоему отцу по части потасовок не было равных. Так что если

заметил кривой взгляд, не жди, пока тебе съезжают по уху. И еще: не вздумай сопротивляться представителю власти

– Это еще кто такой, па? – разинул я рот.

– Понимаешь, сынок, – пустился в рассуждения папаша, – там, в поселках, есть особые люди – шерифы, чья работа заключается в том, чтобы поддерживать общественный порядок. Сам я с законом стычек не имел, но люди в больших городах не похожи на нас. Ты с ними лучше не спорь. Даже если шериф потребует твое оружие – отдай без разговоров. Я был настолько поражен, что какое-то время ехал молча. Потом спрашиваю:

– А как я отличу его от других?

А папаша отвечает:

– Очень просто: у шерифа на рубашке приколотая серебряная звезда.

Я пообещал, что все исполню в точности. Мы попрощались, и мой старик, развернув лошадь, поскакал обратно, а я продолжил свой путь по тропе.

Я остановился на ночлег поздно вечером, доехав до дороги, ведущей в Томагавк, а с первыми лучами солнца отправился дальше с таким чувством, будто отмахал уже не одну сотню миль. Начинало сильно припекать, и я подумал, что было бы совсем не худо искупаться. К, счастью, вскоре среди зарослей блеснула вода, и я выехал к реке. Привязав Александра к дереву, повесил рядом одежду, а пояс с кобурой и кольцом приспособил на ветку ивы, свесившуюся над водой едва ли не на середине реки, – весь берег сплошь зарос ивняком, и я решил не пренебрегать мерами предосторожности.

Войдя в воду, я сразу глубоко нырнул. Однако, вынырнув на поверхность, почувствовал, как что-то больно ударило меня по голове. Я поднял глаза и увидел на дереве индейца, который, уцепившись одной рукой за сук, в другой держал здоровенную палку.

Индеец издал боевой клич и снова замахнулся палкой, но я успел нырнуть, и удар пришелся по воде. В следующий раз я вынырнул уже под веткой, на которой оставил свою амуницию. При виде кольца противник попытался скрыться в прибрежных кустах, но я не стал мешкать и послал ему вдогонку пулю. Испустив вопль, индеец схватился руками за зад. Потом донес стук копыт, и в просвете между деревьями я увидел индейца, скакавшего сквозь заросли на пятнистом мустанге. Он держался на коне так, словно вместо седла под него была подставлена раскаленная сковородка, а в руке – вот черт! – в руке он держал мою одежду! Я был настолько поражен этой наглостью, что позволил ему беспрепятственно удалиться, а когда очнулся, и выскочил на берег, было поздно – индеец уже скрылся в лесу. Было не похоже, чтобы этот индеец стоял на тропе войны – скорее всего, обычный бродяга, промышляющий разбоем. Но в каком положении он меня оставил! Спер подлец все, вплоть до мокасин!

Я не мог возвратиться домой в таком виде: без одежды, без письма, но самое ужасное – мне пришлось бы признаться, что меня обвел вокруг пальца индеец. Да папаша такого простофилю просто приберет! Ехать дальше? А вдруг в каком-нибудь поселке в долине мне повстречается женщина? Не думаю, чтобы на свет появлялся другой такой застенчивый парень, каким был я в те годы. Холодный пот прошиб меня с головы до пяток. Я то мечтал увидеть мир, посмотреть на людей, а главное – доказать Глории Макгроу, что я настоящий мужчина. А что в итоге? Остался гол как сокол! В конце концов в полном отчаянии я застегнул ремень и продолжил путь в Томагавк. В тот момент я: был готов пойти даже на убийство, лишь бы завладеть хотя бы мало-мальскими штанами.

По счастью, индеец не догадался захватить с собой моего мула. Но, избегая встреч с людьми, мне пришлось продираться сквозь густые кусты, растущие по обеим сторонам дороги, и я не мог воспользоваться Александром, в качестве транспортного средства. Ему и без того пришлось несладко: длинные острые колючки царапали шкуру, и бедняга то и дело громко жаловался на судьбу. Время от времени нам попадались скальные выступы, и чтобы поберечь ноги животного, я переносил его через опасные участки на собственном хребте. Жалко Александра, но я был слишком стыдлив, чтобы странствовать в открытую, имея на себе из одежды, лишь пояс с кольцом.

После того как мы пропутешествовали таким образом, с милю, на дороге послышался человеческий голос. Я тут же нырнул в кусты и из своего укрытия удостоился лицезреть удивительнейшую картину. По дороге, в одном направлении со мной, шел человек, одетый – я определил это шестым чувством – в одежду горожанина. Ни единого кусочка кожи или даже намека на грубое домотканое полотно! Шикарная одежда мистера Вилкинсона выглядела бы рядом с этим нарядом жалкими обносками. Вся ткань была изукрашена крупными клетками и, что сразило меня окончательно, даже, представьте себе, разноцветными полосками! На голове у джентльмена красовалась круглая шляпа с узкими полями, а ноги были обуты в нечто совершенно невероятное – эти штуки даже отдаленно не походили на сапоги или мокасины. Человек был весь в пыли, и когда, прихрамывая, проходил мимо, я расслышал целый поток отборной ругани. Чуть дальше дорога круто сворачивала вправо. Не теряя времени, я взял напрямки и вышел уже впереди ничего не подозревавшего прохожего. Как только тот показался из-за поворота, я лихо выскочил на дорогу и наставил на него кольт.

Незнакомец вскинул руки да как заорет:

– Не стреляйте! А ему вежливо так говорю:

– Я и не думаю, мистер. Мне нужна только ваша одежда.

Тот недоверчиво покачал головой, а потом и спрашивает:

– По цвету кожи видно, что вы не индеец, но может быть, все-таки объясните, что за племя живет в этих горах?

– Большинство из нас голосуют за демократов, – говорю. – Но сейчас у меня нет времени на болтовню о политике. Вытряхивайтесь из одежды, сэр, да поживее!

– Господи Боже! – возопил человек. – Мало того, что лошадь выбрасывает меня из седла и исчезает, как утренний туман, и я вынужден битый час плестись по дороге, ежеминутно рискуя потерять скальп, так теперь еще и этот голый псих верхом на муле требует мою одежду! Нет, это уж слишком!

– Не будем спорить, мистер, – говорю я ему. – Того гляди, сюда кто-нибудь нагрянет. Поторопитесь! – И чтобы подстегнуть его к действию, я ловким выстрелом сбил с головы прохожего шляпу. Тот застонал и начал быстро раздеваться. Через некоторое время слышу – спрашивает:

– Труссы снимать? – А у самого в голосе дрожь, хотя погода стояла жаркая.

– Это вот эти, что ли? – опешив, я уставился на предмет разговора. – Вот уж не думал, что мужчина захочет таскать на себе дамские тряпки! Папаша прав – эта страна когда-нибудь да разорится! Возьмите моего мула и езжайте. Как только я раздобуду что-нибудь подходящее, вы получите свою одежду обратно. Все еще с сомнением глядя в мою сторону, незнакомец взобрался на Александра и, чуть не плача, обратился ко мне:

– Скажите, по крайней мере, как мне добраться до Томагавка?

– Свернете у развилки вправо, а после... Но в этот момент Александр повернул назад голову и, впервые в жизни увидав на своей спине человека в трусах, испустил дикий рев. Он помчался по дороге со всей прытью, на какую только был способен. Обеими руками незнакомец отчаянно вцепился в гриву мула. Но прежде чем они скрылись с глаз, я успел заметить, как Александр, доскакав до развилки, вместо того чтобы свернуть вправо, взял влево, и оба пропали среди скал.

Я натянул шикарные шмотки на себя, и тут же все тело зачесалось со страшной силой. Не слишком ли я поторопился с городской одеждой? – подумал я тогда, но тут же решил, что не стоит беспокоить себя по пустякам. Куртка едва доходила до пояса, штаны – до лодыжек, но хуже всего дело обстояло с обувкой – ноги жало немилосердно. Носки я выбросил за ненадобностью, а остатки шляпы водрузил себе на голову. Затем бодро зашагал по дороге.

Дойдя до развилки, я повернул направо и примерно через милю вышел на равнину. В этот момент за спиной послышался топот копыт, и через секунду из-за поворота показалась группа всадников.

– Вот он! – крикнул один, и парни помчались ко мне во весь опор. Я сразу смекнул, что

чертов незнакомец все-таки добрался до Томагавка и пустил по моему следу своих друзей. Я тут же свернул в сторону и, не разбирая дороги, помчался прямо по прерии, а те на конях – вслед за мной, крича, чтобы я остановился. Черт бы побрал эти башмаки! Из-за них я никак не мог развить нужной скорости! Через четверть мили стало ясно, что от погони не уйти. Тогда я выхватил кольт и круто повернулся, но немного не рассчитал – скорость оказалась слишком велика, проклятые башмаки поскользнулись на ровном месте, и я, нажимая на курок, со всего маху грохнулся в заросли молодых кактусов. Так что пуля лишь сбила шляпу с ближайшего всадника, который яростно закричал и пришпорил лошадь. Я подождал, пока тот подъедет поближе и, посылая вторую пулю, вдруг заметил на его рубашке ярко горящую серебряную звезду. Немедленно бросив на землю кольт, я вытянул руки к небу.

Парни толпой окружили меня. На вид – обычные ковбои. Человек со звездой слез с лошади, поднял с травы мой кольт и выругался.

– За каким дьяволом ты устроил эти скачки по жаре, да еще и стрелял? – грозным голосом спросил он.

– Я не знал, что вы представитель власти, – отвечаю.

– Да ладно тебе, Маквей, – вступился один из них. – Не знаешь, что ли, до чего эти чужаки трусливы? Должно быть, он принял нас за молодчиков из банды Сантри. Где твоя лошадь?

– У меня нет лошади, – признался я.

– Убежала, наверное? – снисходительно усмехнулся Маквей. – Ну да ладно. Садись за спину Кирби и едем. К моему большому удивлению, шериф сунул кольт мне обратно в кобуру, я уселся позади Кирби, и мы тронулись. Кирби всю дорогу ворчал, чтобы я не ерзал и не вздумал бы падать с лошади. Этим он сильно действовал мне на нервы. Однако я сумел сдержать себя.

Где – то через час мы выехали к небольшому поселку, который мои спутники гордо именовали город Томагавк. При виде стольких домов, скученных в одном месте, я порядком струхнул и уже собрался было дать тягу в родные горы, но вовремя одумался – пока на ногах у меня эти колодки вместо башмаков, все равно далеко не уйти. Никогда прежде я не видел таких странных домов – из досок, а некоторые – так даже двухэтажные! На западе и северо-западе в паре сотен ярдов от окраины высились холмы, с остальных сторон город открывался в голые прерии, отмежевавшись от них только высокой изгородью,

– Вот что, ребята, сказал Маквей. – Вы скачите в город и объявите людям, что представление скоро начнется. А я с Кирби и Ричардсом займусь приготовлениями. По улицам слонялось множество людей – я даже представить себе не мог, что на свете живет такая масса народа. Шериф с двумя приятелями обогнули северную окраину поселка и остановились возле старого амбара. Мы спешили. Внутри амбар представлял из себя нечто вроде большой комнаты, заваленной всякой рухлядью. В углу висели полотенца и стояли ведра с водой.

– М-да, – протянул шериф. – Не очень-то этот курятник похож на раздевалку, но ничего – сойдет. Парни мало что смыслят в играх такого рода, но мы будем болеть за тебя изо всех сил. Запомни главное: если что – мы их. задавим! Ну? Как настроение?

– В порядке, – говорю, – только есть хочется.

Тогда шериф кивнул Ричардсу:

– Принеси-ка ему чего-нибудь пожевать!

А Ричардс ему и отвечает:

– Я думаю, перед боем лучше бы воздержаться.

– Ничего, – говорит Маквей, – похоже, этот парень свое дело знает. Ты лучше поторопись. Ричардс нехотя удалился, а шериф и Кирби все ходили да ходили вокруг меня, разглядывая, словно я племенной бычок. Они то и дело щупали мои мускулы, и наконец шериф сказал:

– Будь я проклят! Если объем мускулов хоть что-то значит, то денежки, можно сказать, у нас в кармане! Я вытащил из кобуры свой доллар и сказал, что могу заплатить за постой, а

они в ответ захохотали и заявили, что я, как видно, весельчак. Затем явился Ричардс. Он нес миску с едой, а за ним в амбар гурьбой повалили люди. На ногах у всех были сапоги, за поясом – кольты, на лицах –пышные бакенбарды и усищи. Все уставились на меня, как на диво какое, а шериф заявляет:

– Вы только посмотрите на этого красавца, джентльмены! Сегодня решается судьба Томагавка – победить или умереть! Тут они стали кружить вокруг меня – совсем как до того Кирби с шерифом. Я сильно застеснялся и сам не заметил, как смолот три или четыре фунта телятины с трехквартовой миской картошки, заедая все огромным ломтем белого хлеба, да выпил галлон воды, потому как меня давно уже мучила жажда. Все поразевали рты, а один говорит:

– А где он пропадал вчера? Почему вчера не явился?

Шериф ответил:

– Возница мне сказал, что вчера он был вдрызг пьян и пришлось оставить его в Биснее. Сюда доставили только багаж,– для большей убедительности он ткнул пальцем в угол, где действительно валялись какие-то узлы.– Они оставили лошадь и указание явиться в Томагавк сразу же, как протрезвеет,– продолжал шериф. – Мы с ребятами сегодня порядком потрепали нервы, дожидаясь его. Наконец не выдержали и решили поискать на дороге. А он, оказывается, топал сюда на своих двоих, вот и припозднился.

– Бьюсь об заклад,– сказал Кирби,– негодяи из Белой Клячи, что-то затевают. До сих пор ни один из них сюда не явился. Не иначе как сидят в своем занюханном городишке, сосут какую-нибудь гадость и обсуждают план действий. Им, конечно, хотелось бы провести бой у себя дома. Они там, в Белой Кляче, думают, что если на подготовку боя выложили денежки Томагавк и Гунсток, так он непременно должен состояться в Белой Кляче.

– Не в этом дело,– говорит Маквей.– Просто он находится, как раз посередине между Томагавком и Гунстоком. Мы бросили монету, и жребий выпал Томагавку. А если Белая Кляча хочет нарваться на неприятности, так она их получит полную охапку. Парни из Гунстока еще не подошли?

– Как же!-отозвался Ричарде. – Все салуны Томагавка битком, набиты этими негодяями, Их так и распирает от виски и гражданской гордости. Они уже заложили за выпивку свои последние рубахи и затеяли не меньше дюжины драк. Да здесь собрался весь Гунсток!

– Что ж, начнем, пожалуй,– говорит Маквей, а, сам, вижу, начинает все сильнее нервничать.– Чем скорее закончим, тем меньше прольется крови.

Я и опомниться не успел, как в меня вцепились несколько рук и начали срывать одежду. Я даже подумал, что вот сейчас меня арестуют за разбой на большой дороге. Кирби покопался в багаже, сваленном, в углу, и вытащил оттуда какие-то подозрительные штаны – сейчас-то я знаю, что это был белый шелк. Поскольку больше надеть было нечего, я натянул их, и штаны прилипли как раз впору. Ричарде повязал мне вокруг талии американский флаг, а на ноги натянул башмаки, подбитые шипами.

Я позволил им вытворять со мной все, что угодно, потому как четко усвоил папины наставления не сопротивляться властям. Пока меня так обрабатывали, снаружи начал нарастать шум, похожий на выкрики огромной толпы. И тут в амбар ввалился костлявый старик с усами, бакенбардами в пол-лица и с двумя колтами за поясом. Он с порога заорал:

– Послушай, Мак, черт тебя дери! У меня с вечерней почтой дожидается отправки крупная партия золота, а город словно вымер, потому что всем вдруг, видите ли, загорелось поглазеть на твое дурацкое представление! Что, если Опоссум Сантри с бандой об этом пронюхают?

– Ладно,– ответил Маквей,– я пошлю тебе в помощь Кирби.

– Только попробуй! – заявил на это Кирби.– Я тогда первый из твоей команды подам в отставку. Я вложил в этот поединок все свои денежки, и – черт возьми! – я его увижу!

– Ну так пошли кого-нибудь другого!– бушевал старикашка.– У меня и так полно хлопот с магазином, с почтой, со станцией, а тут еще... – и продолжая что-то бурчать в

густые усы, он вышел.

– Кто это? – спрашиваю.

– Старина Брентон, – отвечает Кирби. – Он держит магазин на другом конце города. И там же, в магазине, почта.

– Почта? Тогда он мне нужен. У него на почте.... Не успел я договорить, как к нам ворвался еще кто-то и тоже завопил с места в карьер:

– Ну как, твой готов? Народ начинает волноваться!

– Порядок, – отвечает ему Маквей и накидывает мне на плечи какую-то штуковину – он назвал ее халат. Потом они с Кирби и Ричардсом подхватили полотенца, ведра с водой, еще что-то, и мы вышли из амбара. Снаружи собралась огромная толпа. Люди орали, свистели и палили в воздух. Я за всю жизнь не видал столько усов, оружия, башмаков и сапог. Видя такое дело, я наладился было обратно в амбар, но шериф с молодцами вцепились в меня мертвой хваткой и ну успокаивать: мол, все нормально, мол, так это все обычно и бывает, и все такое. Мы пробились сквозь орущую толпу к квадратному загону для скота. По углам были вбиты в землю четыре столба, а между столбами натянуты толстые веревки. Мне объяснили, что это и есть ринг, и приказали пролезть под веревками. Я, конечно, послушался. Земля внутри загона была утоптана, что твой дощатый пол. Мне приказали сесть на табурет в углу – я и сел, а парни завернули меня в одеяло, будто индейца.

Толпа снова завопила, и с противоположной стороны под канаты: полезли какие-то люди – Маквей сказал, что это парни из Гунстока. Один был одет вроде меня, и я не видел зрелища более потешного: уши его болтались капустными листьями, нос расплюсчен в лепешку, а гладко выбритая голова блестела, как только что отлитая пуля. Он уселся в углу напротив.

Через минуту в квадрат ринга выскочил худосочный человечек и, размахивая руками, закричал:

– Внимание, джентльмены! Вы все в курсе события, по поводу которого здесь собрались. Мистер Бэт О'Тул, будучи проездом через Гунсток, заявил, что побьет любого, кто осмелится бросить ему вызов. В ответ Томагавк, решил раскошелиться и пригласил мистера Брузера Макгорти, по счастью, застрявшего в Денвере на пути в Сан-Франциско. – И он ткнул пальцем в мою сторону. Все разом загалдели, и пальба в воздух возобновилась с новой силой. Меня прошиб холодный пот. А человечек между тем продолжал:

– Бой будет проходить по правилам Лондонского клуба боксеров, принятым в любом цивилизованном обществе: голые кулаки; раунд прерывается, если один из противников сбит с ног или послан в нокдаун. Если после нокаута при счете десять противник не сможет принять стойку, он считается проигравшим. Это говорю вам – Юкка Блейн, выбранный рефери за то, что сам я родом из Рваного Уха и потому лицо незаинтересованное. Джентльмены, вы готовы? Бокс!!! Маквей сдернул с меня халат и толчком в спину отправил в центр ринга. Я чуть не умер от стыда, но вовремя заметил, что тот, напротив, которого они называли О'Тулом, имеет на себе не больше моего. Он приблизился и протянул мне руку, как бы для рукопожатия, и я протянул ему свою. Мы пожали руки, и тут же, без всякого предупреждения, он нанес мне сильнейший удар левой в челюсть. Впечатление было, как от удара копытом. Я взбрыкнул ногами в воздухе и грохнулся оземь, О'Тул гордой поступью отправился в свой угол, а его болельщики из Гунстока начали вопить, плясать и тискать друг друга в объятиях. Парни из Томагавка, наоборот, рычали в усы и нервно сжимали рукоятки кольтов. Маквей с помощниками влетели на ринг, и не успел я встать на ноги, как парни оттащили меня в угол и принялись поливать водой.

– Тебе сильно досталось? – перекрывая шум толпы, крикнул Маквей.

– Разве нормальный человек может ударить другого первым? – недоуменно спросил я его. – Он застал меня врасплох, иначе я бы не упал. Я и не думал, что он собирается меня ударить. Никогда еще не играл в такие дурацкие игры. Маквей выронил полотенце, которым хлестал меня по лицу, и побледнел.

– Ты разве не Брузер Макгорти из Сан-Франциско? – заорал он.

– Нет. Меня зовут Брекенридж Элкинс, с Медвежьей реки, что в горах Гумбольдта. Я пришел на почту за письмом для папаша. Он впился в меня убийственным взглядом и зашипел прямо в ухо:

– Но ведь возница описал нам одежду. Все совпадает!

– Мою одежду стащил индеец, – объяснил я ему, – и мне пришлось позаимствовать новую у первого встречного. Может быть, это и был Макгорти? А тут еще Кирби подошел с ведром воды и спрашивает;

– В чем дело? Пора начинать второй раунд.

– Мы пропали! – застонал Маквей. – Это не Макгорти. Этот чертов телок пришел Макгорти и обобрал его!

– Нам всем крышка! – в свою очередь возопил Ричарде с ужасом. – Ребята поставили на него все монеты, какие, только нашлись в Томагавке. Они доверились нам, даже не взглянув на бойца! Нам теперь вовек не отмыться! Что делать?

– Ничего, – говорит Маквей, – он продолжит бой и, черт возьми, еще покажет, на что способен, – а сам достает кольт и тычет дулом мне в ребра. – А повесить его мы успеем и после поединка.

– Но он же не умеет боксировать! – воскликнул Ричарде.

– Неважно, – говорит Маквей. – На карту поставлена честь нашего города. Томагавк обещал выставить бойца против О'Тула, и он... И тут меня осенило:

– Так у нас здесь что – драка?

Маквей издал слабый стон, а Кирби потянулся за кольцом, но в этот момент рефери объявил начало второго раунда. Я вскочил на ноги и помчался к О'Тулу. Так вот в чем дело! Им нужна драка! Прекрасно! Они ее получают. Болтовня насчет правил, вопли толпы и кулаки О'Тула совершенно сбили меня с толку, и потому я поначалу никак не мог уразуметь, что же от мен требуется. Я подскочил к О'Тулу и ударил, но тот увернулся, и не успел моргнуть глазом, как заехал мне кулачищами и в живот, и в нос, и в глаз, и в ухо. Хлынула кровь, и толпа заревела от восторга. А мой противник, совершенно ошарашенный, вылупил на меня и проскрежетал:

– Какого черта! Почему ты не падаешь?

Я выплюнул полную горсть крови. Затем, воспользовавшись общим замешательством, крепко обхватил торс врага и, добравшись зубами до уха, с упоением принялся его грызть. Враг взвыл, словно подстреленная рысь. Тут же подлетел Юкка и попытался оторвать меня от О'Тула, но я изловчился и хорошенько шлепнул его по шее, чтобы не мешал. Рефери вскрикнул и юлой отлетел к веревкам.

– Прекратить бой! – заорал он. – Фол!

А Кирби внятно произнес, поигрывая кольцом:

– Ты, придурок! Если получишь хотя бы еще один фол, я тебя шлепну на месте! Тем временем О'Тул сумел-таки от меня отлепиться и, не мешкая, припечатал костяшками в челюсть. Я почувствовал, что самообладание начинает мне изменять. Вдобавок ко всему он крикнул:

– Эй, ты, увалень! Если хочешь превратить честный бой в уличную потасовку, ваяй – не стесняйся! Какого черта! Я тоже вышел не из института благородных девиц! После чего он лягнул меня в пах и потянулся лапой к уху. Но я цапнул его за большой палец и начал основательно пережевывать. О'Тул заверещал, точно под угрозой оказалось его мужское достоинство. Он едва не оглушил меня вконец, и, чтобы прекратить шум, я бросил его на землю и потоптал немножко ногами. К этому моменту толпа уже совершенно обезумела. И тут из самой гущи раздался выстрел. Пуля, не задев тело, разорвала мой шелковый пояс, и я почувствовал, как штаны предательски заскользили вниз. Я тут же ухватился за них обеими руками. Увидав, что мне уже не до него, О'Тул поднялся и, окровавленный, истекая красной слюной, бросился на меня. Я не решился отпустить штаны, и чтобы избежать столкновения, развернулся и в наклоне выбросил вверх ногу. Удар пришелся пяткой в челюсть. Парень кувырнулся в воздухе, но, задев головой землю, рухнул всем телом и остался лежать –

неподвижный, с ногами, запутавшимися в веревках. Это называлось, как потом мне сказали, чистый нокаут. Оставался пустяк: выяснить, жив ли он еще.

Над толпой гостей прокатился рев: Не по правилам!, и в мгновение ока обе стороны ошетинились оружием. Жители Томагавка вопили, что никаких нарушений: не было и поединок выигран честно, а выходцы из Гунстока осыпали меня угрозами и проклятиями, пока, наконец, кто-то не выкрикнул: Пусть решает рефери!

– Правильно! – согласился Кирби. – Уж этот знает, что наш парень выиграл в честном бою. И пусть попробует не согласиться – я ему башку оторву!

– Бреешь ты все! – заорал кто-то из Гунстока. – Рефери видел, что было нарушение правил! А если он чего недоглядел – так я быстро ему глотку перережу! При этих словах бедный Юкка свалился в обморок. Страсти разгорелись с новой силой, но вдруг, перекрывая шум толпы, из-за изгороди послышался топот копыт, и в ворота на всем скаку влетела большая группа всадников. Мигом забыв распри, все дружно загалдели: Смотрите, смотрите! Вот и они явились, висельники из Белой Клячи! Мгновенно сотни стволов нацелились на неожиданных гостей, а Маквей грозно так поинтересовался:

– С чем пожаловали? С войной или с миром?

– Мы здесь для того, чтобы разоблачить страшный обман! – прорычал в ответ крупный мужчина с красным платком, повязанным вокруг шеи. – Макгорти, выходи! Верхом на Александре, вперед протиснулась знакомая мне личность, на этот раз уже одетая ковбоем. Приняв позу обличителя, человек на муле завопил:

– Вот он! Вот тот головорез, что ограбил меня! Признавайся, куда ты дел штаны и рубаху?

– Что там случилось? – снова заволновалась притихшая было толпа.

– Вас подло надули! – крикнул человек с красным платком. – Вот настоящий Брузер Макгорти

– А кто же этот? – выкрикнул какой-то парень, тыча в меня пальцем.

– Мен зовут Брекенридж Элкинс, и я сверну шею любому, кто до меня дотронется! – зарычал я, теряя остатки разума, сжал кулаки и приготовился дорого продать свою жизнь. Но предательские штаны снова поползли вниз, и мне поневоле пришлось утихомирить свой пыл.

– Ага! – гиеной взвыл Красный Платок. – Сам признался! Я пока не докопался до сути этого дела, но одно знаю точно: эти псы из Томагавка решили кое на ком нагреть руки. Думаю, теперь олухи из Гунстока воочию убедились, что за мерзкие душонки у их приятелей. Этот человек – Макгорти – несколько часов назад прибыл в Белую Клячу верхом на муле, почти голый, и рассказал, как его остановили среди бела дня на дороге, ограбили, да еще и направили по ложному пути. Но мы не из тех, кто позволяет творить зло безнаказанно! Мы нарочно захватили с собой Макгорти, чтобы показать, как вас надувают в Томагавке! Этот негодяй вовсе не боксер, а грабитель с большой: дороги!

– Подлые койоты из Томагавка нас облапошили! – завопил кто-то из жителей Гунстока.

– Врешь, собака! – зарычал Ричарде, направляя на него кольт. В следующий миг толпа взорвалась яростными воплями: затрещали выстрелы, блеснули лезвия ножей. Храбрецы из Гунстока, не решаясь перейти к наступательным действиям, осыпали бранью недавних соратников из Томагавка, а всадники из Белой Клячи, вопя от восторга, подзадоривали и тех и других. От страха за собственную жизнь Макгорти упал на шею Александра и крепко обхватил ее обеими руками. Умница Александр не стал мешкать и в облаке пыли и порохового дыма покинул поле боя. Я схватил пояс с кобурой, который Маквей перед поединком повесил на столб в моем углу и, согнувшись в три погибели, ужом стал потихоньку выбираться из всеобщей заварухи. Вокруг пчелиным роем жужжали пули, к тому же мне все время приходилось поддерживать проклятые штаны. Наконец я выбрался из свалки и решил было схорониться в кустах, но вовремя вспомнил о письме. Прямо за моей спиной раздавался густой треск выстрелов вперемежку с воплями сотен людей. Я вскочил и, уже не прячась, помчался к ближайшему дому. Как только я добежал до задней стены дома – крайнего на этой улице, – моя голова ткнулась во что-то мягкое. Это был Макгорти, который

пытался скакать на Александре. В руках он держал только один повод, и сейчас Александр, как видно, обскакав вокруг поселка, приближался к началу своего путешествия. Я бежал так быстро, что не сумел вовремя остановиться, и мы, столкнувшись, втроем повалились на землю. Я тут же вскочил, думая, что зашиб Александра или сломал ему ногу, но мой верный друг поднялся, отфыркиваясь, как ни в чем не бывало. Вслед за ним, покачиваясь из стороны в сторону и издавая носом непривычные моему слуху звуки, поднялся на ноги Макгорти. Я ткнул ему в живот кольт и говорю:

– Скидывай штаны!

– О Боже! – застонал он. – Опять? Здесь что, такой обычай?

– Живо! – говорю. – Иначе я за себя не ручаюсь. Он стащил штаны и, вцепившись в трусы обеими руками, помчался от меня с такой прытью, словно боялся, что на этот раз непременно раздену его догола. Я натянул штаны, вскочил на Александра и поскакал к южной окраине городка. Я предпочел пробираться задворками, хотя это была явно излишняя предосторожность, и довольно скоро выехал к магазину, о котором мне говорил Кирби. Как ни странно, здесь тоже шел бой. Какие-то люди, укрывшись в старой хибаре на другой стороне улицы, деловито обстреливали магазин. Я привязал Александра к крюку, вбитому в стену у двери на заднем дворе, и вошел. Прямо перед распахнутым настежь парадным я увидел старика Брентона, который, укрывшись за бочками, бойко посылал через улицу пулю за пулей из винчестера. В дверной проем то и дело влетали пули, теребя заросли его бакенбардов, на что старик отвечал проклятиями, по многоэтажности далеко превосходившими те, которыми утешался мой папаша после промаха по медведю. Я осторожно приблизился и легонько постучал его по плечу кончиками пальцев. Старик дико завопил и, опрокинувшись на спину, бабахнул мне прямо в лицо, опалив брови. Парни на той стороне улицы разразились проклятиями и часть огня перенесли на меня. Я ухватился за ружейный ствол, а старик, не переставая ругаться, крепко вцепившись в винчестер одной рукой, другой лихорадочно шарил за голенищем в поисках ножа. Тогда я этак почтительно говорю ему:

– Мистер Брентон, если вы не, слишком заняты, я бы хотел получить письмо для папаша.

– Не смей подкрадываться со спины! – заорал он на меня. – Я принял тебя за одного из негодяев! Осторожно! Да нагнись же, идиот ты этакий! Я выпустил дуло, и он тут же послал пулю в человека, целившегося из-за угла хижины. Раздался вой, и человек скрылся.

– Что за люди? – спрашиваю.

– Опоссум Сантри со своей шайкой спустился с гор за золотом, – отрывисто произнес старик, перезаряжая винчестер. – Идиот шериф так никого и не прислал, а прочие дурни беснуются вокруг ринга и кроме себя ничего не слышат. Поберегись, сынок, опять ползут! Шесть или семь человек выбежали из-за угла хижины и, стреляя на ходу, помчались к нам через улицу. Я понял: пока не утихнет пальба, не видать мне письма как своих ушей. Поэтому я, вытащив свой старенький кольт, трижды бабахнул, и трое наступавших попадали на землю. Остальные немедленно повернули и побежали обратно в укрытие.

– Неплохая работа, сынок! – крикнул мне старик Брентон. – Если когда-нибудь я... О, Иуда Искарот, нас сейчас разнесет в клочки! Что-то выкатилось из-за угла хибары. Противоположная сторона улицы несколько возвышалась над нашей, поэтому предмет, набирая скорость, быстро приближался. Вглядевшись, я увидел бочонок галлонов на пять со вставленным фитилем. Фитиль горел, разбрасывая искры, и, вращаясь вместе с бочонком, опоясывал его огненным кольцом. Я спросил Брентона:

– Что там у него внутри?

– Порох – взвизгнул старик и вскочил на ноги. – Деру! Живо! Он сейчас влетит прямехонько в дверь! Старик так струхнул, что начисто забыл о парнях напротив, за что сразу получил пулю в бедро, и страшно ругаясь, опустился на пол. Я перешагнул через него и направился было к двери, но в этот момент другая пуля задела мой бок. Бочонок ткнулся в ноги и остановился. Я наклонился, осторожно приподнял его и со всей силы швырнул на

другую сторону улицы. Не успел он коснуться хибары, как раздалось жуткое б-бах!, и противоположная сторона улицы скрылась в клубах дыма. Когда с неба перестали сыпаться парни и обломки хибары, когда слегка прояснело, там остался только безлюдный пустырь.

– Провалиться мне на месте, – прошептал старик Брентон. – Никогда бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами!

– А вас здорово задело, мистер Брентон?

– Я умираю, – слабым голосом простонал он.

– Тогда прежде чем умрете, может быть, дадите мне письмо для папаши?

– Как зовут твоего отца? – еле слышно спрашивает он.

– Билл Роллинг Элкинс, – отвечаю. Пожалуй, старик несколько преувеличивал опасность своего ранения. Поднявшись с пола, пусть и не без труда, он взял кожаную сумку и, порывшись в ней с минуту, вытащил конверт.

– Помню, я что-то говорил старику Роджерсу насчет письма для Билла Элкинса, – сказал он, переворачивая конверт. – Постой-ка! Да оно адресовано вовсе не твоему отцу. Эх, глаза мои начинают сдавать! В тот раз я чуток ошибся. Оказывается, оно для Билла Элстона, что живет при дороге на Белую Клячу. И вот тут я хочу лично опровергнуть злостные слухи, что якобы в отместку хотел прикончить старика Брентона и разнести его магазин. Я уже докладывал, каким образом старик повредил себе ногу, что же касается остального, то все произошло совершенно случайно. Когда до меня дошло, что все напасти, выпавшие мне на долю, я претерпел зазря, то до того разозлился, что повернулся и выбежал из дома на задний двор. Только я забыл открыть дверь – потому и сорвал ее с петель. Потом я вскочил в седло, опять-таки забыв отвязать Александра от крюка. Я дал ему пятками по ребрам, мул рванул и вырвал вместе, с крюком угол здания. Вот почему на магазинчике осела крыша. Старик Брентон в доме страшно закричал. В это самое время к дому подлетела группа всадников, которых три враждующие стороны – из Белой Клячи, Гунстока и Томагавка-послали выяснить, что это здесь у нас так громко рвануло. Парни тут же решили, что я и есть причина всех бед, и, недолго думая, открыли пальбу из всех стволов, так что мне пришлось уносить ноги подобру-поздорову. Вот как я заработал в спину заряд крупной дроби. Мы вылетели из Томагавка и так лихо поскакали в горы, что со стороны казались, наверное, одной сплошной линией. А я твердил про себя, что не такая уж это, оказывается, простая штука – сделать себе имя, и что в цивилизованном обществе на подростка с неокрепшими мускулами расставлено слишком много капканов и слишком много вырыто волчьих ям.

Глава 3. Знакомство с Капитаном Киддом

Я не сдерживал Александра, пока Томагавк совсем не скрылся из вида. Тогда я с рыси перешел на шаг, чтобы, не торопясь, обдумать свое положение. В результате этого мое сердце упало прямо в башмаки, на шипах которых до сих пор болтались ошметки шкуры мистера О'Тула. Так вот чем закончился первый выход в большой свет с намерением показать Глории Макгроу мое мужество и отвагу! Что осталось от недавних дерзких планов? Пара чужих штанов с кожаными заплатами на заднице да чертовы башмаки, клещами стиснувшие ноги, и только! Правда, я сохранил свой пояс, оружие и кобуру с отцовским долларом, но где мне его потратить? Единственное мое приобретение – лишь добрая порция дроби под шкурой.

– А, пропади все пропадом! – воскликнул я, в сердцах грозя кулаком сразу всему свету. – Ни за что не вернусь на Медвежью речку в таком виде! Да Глория подымет меня на смех! А что, если отправиться на Дикую речку? Ну да! Наймусь пастухом на какое-нибудь ранчо, заработаю денег, куплю себе и лошадь, и обновы.

Приняв решение, я вытащил кривой нож и принялся выковыривать пулю, засевшую в боку, и те дробины в спине, до которых сумел дотянуться. Прежде-то мне никогда не

доводилось пасти коров или коз, зато я приобрел дома богатый опыт по части стреноживания диких бычков. Видите ли, по мере того как бычки подрастают, они переходят с равнинных пастбищ на горные, где быстро набирают вес и крутой характер. Мы с Александром всегда охотно брались за такую работу, и потому не было случая, чтобы, отправляясь куда-нибудь верхом, я не захватил с собой лассо. Оно и сейчас было приторочено к седлу, и я был очень доволен, что никто из ковбоев не догадался его стащить. Впрочем, скорее всего, они просто не додумались о назначении этого предмета. Я сам его смастерил и использовал не только на бычков, но также для ловли кугуаров и гризли, которыми прямо-таки кишат горы Гумбольдта. Лассо, очень прочное, было сшито из полос буйволовой кожи, имело в длину девяносто футов и в то же время по весу не превышало обычное лассо, а хонда представляла собой полфунтовый кусок железа, обработанный кувалдой для придания необходимой формы. Я всерьез полагал, что меня возьмут ковбоем даже без шикарной одежды и с мулом вместо лошади.

Итак, я отправился через горы в страну ковбоев, не придерживаясь определенного маршрута, но примерно представляя, в каком, направлении находится Дикая речка – цель моего путешествия. Разве этого не достаточно? Я знал, что если ехать, никуда не сворачивая, то рано или поздно все равно на нее наткнешься. К тому же в лесах по берегам ручьев густо росла молодая трава – необходимое условие для поддержания бодрости духа у Александра, а для меня в изобилии водились кролики и белки.

К ночи я уже забрался высоко в горы. В тот вечер мой ужин состоял всего из девяти поджаренных на огне белок, которых едва хватило, чтобы приглушить голод до утра. Я очень надеялся, что на следующий день повстречаю медведя или, на худой конец, дикого кабана, потому как, сами понимаете, долго на такой ерунде продержаться было невозможно.

Утром я был в седле еще задолго до восхода солнца. В тот день пришлось обойтись без завтрака – местность вокруг выглядела вымершей, к тому же за все утро я так и не заметил ничего, достойного внимания, лишь однажды мне повстречался канюк. Было далеко за полдень, когда перевалил через Большой хребет и выехал к плато размером с небольшой округ. Природа здесь была великолепна: источники с чистейшей водой, речушки, на берегах которых трава доходила мне до стремени, ольховые перелески и сосновые леса по склонам холмов. Отсюда можно было различить небольшие каньоны, скалы, разбросанные в живописном беспорядке, и даже невысокие горы, высившиеся по краям плато. Честно говоря, это было сказочное местечко – самое красивое из всех, что я когда-либо видел прежде, и к тому же, на первый взгляд, совершенно безлюдное. Но, как показало время, с выводами я поторопился.

Я спустился с гряды, отделявшей плато от голых скал, и сразу оказался в самой гуще событий. Прежде всего на поляну выбежала из зарослей дикая кошка, на ходу обдала меня зловещим взглядом и, не останавливаясь, грациозной рысью помчалась дальше вверх по склону. Вслед за ней меня чуть не сшиб с ног огромный волчище – вожак девяти волков поменьше. Все так же, не мешкая, скрылись в западном направлении среди холмов. Александр вдруг резко фыркнул и задрожал. Из чащи выскользнул кугуар. Рыкнув на нас через плечо, он огромными прыжками пронесся мимо. Все зверюшки спасались в той самой стороне, откуда я только что прибыл. Я недоумевал: как можно было променять сей благословенный край на бесплодную пустыню?

Как видно, Александра этот вопрос занимал не меньше – он широко раздувал ноздри и протяжно ревел. Я натянул поводья и тоже принялся: обычно подобная суматоха предвещала лесной пожар, но сейчас запаха дыма в воздухе не чувствовалось. Спустившись по склону, выехал на равнину. Здесь царила уже настоящая давка: рыси, волки, кугуары – все в панике улепетывали на запад. Было ясно, что звери до смерти напуганы. Звериный поток обтекал нас с обеих сторон, не проявляя к моей персоне ни малейшего интереса. Через несколько миль нам встретился табун мустангов во главе с рослым жеребцом. В другое время этот забияка не упустил бы случая выкинуть какую-нибудь пакость, но сейчас он был напуган не меньше своих собратьев.

Солнце клонилось к закату, когда выехал на полянку. С одной стороны ее огибал ручей, густо поросший по берегам ивами, с другой – нависли высокие скалы. Жутко хотелось есть. Пока раздумывал, стоит ли поискать вокруг хоть что-нибудь съестное или лучше перенести внимание на волков и кугуаров, на поляну из леса вывалился здоровенный гризли и потопал на запад. Через несколько шагов он оглянулся и заметил нас с Александром. Неуверенно рыкнув, медведь двинулся в нашу сторону. По всему было видно, что парень окончательно спятил от страха, и мне пришлось его застрелить. Я расседлал Александра и отправил пастись на травку, а сам занялся медведем. Сняв шкуру, я развел огонь и, зажарив сразу несколько ломтей мяса, приступил к утолению голода. Работа предстояла немалая: начиная со вчерашнего вечера, у меня во рту маковой росинки не было. Когда от четвертого куска остался лишь слабый запах в воздухе, послышался конский топот. Я отвлекся от еды и увидел шестерых всадников, приближающихся к моему лагерю с востока. Один был ростом с меня, а другие не более шести футов каждый. Судя по внешности, это ковбои, причем самый крупный был разодет не хуже мистера Вилкинсона, только на этом рубашка была одноцветная. Зато во всем остальном – точная копия: те же умопомрачительные сапоги, белая шляпа и кольт, украшенный слоновой костью, а из подсумка торчал приклад дробовика. У него были темные волосы, маленькие хитрые глазки и такая выдающаяся челюсть, что при желании он мог бы перекусить спицу в колесе дилижанса. Человек залопотал мне что-то по-индейски. Не успел ответить, как один из его спутников говорит:

– Донован, да он никакой не индеец – глаза у него светлые.

– Сам вижу, – ответил тот. – Меня сбили с толку его рванина и загар. Ты кто такой, черт тебя задери?!

– Брекенридж Элкинс с Медвежьей реки, – ответил я, пораженный его величием.

– Ну а я Билл Донован по прозвищу Дикий Билл, чье имя вызывает дрожь от Пороховой реки вплоть до Рио-Гравде. Я ищу одного жеребца. Ты ничего такого не видел?

– Видел гнедого. Он вел табун на запад.

– Это не тот. Тот пегий, и другой такой крупной скотины не сыскать на всем свете. Он спустился с гор Гумбольдта еще жеребенком и с тех пор разгуливает по Штатам от океана до океана. У него настолько подлый характер, что он даже не обзавелся собственным гаремом. Когда ему нужна кобыла, он просто уводит ее у другого честного жеребца и, сделав дело, продолжает путь в гордом одиночестве.

– Вы что же думаете, будто все эти волки, медведи и кугуары дали тягу от одного жеребца?

– Вот именно! Этой ночью он миновал Восточную гряду, и звери его почуяли. Мы уже почти настигли мерзавца, но, переходя через горный хребет, потеряли его след.

– Так вы его ловите! – наконец-то дошло до меня.

– Ха! – злобно усмехнулся Донован. – Я еще не встречал человека, который не хотел бы стреножить Капитана Кидда! Мы гонимся за ним уже пятьсот миль с единственной надеждой – как угодно, но изловить эту бестию! Брать мустанга надо хитростью, когда он потеряет бдительность – на отдыхе или еще как. Только на глаза лучше не соваться – этот дьявол один искалечил и поубивал народу больше, чем десяток самых свирепых лошадей во всех Соединенных Штатах. Нам слишком дорога шкура, чтобы подставляться по-глупому,

– Как вы его называете?

– Капитан Кидд, – ответил Донован. – Так звали знаменитого пирата, который жил много лет назад. Так я тебе скажу, что этот жеребец – точная копия того, особенно касательно морали. Но я его заполучу, даже если придется ползти за ним на брюхе до самого Тихого океана. Билл Донован добивается всего, чего пожелает, – будь то женщина, деньги или лошадь! А теперь слушай внимательно, деревенщина, что скажет тебе Дикий Билл. Мы будем искать следы Капитана на севере, а ты, если встретишь черного с белым жеребца, да такого большого, что и во сне не приснится, или же заметишь его следы, бросай все свои делишки и не успокаивайся, пока не разыщешь меня. А не сделаешь, как говорю, то пожалеешь. Ясно?

– Да, сэр, – ответил я. – Один вопрос: вам на пути не попадалась Дикая речка?

– Может, попадалась, а может, и нет. Тебе в ней что за нужда? – высокомерно отвечал он.

– Да почти никакой, – говорю. – Просто я направляюсь в те места, чтобы наняться ковбоем. При этих словах Донован откинулся на спину лошади и оглушительно захохотал. Остальная компания с готовностью закудаhtала вслед за атаманом, а я стоял перед ними, как оплывавный.

– Ты это что, всерьез? – грохотал Донован. – Ты и вправду надеешься, что тебя возьмут в этих обносках, без рубахи да еще верхом на муле, который, кажется, не успокоится, пока не сожрет всю траву на этом плато? Ха-ха-ха! Оставайся лучше в своем захолустье, недотепа, и довольствуйся зайцами, кореньями да орехами, как и полагается всем индейцам, неважно – белого цвета у них шкура или красного. Любой уважающий себя владелец ранчо схватится за винчестер, как только ты заикнешься о работе!

Компания уже давно скрылась в лесу, а до меня все еще доносился их оскорбительный хохот.

Я был до того смущен, что аж в дрожь бросило. Конечно, Александр был неплохим мулом, хотя и выглядел, скажем прямо, странновато. Но из всех четвероногих, на которых я пробовал влезать, он оказался единственным, способным протащить меня несколько миль подряд без риска для жизни. Несмотря на вислое брюхо, это был на редкость сильный и выносливый мул, к тому же не из упрямец. Я начал понемногу закипать, но Докован с приятелями вовремя удалились.

На небе уже высыпали звезды. Я поджарил еще мяса и закончил прерванный ужин. Вокруг стояла мертвая тишина: ни воя волка, ни рычания кугуара. Все зверье скрылось за западным, хребтом. Видно, этот Капитан Кидд и в самом деле наводил ужас на всех плотоядных.

Я привязал Александра неподалеку и, устроив себе постель из попоны и ольховых веток, крепко заснул. Около полуночи меня разбудил Александр, который пытался пристроиться у меня под боком. Я выругался и хотел было проучить мула как следует, но скоро понял причину его животного страха. Внезапно ночную тишину разорвало ржание жеребца, да такое мощное, что волосы у меня на голове встали дыбом. Бьюсь об заклад – его было слышно за пятнадцать миль отсюда. В нем слились воедино и лошадиное ржание, и скрежет пилы, раздирающей узловатый дубовый ствол, и вой голодного кугуара. Судя по всему, зверь находился на расстоянии мили от лагеря, но полной уверенности у меня не было. От страха Александр весь дрожал. Он беспорядочно сучил ногами, норовил зарыться в ветки, а голову затолкать мне под мышку. Я отпихивал его, но мул упрямо стоял на своем. Когда я проснулся на следующее утро, то увидел, что тот спит, крепко прижавшись ко мне спиной, и голова его покоится на моем животе.

С рассветом, к Александру вернулось обычное самообладание, а может быть, он решил, что это был всего лишь кошмарный сон. Поднявшись на ноги, он тут же, как ни в чем не бывало, принялся щипать травку и слоняться среди зарослей. Я снова занялся медвежатиной и заодно поразмыслил, стоит ли сейчас пускаться на поиски мистера Донована, чтобы рассказать ему о ночном происшествии. Но в конце концов решил, что тот и сам все прекрасно слышал: такое ржание услышал бы любой, имеющий уши и находящийся на расстоянии дневного перехода отсюда. Во всяком случае, я не нашел серьезных причин, почему должен служить у Донована мальчиком на побегушках. Я еще не успел покончить с завтраком, как вдруг раздался душераздирающий рев, из-за деревьев пулей выскочил Александр и помчался к лагерю так, точно сам черт наступал ему на копыта. За ним из леса выбежал жеребец, и должен честно признаться, такого громилу я видел впервые в жизни. Масти он был черно-белой, а роскошная грива развевалась в солнечных лучах. Он презрительно заржал. От этого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Затем конь повернулся и, пощипывая траву, направился в лесок с таким видом, словно на свете не существовало ни меня, ни Александра, которого он едва не довел до сердечного приступа.

Тем временем Александр ворвался в лагерь и учинил в нем настоящий погром: он, как сумасшедший, понесся прямо на костер и разметал его во все стороны. Он брыкался и не давался в руки. Наконец, запутавшись ногами в стремянах, ткнулся головой в землю, но и тогда не успокоился, а орал, словно под ножом у мясника.

Я, как мог, успокоил беднягу, оседлал и накинул уздечку. Жеребец успел скрыться. в лесочке, поэтому я не стал мешкать, а, сняв с седла лассо, направился прямо в ту сторону. Я надеялся, что мое лассо поможет обуздать даже такого лошадиного психа, как Капитан Кидд. Александр резко возражал: приседал на задние ноги, оглушительно ревел – в общем, всячески демонстрировал свое нежелание искать в бою славы. Мне даже пришлось дать ему серьезное предупреждение, после чего он выбрал из двух зол меньшее и нехотя подчинился.

Миновав перелесок, мы выехали на островок холмистых прерий, где пасся Капитан Кидд. Я направил Александра прямо к нему, на ходу раскручивая лассо. Капитан поднял голову и угрожающе фыркнул, однако не двинулся с места, а продолжал стоять как вкопанный, глядя на нас с оскорбительным пренебрежением. Таких коварных, злобных глаз мне не доводилось еще встречать, ни у одной божьей твари. Я бросил лассо, петля обвилась вокруг шеи жеребца, а Александр, как и полагается в таких случаях, присел для упора на задние ноги.

Ну, доложу я вам, это было все равно что накинуть петлю на ураган! Как только Капитан Кидд ощутил на шее прикосновение лассо, он содрогнулся всем телом и сделал мощный прыжок, пытаясь вырваться на свободу. Лассо выдержало, но сплеховали подпруги. Запаса их прочности хватило ровно настолько, чтобы мы с Александром в рывке оторвались от земли. А где-то на середине полета они лопнули. Я, седло и Александр приземлились единым клубком, но Капитан Кидд, рванув еще раз, выдернул из этой кучи седло (я привязал конец лассо к луке на техасский манер), а Александр освободился совсем просто: он с минуту беспрерывно лягал меня в ухо, пока мне поневоле не пришлось выпустить поводья. В благодарность за освобождение мул наступил копытом мне на лицо и, задрав хвост, во всю прыть припустил прямо в направлении Медвежьей реки. Как я узнал позже, он не успокоился до тех пор, пока не добежал до нашего дома, где потом отчаянно пытался забиться под кровать брата Джима.

Тем. временем Капитан сбросил петлю и стал подступать ко мне – пасть широко раскрыта, уши прижаты, глаза пылают дьявольским огнем! Мне не хотелось его убивать, поэтому я вскочил на ноги и помчался к деревьям, на бегу присматривая достаточно высокое и прочное, чтобы на нем укрыться от конской мести. Но этот псих мчался за мной прытче торнадо, и я понял, что не успею. Тогда, выдернув из земли молодое деревце толщиной с мою ногу, я повернул его корнями вверх и в тот момент, когда мустанг уже готов был растоптать меня копытами, развернулся и что было сил огрел его стволом по башке. Во все стороны брызнули щепки, куски коры и корней. Капитан захрапел, моргнул. глазами и присел на задние ноги. Это был превосходный удар – угости я таким Александра, череп того раскололся бы, как орех, а ведь надо заметить, что даже для мула Александр был на редкость крепкоголовым. Пока Капитан вытряхивал из глаз кору вперемешку с искрами, я взобрался на толстый дуб, росший неподалеку. Мустанг начал осаду, выгрызая из ствола куски величиной с лохань для белья. Потом, не успокоившись, принялся обивать копытами кору, но дубу все было нипочем. Псих даже сделал попытку взобраться на дерево, немало меня этим позабавив. Наконец, видя бесплодность своих, усилий, жеребец презрительно храпнул и легкой рысью побежал прочь.

Я подождал, пока тот не скроется из виду, затем, слез с дерева, подобрал лассо, седло и отправился следом. Я знал, что бесполезно пытаться поймать Александра, если он взял курс к дому, но не очень беспокоился на его счет: у меня был вполне самостоятельный мул. Сейчас мне нужен был только Капитан Кидд. В тот миг, когда мустанг устоял против моей дубины, я понял, что мы просто созданы друг для друга: только этот жеребец смог бы целый день таскать меня на своей спине и оставаться к закату таким же бодрым, как и его седок. И я поклялся, что скорее койоты изгрызут мои кости, чем я откажусь от мысли объездить этого

жеребца.

Я крадучись перебегал от дерева к дереву, пока наконец не увидел Капитана – тот трусил неспешной, развязной рысцей, на ходу подкрепляясь травой, верхушками молодых побегов, иногда ломая молодые деревья, чтобы полакомиться нежными листочками. Время от времени он пронзительно ржал и от избытка чувств взбрыкивал ногами. В такие минуты воздух вокруг наполнялся ошметками земли и мелкими, камешками, а сам конь пребывал как бы в центре небольшого. смерча. Удивительный зверь! В нем было не меньше буйства и свирепости, чем у нализовавшегося апача на тропе войны.

Сперва я полагал, привязать конец лассо к толстому дереву и уже потом попытаться заарканить жеребца, однако, поразмыслив, отказался от этой затеи, опасаясь, что этот псих может перегрызть ремень. Но случай подсказал мне выход. Неподалеку над верхушками деревьев возвышались крутые скалы, и Капитан Кидд как раз проходил мимо устья небольшого каньона. Мустанг заглянул в расселину – вход в каньон – и фыркнул, словно в надежде, что ему ответит рычание кугуара, но там все было тихо, и, он прошествовал дальше. Ветер дул в мою сторону, и я не боялся быть обнаруженным.

Как только его могучий торс скрылся среди деревьев, я осторожно подкрался к расселине и осмотрел каньон. Оказалось, что тот имеет форму неправильного круга и оканчивается тупиком. Шириной у входа не более тридцати футов, он быстро расширялся до ста ярдов, а затем так же быстро сужался до узкой щели. Со всех сторон каньон окружали скалы высотой не менее пятисот футов.

« Ну что ж, – сказал я себе, – вот готовая ловушка », и стал сооружать из каменных глыб стену поперек расселины. Позже я слышал, что какая-то археологическая экспедиция (и за каким чертом занесло ее в наши горы?) потрясла весь научный мир открытием в этих местах следов древнейшей цивилизации. Археологи в один голос утверждали, будто обнаружили завал, воздвигнуть который под силу было лишь великанам. Они, должно быть, все с ума посходили в своих городах – то ж была стена, которую я приготовил для Капитана Кидда.

Стену предстояло сделать высокой и прочной, чтобы жеребец не смог перемахнуть через нее или разрушить. У подножи скал лежало полно обломков, но я выбирал только те, что весом не менее трехсот фунтов или поувесистее. За работой прошло все утро, зато, когда я закончил, передо мной. встала стена выше человеческого роста такая прочная, что устояла бы даже перед натиском Капитана Кидда.

Я оставил в ней узкий проход, а снаружи приготовил еще несколько валунов, чтобы, когда потребуется, было чем завалить дыру. Завершив таким образом приготовления, я встал перед входом и завыл кугуаром. Честно говоря, даже сами кугуары попадают на эту уловку, когда я начинаю им подражать. Поэтому не удивительно, что очень скоро до моего уха донеслось воинственное ржание, затем послышался ураганный топот копыт, треск ломающихся сучьев, и через несколько секунд из перелеска на открытое пространство вылетел сам Капитан Кидд – уши прижаты, зубы оскалены, а глаза красные, как боевая раскраска команчей. Наверняка. он не слишком жаловал кугуаров. Но меня он, как видно, тоже порядком недолблювал. Увидев знакомую фигуру, жеребец в ярости зарычал и рванул прямо ко мне. Я скользнул в проход и распластался за выступом стены с внутренней стороны. Слепленный жаждой мести, Капитан протиснулся следом и опомнился уже в каньоне. Прежде чем он оценил обстановку и повернул обратно, я выскочил наружу и стал заваливать вход. У мен был заготовлен огромный валун величиной с жирного кабана. Сначала я засунул в проход его, а сверху навалил другие, поменьше. Скоро объявился Капитан Кидд – весь в ярости, сплошные зубы. и копыта. Но шансы перепрыгнуть через стену были равны нулю, а расшатать ее – и того меньше. Только этому коню все было нипочем. Он едва не сбил копыта, но все, чего добился, – это несколько крошечных осколков. Он точно спятил, а когда я влез на стену и показал ему сверху кукиш, с ним от ненависти приключилась настоящая истерика. Конь метался перед стеной, диким ржанием напоминая рев разъяренного паровика. которому не дают на реке ходу. Потом отступил и

попытался расшатать стену с разбега. Когда он повернулся и изогнулся в галоп, чтобы повторить опыт, я прыгнул со стены ему на спину, но прежде чем успел ухватиться за гриву, зверь швырнул меня обратно. Перелетев через стену, я приземлился точнехонько на кучу валунов и молоденьких кактусов.

Допустить такое было никак невозможно. Я взял седло и лассо, снова взобрался на стену и вновь набросил на жеребца петлю. Но Капитан с первым же рывком выдернул из моих рук лассо и ну брыкаться, мотать башкой и валяться по земле – все перепробовал, лишь бы избавиться от петли на шее! Свои номера он выкидывал совсем рядом со стеной и вот в одном из прыжков нанес по ней такой мощный удар, что целый угол кладки обвалился, а несколько увесистых камней ударили его промеж ушей. Этого оказалось чересчур даже для Капитана Кидда.

Жеребец ушел в нокаут и на какое-то время потерял способность соображать, а я не мешкая, спрыгнул вниз, надел на него седло, хорошенько затянул новые подпруги-на их починку ушла часть лассо – и накинул уздечку.

Когда Капитан пришел в себя, я уже прочно устроился в седле. Он поднялся, грозно отфыркиваясь, и некоторое время стоял неподвижно, как изваяние, припоминая, что за чертовщина с ним приключилась. Потом медленно повернул голову и увидел меня, восседающего у него на спине. В следующий миг я подумал, что оседлал не жеребца, а разбушевавшийся торнадо. Уже и не упомяну всего. Торнадо бушевал слишком долго, и мне сейчас весьма затруднительно разложить свои ощущения по полочкам. Помню только, как я отчаянно цеплялся за поводья зубами. И если вам кто-нибудь скажет, что он удержался бы и не роняя своего достоинства, знайте: перед вами бесстыжий болтун. Не родился, еще человек, способный объездить Капитана Кидда не прибегая к крайним мерам. Мои ноги то попадали в стремяна, то болтались в воздухе, то снова находили, их. Не знаю, как это у меня получалось, но только Бог свидетель – я не вру. Изредка я трясся в седле, но по большей части где-то ближе к хвосту или в области шеи. Конь то и дело вертел башкой, норовя цапнуть меня за ногу, и один раз достиг успеха. Не угости я его по морде кулаком, он отхватил бы порядочный кусок от моей ляжки. Мустанг то выгибался, дугой в прыжке, и тогда я взлетал на головокружительную высоту; то вдруг приземлялся на прямых ногах, и я слышал, как бряцают друг о друга мои позвонки. Он так лихо выделял свои пируэты, что у меня заурчало в животе, а голова чуть не оторвалась и не укатилась в кусты. Казалось, Капитан задался целью, по крайней мере, сшибить копытами солнце с неба. Время от времени он принимался кататься по земле, и это причиняло мне массу неудобств. Но я вцепился в него мертвой хваткой, ибо знал: если проиграю, на этот раз, другого случая мне не представится. А еще я понимал, что если вылечу из седла, мустанга наверняка придется пристрелить, чтобы тот не выпустил мне кишки. И потому я держался, хотя, признаюсь честно, вряд ли на свете отыщется местечко менее удобное, чем под тушей Капитана Кидда.

Он попытался размазать меня по стене, но добился лишь того, что ободрал мне кожу и излохматил большую часть штанов. Правда, был один неприятный момент: Капитан так сильно приложился мною о выступ скалы, что затрещали ребра.

По всему было видно, что жеребец и дальше намерен продолжать в том же духе, да только он не взял в расчет мое упрямство. И вдруг совершенно неожиданно Капитан встал как вкопанный посреди каньона, на три фута вывалив язык и тяжело раздувая взмыленные бока. Я с усилием поднял голову. Солнце неспешно садилось за горы. Выходит, эта болтанка заняла всю вторую половину дня!

Но зверь был побежден. Мы оба понимали это. Я помотал головой, чтобы прочистить глаза от залетевших туда капелек пота, крови и роя каких-то белых точек, и без лишних усилий спустился на землю: просто достал ноги из стремян и, потеряв опору, скатился вниз.

Я пролежал, наверное, с час, чувствуя непривычную слабость во всем теле. Похоже, те же ощущения испытывал и Капитан Кидд. Отдохнув немного, я встал и расседлал его. Жеребец, должно быть, для очистки совести сделал слабую попытку укусить меня, но лишь отхватил зубами металлическую пряжку от кожаного пояса. Неподалеку из-под скалы

пробивался ручей, вокруг в изобилии росла трава, и я решил, что, отдохнув и отдышавшись, мой конь найдет здесь все, что только пожелает его смятенная душа.

Я перелез через стену, развел костер и зажарил остатки медвежатины. Затем основательно подкрепился и, развалившись прямо на земле, уже не просыпался до самого утра. Когда проснулся, солнце стояло высоко и начинало понемногу припекать. Я вскочил и подбежал к стене. Капитан Кидд, кроткий, как овечка, щипал на лужайке траву. Он бросил в мою сторону злобный взгляд, но не издал ни звука. Мне до того не терпелось узнать, намерен ли он, как вчера, вести себя по-свински или наконец признает во мне хозяина, что я даже не стал возиться с пряжкой и совершенно забыл про завтрак. Я оставил ремень болтаться на ольховом суку, а сам быстро перелез через стену и направился к Капитану Кидду. Увидев, меня, тот прижал уши и сделал энергичную попытку лягнуть меня в колено, но я увернулся и хорошенько шлепнул его по брюху. Он, обиженно всхрипнул и выгнулся, а я быстро накинул седло и затянул подпруги, Капитан показал зубы, но этим дело и ограничилось. И лишь когда я вскочил ему на спину, он сделал десяток прыжков и один раз цапнул за ногу. Сами понимаете, мне было чертовски приятно. Я спешился и, разобрав завал, вывел его из западни. Почувствовав свободу, жеребец немедленно встал на дыбы и рванулся вперед. Он протащил меня по земле не менее ста ярдов, прежде чем мне удалось зацепиться обрывком лассо за дерево. Как только ремень натянулся до отказа, конь сразу успокоился.

Я уже собрался было вернуться за поясом, но вдруг услышал лошадиный топот, и из леса показался Донован с приятелями. Они резко осадили коней и дружно поразевали рты. При виде их Капитан, угрожающе захрапел, но не двинулся с места.

– Будь я проклят, – заорал Донован, – если это не Капитан Кидд собственной персоной, да еще и под седлом! Неужели это сделал ты?

– А кто же еще? – Мне даже обидно стало.

Крутой парень оглядел меня с головы до ног и говорит:

– Похоже на правду. Лихо он тебя отделал. Как только жив остался?

– Ребра вот слегка побаливают, – отвечаю.

– О-о-о! – воскликнул Донован. – Подумать только! Какой-то полуголый недотепа совершил то, что оказалось не под силу лучшим наездникам Запада! Ну да ладно. Тебе все равно никто не поверит. К тому же, я знаю свои права. Мы выслеживали этого коня тысячу миль, столько кружили по этому чертову плато, и я не намерен его уступать! Этот конь мой!

Тогда я ему сказал:

– Сэр, вы ошибаетесь. Вы сами сказали, что он родился в горах Гумбольдта, как и я. В любом случае, я его поймал, я его объездил и никому отдавать не собираюсь.

– Билл, он правду говорит, – заметил один из ковбоев.

– Заткнись! – рявкнул Донован, – Ты, что, забыл? Дикий Билл забирает все, что ему нравится!

Я вскинул руку и тут в отчаянии вспомнил, что кольт вместе с ножом и поясом висит теперь на ветке за сто ярдов отсюда.

Докован спрыгнул с лошади и, выхватив из подсумка дробовик, направил дуло прямо мне в лоб.

– Стой где стоишь! – злобно зашипел он. – Мне бы следовало пристрелить тебя за то, что не доложил вовремя, как полагается, где и когда видел этого коня. Но кольт скоро ты избавил меня от лишних хлопот, то так и быть – живи!

– Ты грязный конокрад! – воскликнул я в ярости.

– Придержи язык, собака! – зарычал он. – Кого ты называешь конокрадом? Мы разыграем коня. Садись!

Я сел на траву. Все также, не опуская ружья, он уселся напротив. Будь у него обычный кольт, я бы вышиб его из рук и сам взял бы этого парня на мушку. Но я был еще слишком молод, неопытен и ступешался перед ружейным, дулом. Остальные уселись вокруг на корточках.

– Смоки, – повернулся Донован к, одному из парней, – притащи-ка свою колоду, ту

самую. Слушай сюда, недотепа. Правила такие: Смоки сдает по пять карт, и тот, кому выпадет больше очков, забирает коня, По рукам?

– Моя ставка – конь, – возразил я. – А что ставить ты?

– Свою шляпу! Ха-ха-ха! – Все больше наглез он.

– Хо-хо-хо! – с готовностью подхватила паршивая команда. Смоки начал метать карты.

Вдруг я вижу – происходит нечто странное. :

– Эй! – закричал я. – Так не пойдет! Ты достал ему карту снизу колоды!

– Заткнись! – заорал Донован, тыча мне в живот ружейным дулом. – Научись выбирать выражения, когда имеешь дело со старшими! Игра была честной, и мне повезло: тебе нечем крыть четыре туза!

– Откуда ты знаешь, что у тебя четыре туза? Ты ведь даже карты в руки не успел взять! – На что он нагло ухмыльнулся и перевернул карты: на траве лежали четыре туза и король.

– Ах, черт возьми! – притворно удивился он. – Надо же, какое совпадение!

– Действительно, кто бы мог подумать, – с издевкой ответил я и бросил карты – тройку, пятерку и семерку червей, десятку трэф и вальта бубей.

– Я выиграл! – злорадно крикнул Донован и поднялся с земли. Я тоже вскочил, но он снова, навел свой чертов дробовик, – Ред, сядь на коня и отгони его в лагерь, – приказал он рыжеволосому увальню ростом по ниже, но такому же широкому в плечах. – Да проверь, правильно ли он оседлан. Я сам присмотрю пока за этим деревенщиной.

И вот Ред подошел к Капитану Кидду, который по-прежнему спокойно стоял у дерева и, похоже, не собирался высказываться против перемены власти. От огорчения мое сердце провалилось прямо в башмаки. Ред отвязал коня, вскочил в седло, а тот и не подумал его укусить! Ред буркнул: «Н-но, сукин сын, пошел!» И тут жеребец повернул голову, увидел Реда и, широко раскрыв свою пасть. аллигатора, дико загоготал! Я никогда прежде не слышал, чтобы лошади гоготали, теперь точно знаю, как это бывает на деле. Капитан Кидд не храпел, не ржал, а именно гоготал! Он гоготал до тех пор, пока с кедров градом не посыпались шишки, а эхо раскатистым громом не прокатилось среди скал. Потом вновь обернулся, схватил зубами новоявленного наездника за ногу и, выдернув из седла, подержал какое-то время вниз головой, легонько встряхивая. На землю посыпались кольты, ножи и всякая мелочь. Ред дико завопил. Капитан потряс его еще немного, пока тот вовсе не обвис мешком, затем раза три-четыре крутанул в воздухе и послал прямиком в ольховую чашу. Они все пораззевали рты, а Донован – тот вовсе забыл про свой пост, так что мне не составило особого труда освободить его от дробовика, после чего хорошенько въехать по уху. Он недоуменно хмыкнул и ткнулся носом в землю. Тогда я наставил на ковбоев оружие. и сказал:

– Пояса на землю, живо!

При виде дробовика они жутко перетрусили и не стали возражать. Не успел я закрыть рот, как четыре, пояса легли на траву.

– Вот и ладно, – говорю. – А теперь приведите ко мне Капитана Кидда.

Воспользовавшись сумятицей, тот успел отойти к лошадям и уже задавал им легкую трепку.

Парни взглянули в ту сторону и хором завопили:

– Да он же нас прикончит!

– Эка важность, – говорю. – Вперед!

Они нерешительно двинулись к Капитану Кидду, и меня немало позабавило, как лихо он с ними управился: кто схватился за брюхо, а кто, получив пинок под зад, улетел в кусты. Тогда я спокойно подошел, взял своего коня под уздцы и, отведя в сторону, привязал к дереву. Капитан и не подумал возражать. Потрепанная компания Донована сбилась в кучку, и я с помощью дробовика перегнал их поближе к хозяину. Вид парней вызывал сострадание: сразу было видно, что с ними обошлись не очень-то учтиво.

Я приказал им снять с Донована пояс. В этот момент он пришел в себя, приподнялся на

локте и забормотал что-то о д,,реве, которое свалилось ему на голову.

– Ты помнишь меня?–четко выговарива каждое слово, спросил я его.– Я Брекенридж Элкинс.

– Что-то припоминаю, – прошелестело в ответ.– Мы с тобой играли на Капитана Кидда.

– Вот-вот, – говорю.– Ты еще тогда выиграл. А сейчас мы сыграем по новой. На этот раз я ставлю свое рваньё против твоего коня, седла, уздечки, пояса, кольтов, штампов, рубашки, сапог, шпор и стетсоновской шляпы.

Он как завопит:

– Грабеж! Бандюга чертов!

– Заткнись! – Я ткнул его дулом, в живот.– Сядь сюда. И вы тоже, – тут я вспомнил об остальных.

– Может быггъ, вы позволите нам помочь Реду? – нерешительно попросили они – тот уже выполз из чащи на поляну и громко стонал.

– Пусть еще отдохнет немного, – отвечаю. – Если он умирает, ему уже ничем не поможешь, а нет – никуда не денется, подождет до конца игры. Сдавай, Смоки; да смотри – на этот раз бери карты только сверху.

Трясущимися от страха руками Смоки начал метать карты. Когда он кончил, я спросил Донована:

– Ну, что у тебя?

– Черт возьми! радостно воскликнул. он. – Королевское карэ! Твоя карта бита!

Тогда я говорю:

– Если не ошибаюсь, туз бьет короля, так, что ли, Смоки?

И Смоки ответил:

– Д-д-а! Да! Конечно, так!

– Так вот, – продолжал я урок вежливости, – Я еще не заглядывал в свои карты, но быюсь об заклад, у меня их там полный набор. Как ты считаешь, – и я ткнул Донована дробовиком в зубы, – есть у меня тузы или нет?

– Я бы ничуть не удивился, окажись это правдой,– ответил Донован, смертельно побледнев.

– А раз так, – говорю,– выходит, все удовлетворены и нет нужды открывать карты, – и смешал колоду. – Скидывай свои лохмотья!

Не говоря ни слова, Донован стал раздеваться, а я разрешил им подобрать Реда, который отделался сломанной ногой, вывихнутой рукой и полудюжиной сломанных р,,бер. Потом его привязали к седлу, и, так и не попрощавшись, даже не оглядываясь, компания стала удаляться. Настроение у них, надо полагать, было ни к черту. Сам Донован, закутанный в одеяло, смотрелся очень живописно. Перед тем как расстаться я заметил ему, что с пером в волосах он вообще выглядел бы как заправский индеец, но он не понял шутки. У некоторых начисто отсутствует чувство юмора. Они поехали на восток, и как только скрылись из глаз, я набросил на Капитана седло и уздечку, которые выиграл у Донована, и попробовал дать мундштук. Ему это очень не понравилось, но я настаивал, и ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Потом скинул свое тряпье и облачился в обнову. Сапоги немного жали, а рубашка была узковата в плечах, но все равно я гордо прошелся несколько раз взад и вперед, чувствуя себя настоящим джентльменом и сожалея лишь о том, что меня в ту минуту не видит Глория Макгроу. Я спрятал свое старое седло и пояс с кобурой в дупле дерева, думая послать потом за ними своего младшенького братца Билла верхом на Александре. Черт побери! Отныне я просто обязан держать марку! Помню, с какой радостью я повернул Капитана Кидда на запад и тронул шпорами его бока!

Позже несколько трапперов с пеной у рта уверяли, что видели в горах огромное облако, которое пронеслось на запад с такой скоростью, что они не успели рта раскрыть. Их подняли на смех и обозвали пустобрехами, смертельно обидев этих честных охотников. Никому и в голову не пришло, что это я верхом на Капитане спешил к берегам Медвежьей реки. О том, сколько времени занял обратный путь, я лучше умолчу – вы все равно не поверите. И вот,

когда до родного порога оставалось всего несколько миль, внезапно послышался лошадиный топот и на тропу из-за поворота верхом на своей лошадке вылетела Глория Макгроу – без прежнего румянца на лице, в глазах тревога. При виде меня она от неожиданности тихо вскрикнула и так круто осадилась на лошадь, что та даже присела на задние ноги.

– Брекенридж! – воскликнула она. – А твои мне только что сказали, что Александр вернулся один, без тебя! Вот я и отправилась на поиски. О-о! – Это она заметила коня и мою элегантную обнову. У девушки аж язык прилип к гортани. Глория мигом вс подобралась, словно изготавилась к прыжку, а когда снова заговорила, голос звучал жестко и отчужденно: – Что ж, мистер Элкинс, наконец-то соизволили вернуться?

– Как обещал, заметьте, – в тон ей ответил я, – в магазинной одежде и на коне, которому нет равных в горах Гумбольдта. Извините, мисс Глория, но у меня совершенно нет времени – покажусь дома и сразу поспешу делать предложение Эллен Рейнольдс.

– Не смею вас задерживать! – вспыхнула она, а отъехав немного, крикнула:

– Брекенридж Элкинс! Я тебя ненавижу!

– Я знаю, – грустно ответил я. – Можно было бы и не напоминать лишний раз!

Но она уже стрелой, не разбирая дороги, мчалась к своему дому. А я поехал к своему, размышляя, по пути, какие все-таки непонятные создания эти девчонки!

Глава 4. Выстрелы в горах

Весь следующий месяц после возвращения на Медвежью речку моя жизнь шла довольно гладко. Люди приезжали за много миль, чтобы только посмотреть на Капитана Кидда и послушать историю о том, как я отделал Билла Донована по кличке Дикий Билл. Шикарная одежда благотворно повлияла на расположение ко мне Эллен Рейнольдс. Единственными облачками, на ясном небе всеобщего восхищения плавали брат Джоэла Брэкстона Джим, папаша Эллен, да мой дядюшка Гарфильд Элкинс. Но, как говорят французы, о дяде разговор особый.

Старик Рейнольдс меня не жаловал, но я успел пройти урок этикета с папашей Глории Макгроу и на этот раз вел себя гораздо сдержаннее. В отличие от Глории, Эллен не имела ко мне серьезных претензий, чего никак нельзя было сказать о Джиме Брэкстоне. Мне стоило некоторых усилий уломать его оставить мысль о дальнейшем уходе за моей девушкой, только, боюсь, упрямец, потирая ушибы, все равно вертелся где-нибудь поблизости. К тому же, я не имел понятия, как к нему относится сама Эллен. Но с появлением на небе третьего облачка горизонт стали быстро заволакивать тучи.

Дядюшка Гарфильд приехал к нам погостить из Техаса.

Это бы еще ничего, да, к несчастью, между поселками Ручей Гризли и Рваное Ухо объявились какие-то люди в масках, промышлявшие разбоем. А поскольку дядюшка Гарфильд крепко помнил, что лет сорок назад служил в артиллерии, он, вместо того чтобы искать заступничества у Боженки, как ему настоятельно советовали попутчики, вытащил свою старенькую пушку. Очевидно, по кротости своей, эти бандиты не стали отправлять его на тот свет и лишь милостиво ограничились ударом по голове прикладом винчестера. Придвигаясь, дядюшка обнаружил, что продолжает путь к Рваному Уху в какой-то тряской колыхаге без прежних попутчиков, без часов и без денег.

Именно из-за его часов и заварилась вся каша. В незапамятные времена вещь принадлежала его дедушке – выходцу из Кентукки, и дядюшка скорее согласился бы расстаться со своей лавкой, чем с драгоценной семейной реликвией. Сразу по прибытии на Медвежью речку он обратил взор к небесам и завыл волком, страдающим несварением. И с тех пор мы уже ни о чем больше не слышали, кроме как о пропавших часах. Я их до этого разок видел и они не произвели на меня особого впечатления, хотя размером были с добрый кулак. Часы заводились особым ключиком, который дядюшка, охотно терял и постоянно всюду разыскивал. Правда, часы были из чистого золота, и потому старый хрыч называл их

не иначе как хронометр. Короче говоря, он так убивался о пропаже, что чуть было не свел с ума всю нашу семью.

— Подумать только, — с утра заводил он свою песню, — вместо того чтобы защищать священное право собственности, современная молодежь предпочитает тараканами отл,живаться по щелям. Да будь бы я в вашем возрасте и будь бы у меня несчастный дядюшка, которого бы обидели бандиты, да бы позабыл еду и сон и не успокоился бы до тех пор, пока бы не возвратил бы ему часы вместе с ушами отнявшего их наглеца... бы. Но в наши дни... — и так далее и тому подобное, так что я уже начал подумывать, а не окунуть ли бы... — тьфу! — старого брюзгу пару раз в бочонок с кукурузной водкой.

В конце концов, запустив пятерню в бороду, мой старик молвил свое слово.

— Брекенридж, — сказал он, — я больше не в силах сносить этот вой. Давай, сходи за его чертовыми часиками, да смотри-без них домой не возвращайся!

— Да где их искать? — говорю.— Эти парни, должно быть, давно в Калифорнии или в Мексике!

А папаша отвечает:

— Я понимаю — задача не из легких. Однако, помнится, ты сам изъявлял желание завоевать себе репутацию джентельмена?

— Всему свое время,— говорю я. ему. Сейчас одна девушка занимает меня больше, чем: дюжина бродяг с большой дороги.

— Ну, хватит, -оборвал папаша.— Поговорили и будет. Я. уже все решил. Подумай сам: если дядюшка Гарфильд будет знать,. что кто-то хлопочет с его проклятом хронометре, он перестанет изводить остальных. Ты отправиться на розыски, а если часы не найдутся, просто подождешь, пока он не отчалит обратно в свой Техас.

— И сколько он намерен у нас проторчать?

— Ну, обычно визиты дядюшки Гарфильда длятся по меньшей мере год. При этом известии я выругался, как последний богохульник.

— Да чтобы, я уехал на целый год?! Какого черта, па! Пока я буду мотаться по дорогам, Джим Брэкстон уведет из моего стойла Эллен, а я не собираюсь от нее отказываться. Мне трижды пришлось отбивать у ее папаши охоту выставить меня за дверь, а сейчас, когда цель так близка, ты посылаешь меня к черту на кулички, да еще на целый год, и расчищаешь этому хилаку путь к сердцу моей девчонки! Не ожидал я, от тебя такого свинства! Тогда папаша многозначительно так заявляет:

— Я, конечно, не настаиваю. Ты волен сам выбирать между Эллен Рейнольдс и собственной родней. Но знай: если дядюшку Гарфильда не остановить сейчас, то очень скоро своим нытьем он сведет меня с ума. Так что если ты не выполнишь этой моей просьбы, то каждый раз при встрече будешь получать от отца под шкуру добрый заряд дробин. В конце концов он меня убедил. На следующее утро, полный мрачных мыслей, я все дальше удалялся от дома, от Эллен Рейнольдс и от брюзжания двух несносных стариков. Я нарочно решил проехать мимо дома Брэкстонов, чтобы перед отъездом лишний раз отвесить Джиму веских наставлений наставлений, но седла на заборе не оказалось, а значит, и его хозяин был в отсутствии. Поэтому я послал привет всей семейке гуртом, пустив пулю в растворенное окно и отстрелив этим самым кончик трубки у папаши Брэкстона. Это меня несколько утешило. Но я не обольщался насчет порядочности Джима: знал, что стоит завернуть мне за угол, как этот прохвост во весь опор поскачет искать расположения моей Эллен. Я прямо-таки видел, как он сидит в доме у Рейнольдсов и, обжираясь медвежатиной с медом, врет напропалую о своих подвигах. Оставалось лишь надеяться, что у Эллен хватит ума отличить горластого пустобреха от честного и скромного парня вроде меня, который, даже будучи самым сильным и самым метким стрелком в горах Гумбольдта, никогда не унижится до пустого бахвальства. Я лелеял надежду встретить Джима где-нибудь в лесу по дороге и как-то убедить его не встречаться с Эллен в мое отсутствие — ну, скажем, сломать ему ногу или там еще чего-нибудь. Но удача в тот день отвернулась от меня.

Итак, я отправился в путь и пару дней спустя, с мрачным достоинством во взоре, уже

въезжал на главную улицу поселка Рваное Ухо. От жителей я толку так и не добился, а потому решил для начала прочесать округу. Папаша всегда говорил, что если меня что и погубит, так это мое любопытство. Я, например, никогда не мог спокойно слушать ружейную пальбу – во мне тут же просыпалось желание узнать: кто это там стреляет в горах и с какой целью? Вот и в то утро – только я услышал пальбу, как сразу свернул с дороги и поехал на шум. Узенькая тропка петляла между огромными деревьями и зарослями кустарниками. Звуки выстрелов становились все отчетливее. Скоро я выехал на прогалину, и тут же – бац! – пуля, выпущенная из ближних кустов, едва не разорвала поводья надвое. Я не стал медлить с ответом, и из зарослей с воплем выпрыгнул, размахивая руками, человек. Моя пуля угодила в затвор его винчестера и чуть было не задела пальцы.

– Хватит пугать криками бедных зверюшек, – сурово сказал я, целя ему промеж глаз. – Лучше объясните, с какой стати, вы кидаетесь на безобидных путников? Он неуверенно пошевелил пальцами и, постолав для порядка, сказал:

– Я принял тебя за Джоэла Керна, местного бандита. Фигурой вы очень схожи.

– Ну так вы ошибаетесь. Меня зовут Брекенридж Элкинс с Медвежьей реки. Я случайно проезжал неподалеку, и мне захотелось узнать, кто это здесь постреливает.

За спиной у человека из-за деревьев раздалось несколько выстрелов, и чей-то голос спросил, не случилось ли чего.

– Все в порядке! – крикнул в ответ незнакомец. – Опять недоразумение! – А затем обратился ко мне: – Рад встрече с тобой, Элкинс. Нам как раз такой парень и нужен. Я – шериф Дик Хопкинс из Ручья Гризли.

– Если вы шериф, то где ваша звезда? – спрашиваю я у этого типа.

А тот и отвечает:

– Потерялась в кустах. Мы, с парнями целые сутки не слезали с коней, гоняясь за бандой Тарантула Биксби, и наконец зажали их в лощину между скалами. Они сейчас отстреливаются из заброшенной хижины. Я услышал поступь твоего коня и на всякий случай решил проверить, не Керн ли это шныряет вокруг. Поторопимся, ты должен нам помочь!

– Не обязан, – резко ответил я. – Мне нечего делить с каким-то Тарантулом Биксби.

– Ты что же – не хочешь в моем лице уважить закон?

– Не хочу, – говорю.

– Дьявольщина! – взорвался он. – И это оговорит гражданин свободной страны! До чего мы докатились – просто подумать страшно! Если все так будут рассуждать, что останется делать честным патриотам?!

– Ладно, – говорю, – так и быть. Пойду гляну, что там у вас творится.

Шериф подобрал с земли винчестер, и привязал к дереву Капитана, и мы пошли на звуки выстрелов. Миновав узкий перелесок, вышли к группе валунов, укрывшись за которыми, четверо мужчин деловито обстреливали лощину. Уклон был довольно крутой и заканчивался почти идеально круглой площадкой, со всех сторон окруженной высокими скалами. Посреди лощины стояла хижина, и в щели между ее бревнами пробивался пороховой дымок. На меня посмотрели с недоумением, а один из стрелков заметил:

– Какого черта?

Тут Шериф прикрикнул на него и сказал:

– Парни, это Брек Элкинс. Я только что объяснил ему, что мы представляем закон в Ручье Гризли и что мы наконец загнали в ловушку Тарантула Биксби, вместе с двумя его головорезами.

Один из помощников вдруг оглушительно загоготал, а шериф, метнув в него яростный взгляд, внушительно произнес:

– Над чем это ты ржешь, пятнистая гиена?

– Я по нечаянности проглотил лесного, клопа, – ответил тот, отводя глаза в сторону, – а такая оплошность всегда вызывает у меня истерику.

Шериф приказал мне поднять правую руку. Я поднял, и тот заговорил:

– Клянись ли ты говорить правду и только правду и ничего, кроме правды?

– Argumentum baculinum. Arrestari et imprisonary. Particeps criminis*.

– Что за ахинею вы порете?! – возмутился я.

– ... и что соединили Небеса, то не раздушить смертному, – продолжал завывать Хопкинс. – Все, что вы скажете, может быть использовано против вас, да хранит вас Господь! Все. Я только что официально принял тебя в свою команду.

– Да подите вы к чертовой матери! – прорвало меня. – Сами ловите своих воришек! Чего. глаза выпулили? Вот как дам промеж ушей, будете знать!

– Ну, Элкинс, – взмолился Хопкинс. – С твоей помощью мы вмиг разделаемся с этими подонками. Тебе и делать-то ничего не придется: лежи себе за скалой да постреливай почаще. Ты будешь отвлекать их внимание, а мы тем временем проберемся за скалами и зайдем с тыла. Видишь, заросли кустарника доходят почти до подножия холма – лучшего прикрытия и не сыскать! Ну что тебе стоит! А отдам тебе часть награды.

– Не нужны мне ваши паршивые деньги, – сказал я, поворачиваясь, чтобы уйти. – кроме того... о-о-о!

Дело в том, что, потеряв осторожность, я высунулся из-за скалы и тут же пуля, чиркнув по коже чуть ниже спины, прожгла широкую полосу в моих элегантных штанах.

– Черт бы побрал этих убийц! – завопил я вне себя от ярости. – Дайте мне ружье! Я покажу им, как стрелять ниже пояса! Делайте, как задумано, пока я буду кормить их свинцовым горохом!

– Хороший мальчик! – сказал Хопкинс. – Ему еще воздастся по делам его. Сказано это было с легкой усмешкой, но я, не обратив на нее внимания, занял удобную позицию за огромным валуном и открыл по хибаре бешеную стрельбу. Приходилось ориентироваться по клубам дыма которые пробивались сквозь щели в стене, но по тому, как из ложины вскоре стали доноситься проклятия и вопли, можно было судить, что мой свинец причиняет осажденным некоторое беспокойство.

Негодяи в долгу не оставались. Их пули то расплющивались о камни, обдавая мне лицо мелкой крошкой, то свистели над ушами. Я уже с нетерпением начал поглядывая на противоположный склон, пытаюсь обнаружить хоть какие-то признаки шерифа и его людей, но услышал лишь конский галоп, удаляющийся в западном направлении! Помню, я еще удивился, кто бы это мог быть, однако стрельбу не бросил и все ждал, что вот-вот по склону скатится шериф со своими парнями и похватает бандитов с тыла. И тут, пока примеривался для очередного выстрела, – бам! – в нескольких дюймах от лица в камень угодила пуля, и острый осколок больно царапнул меня по уху.

Я до того разозлился, что даже не стал отвечать. Жалкое ружьишко в моих руках уже не могло дать выход переполнявшим меня чувствам. Чуть поодаль я заметил большой обломок скалы, нависший над склоном. Отбросив ружье, я встал перед ним на колени и крепко обхватил руками. Затем помотал головой, вытряхивая из глаз каменную крошку, и крикнул так, чтобы те – внизу – могли слышать каждое мое слово:

– В последний раз предупреждаю! Выходите с поднятыми руками и сдавайтесь! В ответ получил только издевательский смех и мерзкие оскорбления в мой адрес, а также в адрес моих родителей.

– Ну ладно же! – Я был вне себя от злости. – Погодите, безмозглые твари! Если вас расплющит в лепешку, так вам и надо Потом не жалуйтесь!

Я что было сил начал толкать камень. Жилы на висках вздулись буграми, ноги на фут ушли в землю, из-под ногтей выступила кровь. И вот скала чуть шевельнулась. Я радостно поднапрягся, огромная глыба накренилась и поначалу как бы нехотя, а потом все быстрее и быстрее устремилась вниз по склону.

В воздухе повис вопль ужаса. Я отпрыгнул в кусты, но бандиты были настолько поражены увиденным зрелищем, что. уже и думать забыли о стрельбе. Целая скала круша все на своем пути, катилась прямой хижине.

Дверь распахнулась, и в проеме показалась голова. Не успел человек сделать шага, как я выстрелил, и, громко вскрикнув, он отпрянул вовнутрь – любой на его месте поступил бы

точно так же, угоди ему в шляпу пуля из винчестера. В следующий миг скала достигла хижины. Удар пришелся по углу. Послышался жуткий треск, и ветхое сооружение рухнуло, подняв столб пыли, коры и щепок.

Я сбежал по склону. Судя по слабым стонам и неуверенным проклятиям, исходившим из-под обломков, кое-кто еще оставался жив. Я заорал в какую-то щель:

– Теперь сдаетесь?

– Сдаемся, будь ты проклят! – глухо донеслось, будто из могилы. А потом:

– Помогите нам выбраться отсюда!

– Сначала бросьте оружие, – приказал я.

– Идиот! Ты что, издеваешься? – заорали они. – Да над нами тонны камней и бревен, мы и пальцем не можем шевельнуть – того гляди, раздавит в лепешку! Помогите нам!.. слышишь ты, душегуб!

– Заткнитесь лучше, говорю я им. – Для чего ругаетесь? Я же с вами говорю нормально.

А те в ответ только застонали. Я принялся разбирать завал. Это было не таким уж сложным делом. Довольно скоро нашел чью-то ногу в башмаке. Ухватился за нее обеими руками, резко дернул и достал всего человека – хозяина ноги; только этот глядел куда печальнее моего брата Бакнера после того, как тот на спор заломал кугуара голыми руками. Я вытащил из его кобуры кольт и уложил парня в сторонку отдыхать, потом занялся остальными. Всего бандитов оказалось трое, и вскоре они лежали рядом, на траве. Одежда их превратилась в лохмотья, кожу сплошь покрывали синяки и ссадины, из волос торчали щепки, но в остальном им здорово повезло: никаких, серьезных повреждений не обнаружил.

Понемногу их лица приобрели осмысленное выражение, и один слабым голосом произнес:

– Что-то я не припомню, чтобы в здешних местах случались землетрясения. На моем веку это первое.

– Какое там землетрясение? – возразил другой. – Обычный обвал.

– Послушай-ка, Джой Портленд, – отвечает первый. Если я сказал землетрясение, значит, так оно и есть. Я не из тех, кого можно походя обзывать вруном.

– Да неужто? – ощерился другой. – Фрэнк Джексон, позвольте вам заметить, что...

– Сейчас не время для перебранок, – бесцеремонно прервал я их, – Чтоб вам не спорить попусту, скажу, что это я спихнул скалу вам на головы.

Парни уставились на меня, разинув рты, а один, покопав в ухе пальцем, спрашивает:

– Это еще кто такой?

– Неважно, – отвечаю. – Винчестер видите? Лежите тихо и не рыпайтесь. Сейчас сюда подъедет шериф с помощниками, и я вас ему сдам.

– Шериф? – переспросил он, словно вконец оглох. – Какой такой шериф?

– Дик Хопкинс, – говорю, – из Ручья Гризли.

– Что-о? Ах ты, мерзавец! – взвился он – и вроде как попытался встать, но я не растерялся, нацелил винчестер, да как заору:

– А ну сядь! – Тот так и рухнул бледный и трясется весь, чуть речи не лишился.

Потом оклемался и заявляет:

– Послушай, – а у самого аж слезы на глазах, – это я, я – Дик Хопкинс. Я шериф из Ручья Гризли, а эти люди – мои помощники.

– Да ну! – говорю я ему с ухмылочкой. – А кто же тогда те парни, что вас обстреливали?

– Тарантул Биксби с бандой. Мы их преследовали, но сами нарвались на засаду. Их было больше, и нам пришлось укрыться в хижине. Позавчера они ограбили городской банк и сейчас с каждой минутой удирают все дальше и дальше! Ну, парень! Из всех безмозглых идиотов ты самый...

– Эй-эй! – прикрикнул я. – Полегче там! Вы; что, за простачка меня держишь? Если Вы и впрямь шериф, покажи звезду.

– Она была приколата к подтяжке, – в отчаянии воскликнул он. – Когда ты потащил

меня за ногу, подтяжка зацепилась за что-то и лопнула. Дай я поищу среди обломков и тогда...

– Сиди тихо,– приказал я. – Меня не облапошишь. Ты и есть Тарантул Биксби. Мне шериф сам сказал. Он скоро будет здесь вместе с помощниками, так что лучшее не двигайся и не болтай языком.

При этих словах мнимый шериф застонал и обхватил голову руками. Он даже ухитрился выдавать из себя несколько слезинок, но я был непреклонен. Остальные двое всячески пытались убедить меня, что они шерифовы помощники. Наконец мне до того надоело их хныканье, что приказал всем заткнуться и пригрозил, что иначе настучу им винчестером по головам. Я уже начинал нервничать, куда это запропастился Хопкинс со своими парнями, как вдруг тот, кто называл себя шерифом, заорал, да так страшно, что от неожиданности я чуть не застрелил его. Он что-то сжимал в кулаке, которым яростно размахивал в воздухе:

– Ага! – орал он так громко, что голос срывался на визг. – Видишь? Она, верно, завалилась под рубашку, когда лопнули подтяжки. Теперь убедился, тупоголовый гризли?! Я взгляделся повнимательней, и по всему телу побежали мурашки. В руке у него блестела серебряная шерифская звезда!

– Хопкинс сказал, что потерял свою в кустах,– сделал я слабую попытку возразить. – Может быть, вы просто нашли ее?

– Конечно, тебе лучше знать! – взорвался тот. – Ты сам из банды Биксби, и Тарантул нарочно оставил тебя, чтобы задержать нас, пока не смоется. Так знай же – за сопротивление властям тебе полагается как минимум девяносто лет тюрьмы! Я вспомнил удаляющийся конский галоп и весь похолодел. Выходит, меня околпачили, как последнего болвана! Настоящий шериф – вот он, передо мной! А вислобрюхий головорез, стрелявший в меня из кустов, и был не кто иной, как сам Биксби! Пока я сдерживал шерифа и его команду, бандиты благополучно скрылись, а я, значит, должен теперь отдуваться за всех! :

– Давай винчестер и сдавайся,– говорит мне шериф. – Тогда, быть может, тебя и не повесят.

– Сиди ты! – огрызнулся я. – Конечно, я самый большой дурак из всех, кто объезжал мустангов, но даже самый распоследний идиот имеет хоть какое-то соображение. Папаша наказывал мне никогда не сопротивляться властям, но здесь особый случай, и вам не удастся упрятать меня за решетку только потому, что я принял вас не за тех, что вы на самом деле. Сейчас я поднимусь вверх по склону, но все время буду держать вас на мушке. И предупреждаю: при малейшем движении стреляю прямо по рукам. Раздался дружный вопль ненависти, но тройка не двинулась с места. Не спуская с них глаз, я стал подниматься по склону. Достигнув вершины, я круто повернулся и побежал. Из лощины доносились страшные проклятия, но вслушиваться было некогда. Я выбежал к месту, где оставил Капитана Кидда, отвязал его и вскочил в седло, мысленно поблагодарив Господа за то, что тот не оставил бандитам времени украсть коня. Хотя, с другой стороны, было бы интересно досмотреть, как это Капитан дался бы им в руки. Отшвырнув ружье, полученное от бандитов, я поскакал на запад.

Я предполагал форсировать Бешеную речку в каньоне Привидений и выйти к дикому плоскогорью по другую сторону каньона. Мне казалось, что стоит затеряться в этой глухой местности, и уже нечего будет опасаться встречи с шерифом и его командой. Я пустил Капитана в широкий галоп, несколько опасаясь за поводья, на которых пуля Биксби оставила рваную отметину. Но времени на починку не было.

Капитан порядком притомился, когда наконец вдаль показалась цель моего путешествия. Я взлетел на гребень каньона и, прежде чем начать спуск, внимательно огляделся. Позади себя, на расстоянии нескольких миль, я увидел между холмов широкую прогалину, и там, освещенные лучами солнца, отчетливо виднелись фигурка грех всадников. Я проклял все на свете! И как мне не пришло в голову, что кони Хопкинса и его людей должны были оставаться где-то неподалеку! Разумеется, они тут же отыскивали их и бросились

за мной в погоню, прекрасно зная, что единственное место, где я могу укрыться,— это плоскогорье за Бешеной речкой.

У меня не было ни малейшего желани устраивать с шерифом скачки, а потому я ударил пятками в бока Капитана Кидда, мы очертя голову скатились с обрыва, оставляя на колючках куски шкуры и шерсть. Внизу я круто осадил коня.

Бешеная речка недаром носила такое имя вода в ней кипела и пенилась, повсюду крутились воронки, в воздухе, не спадая, висело облако, водяной пыли. Глядя на стремительное течение и водовороты, поневоле думалось, что не родилась еще такая лошадь, которая смогла бы переплыть этот поток. Даже Капитану Кидду речка была явно не по зубам, хот тот воинственно храпел и весь горел желанием испытать судьбу.

Оставалось лишь одно: повернув коня, я, поехал по берегу реки. Пятью милями выше был мост, если, конечно, его еще не смыло течением.

«Похоже, удача окончательно отвернулась от меня,— с горечью подводил я итог событиям минувшего дня,— А все из-за часов дядюшки Гарфильда, будь они прокляты. В тот самый момент, когда едва не женился на Эллен Рейнольдс и не заставил, таким образом, замолчать колкий язычок Глории Макгроу, на меня наваливаются всевозможные несчастья. Я превращаюсь в изгоя общества, преследуемого законом.»

Я так и видел, как Глория хохочет при таком известии, и это тоже не прибавляло мне бодрости.

Я был до того погружен в свои невеселые мысли, что почти не замечал ничего вокруг. Вдруг впереди послышался шум, и в тот же миг ленивая поступь моего коня сменилась дробью громовых ударов о каменистую поверхность. Мы приближались к излому каньона, где от обрыва отходила невысокая скалистая гряда. Из-за гряды явственно доносились звуки выстрелов. Пытаясь сдержать бег коня, я резко откинулся на спину, поводь не выдержали и лопнули!

Почувствовав свободу, Капитан немедленно рванул вперед. Он нацелился в аккурат на густой кустарник на краю гряды. Я упал ему на шею и постарался продеть пальцы в кольца по краям мундштука, но мне удалось лишь слегка сбить его с курса. Вместо того чтобы обогнуть гряду, конь на всем скаку взлетел на самый гребень. С другой стороны холм круто обрывался вниз. Я мельком увидел пятерых с ружьями, припавших к земле среди кустов на дне каньона. У самого края обрыва Капитан резко остановился и пригнул голову. Я вылетел и седла и орлом полетел прямо на людей вниз.

Каблуком правого сапога я угодил по чьей-то голове, шпорой чуть не сняв с нее скальп. Это несколько смягчило падение. Спружинив на первой жертве, я обрушился на человека, устроившегося за камнем, и тот сразу потерял к событиям всякий интерес. Оставшиеся трое наградили меня градом проклятий. Я уже потянулся было за кольцом, как вдруг, к величайшему своему стыду, обнаружил, что тот выпал из кобуры, пока я парил в воздухе.

Тогда я схватил камень и запустил в голову парня, который уже изготовился к стрельбе. Тот выронил кольт и рухнул на землю. И тут я заметил, как один из уцелевших поднимает на плечо свой зверобой и целят прямо мне в лоб. Потом, как видно из опасения угодить в своего дружка, который с огромным кривым, ножом подкрадывался ко мне сзади, он перехватил ружье за ствол и, размахивая им наподобие дубины, устремился вперед. Парень с ножом полоснул меня по ребрам. Я, в свою очередь, ударил его кулаком в подбородок — вот почему его нижняя челюсть вдруг раскололась на четыре части. Тем временем другой парень с размаху опускал мне на голову приклад. Я успел увернуться, и удар пришелся по плечу. Оплывав таким образом, бандит вознамерился было воспользоваться ружьем по назначению, но не успел. Утомленный его упорным желанием вышибить из меня мозги, я положил руки ему на плечи и хорошенько припечатал головой о валун. Кажется, он решил, что я несколько переусердствовал. Лишь потом, протерев глаза от пота и пыли, я с удивлением разглядел в поверженных врагах Биксби и его банду. Конечно, можно было сразу предположить, что, скрываясь от преследования закона, они направлятся в ту же дикую местность, что и я.

Неожиданно густой кустарник на берегу реки раздвинулся, и из-за трупa лошади поднялся огромного роста чернобородый человек. Сжимая в руке кольт с длиннейшим стволом, он стал осторожно приближаться ко мне.

– Кто ты? – подозрительно спросил он. – И откуда здесь взялся?

– Я Брекенридж Элкинс, – ответил я, счищая с рубашки кровь. – Что здесь вообще происходит?

– Да понимаешь, – говорит он, – сижу я на берегу реки, никого не трогаю. – жду, когда вода спадет, чтобы переправиться на ту сторону. Как вдруг на гребне показываются эти негодяи и открывают по мне огонь. Я честный, гражданин и...

– Ты врешь, – говорю я ему с обычным своим тактом. – Твое имя – Джоэл Керн, и ты самый отъявленный злодей в здешних горах. Я видел твою рожу на плакате в Рваном Ухе. Тогда он направил на меня свой кольт, а у самого борода торчком – точь-в-точь как шерсть у матерого волка.

– Ах, вот оно что! – говорит. – Выходит, ты меня знаешь? А что собираешься делать? Поди, рассчитываешь получить за меня награду?

– Нет, – говорю, – не рассчитываю. Я сейчас такой же преступник, как и ты. Из-за этих скунсов я преступил закон, в теперь мне на пятки насаждает шериф со своими парнями:

– Так чего же ты сразу не сказал? – зарычал крутой парень. – Живо, забираем коней этих олухов и сматываемся. Грязные дешевки – заподозрили, будто во время последнего нападения на дилижанс я вел с ними нечестную игру. Я по возможности старался их избегать, потому что по природе человек, я мирный, как вдруг, словно снег на голову, они сами выехали на меня. Мою лошадь убили первым же выстрелом, а потом мы еще с час без особого успеха плевались друг в друга свинцом. Все же, если бы не ты, то, думаю, рано или поздно они бы меня достали. Поторапливайся, уходим вместе!

– Не выйдет, – говорю. – Я стал преступником случайно, по ошибке, и убийца с большой дороги мне не компания.

– Боишься запачкаться? – тот усмехнулся. – Ладно. Тогда помоги хоть поймать лошадь. Еще успеешь смыться: конь у тебя, добрый, а, солнце едва перевалило за полдень.

И тут он вытащил из кармана огромные золотые часы и глянул на циферблат.

При виде часов я подскочил так, как если б получил хороший заряд дробы.

– Откуда у тебя эти часы?! – заорал я не своим голосом.

Керн вскинул голову, словно испуганный мустанг, и в замешательстве произнес:

– Мне подарил их мой старенький дедушка. А в чем дело?

– Врешь, негодяй! – заорал я. – Ты; отнял их у моего дядюшки Гарфильда! Отдавай часы!

– Ты что, рехнулся? – говорит он, а у самого кожа на щеках побледнела. Обеими ногами я оттолкнулся от земли прыгнул на врага. Раздался выстрел, и пуля застряла в мякоти левого бедра. Прежде чем парень успел вторично спустить курок, подлетел к нему и ударил по руке с кольцом. Рука взлетела вверх, снова раздался выстрел, и пуля усвистала за край обрыва. В ответ оттуда послышалось протестующее ржание, и Капитан Кидд, как ошалелый, заметался взад и вперед над обрывом. От удара Керн выпустил кольт и теперь со всей силы въехал мне по носу, да так, что искры из глаз посыпались. Я пнул его ногой в живот. Он заскрежетал зубами и переломился надвое, а, когда выпрямился, в его руке оказался нож, который он достал из-за голенища.

Бандит полоснул меня по груди, затем ударил клинком в плечо и в руку, да еще лягнул в пах. Обезумев от обиды, приподнял его над землей, бросил головой вниз и, подпрыгнув, что было сил ударил поверженного врага пятками в грудь. Этот прием заставил его уgomониться. Затем я поднял с земли часы и, спотыкаясь на каждом шагу, стал карабкаться вверх по склону.

«Наконец-то мои поиски увенчались успехом, – с радостью думал я, пыхтя преодолевая подъем, – Теперь я смогу вернуться к Эллен Рейнольдс, с нетерпением ожидающей своего героя.»

И надо же было так случиться, что как раз в эту счастливую минуту Капитан Кидд, которого пуля из кольта Керна лишь слегка чиркнула по боку, в своих отчаянных, попытках освободиться от седла перегнул палку, и в который уже раз встав на дыбы, не удержался на краю обрыва, и рухнул вниз... прямо на меня!

Первое, что я услышал, когда очнулся, было пение очень больших птичек, постепенно переросшее в стук лошадиных копыт. Я сел, и прежде всего вытер кровь с глаз. Затем увидел шерифа Хопкинса, Джексона и Портленда, которые как раз выезжали из-за холма. Я попробовал встать, но правая нога не слушалась. Тогда я потянулся, за кольцом и не нашел его. Мышеловка захлопнулась!

– Смотри-ка! – воскликнул Хопкинс, вытащив глаза и указывая вперед рукой. – Там, на камнях, валяется Биксби со всей своей бандой! О Боже! И Джоэл Керн рядышком! Что за чудеса?! Настоящее поле боя! А это кто еще там сидит? Так замазан кровью, что сразу и не разберешь.

– Да это ж наш простофиля! – завопил Джексон. – Не шевелись, дорогой, а то прикончу на месте!

– Меня и так уже почти прикончили, – слабо огрызнулся я. – Валяй, делай: свое грязное дело. Все равно судьба против меня. Парни подъехали и уставились на меня в благоговейном молчании.

– Посчитайте мертвых, ребята, – негромко произнес Хопкинс.

– Все живы, – сказал Портленд, осмотрев тела. – Только я сильно сомневаюсь, чтобы, воскреснув, они смогли бы обойтись без костылей. Гляньте-ка – Биксби приходит в себя! Что с вами стряслось, Биксби?

Биксби апатично повел мутным зрачком, пока, наконец, его взгляд не наткнулся на меня. Он громко застонал и сморщился, как от боли.

– Этот хотел с меня живьем снять скальп! – пискнул он. – Не человек, а дьявол!

Все молча посмотрели на меня и сняли шляпы, а Хопкинс почтительным тоном произнес:

– Элкинс, сейчас мне все ясно. Они обманули тебя, выдав свою шайку за команду шерифа, а про нас сказали, что мы и есть банда Биксби. Ведь так? А когда ты понял свою ошибку, то отважно бросился за ними в погоню, ведь так? И начистил хари им всем, да еще и Джоэлу Керну в придачу, ведь так?

– Дело в том, – неуверенно начал я. – Дело в том, что...

– Понимаю, – успокоил меня Хопкинс. – Вы – жители гор – не привыкли распространяться о своих подвигах. Эй, ребята! Свяжите негодяев, а я тем временем осмотрю раны героя.

– Если бы вам удалось поймать моего коня, – предложил я шерифу, – я бы уехал, и все.

– Помолчи, приятель, – добродушно ответил тот. – В таком виде ты далеко не уедешь. Ты что, не чувствуешь – у тебя же сломано по меньшей мере пять ребер, сломана рука, нога, а в другой сидит пуля. Да еще и грудь исполосована так, словно из твоей кожи нарезали ремни. Сейчас мы соорудим носилки. А что это ты держишь в своей мужественной руке? И тут я вспомнил про часы дядюшки Гарфильда, которые до сих пор мертвой хваткой сжимал, в ладони. С усилием, я разжал пальцы, и из моей груди вырвался душераздирающий стон. Вместо часов на ладони лежал ком искореженного желтого металла, сломанных колес, и пружин – все, что угодно, только не часы.

– Держите его! – закричал Хопкинс, – Ему плохо!

– Закопайте меня под деревом, парни, – слабым голосом завещал я им. – А на плите сделайте такую надпись: «Он храбро сражался, но судьба сыграла с ним злую шутку...» Несколько дней спустя печальная процессия подошла по извилистой тропинке к Медвежьей речке. Я пластом лежал на носилках. Я сказал шерифу, что не могу умереть, не повидав прежде Эллен Рейнольдс, и что я должен передать дядюшке Гарфильду останки его часов, доказав тем самым, что до конца исполнил свой долг, по крайней мере так, как я его понимаю.

И вот, когда, до родного дома оставалось всего несколько миль, кто, вы думаете, повстречался нам на дороге? Ну, конечно же, Джим Брэкстон собственной персоной. Он едва сдержал радость, когда я чуть слышно прошептал, что перед ним умирающий. Он был с головы до пят разодет в новую одежду из оленьих шкур и весь так и сиял от восторга, что было весьма обидно видеть человеку в моем положении.

– Кака жалость,– сказал он,– какая жалость, Брекенридж, что ты умираешь! Твой отец попросил, если я тебя встречу, рассказать кое-что о часах дяди Гарфильда. Он очень надеялся, что я тебя встречу где-нибудь по дороге в Рваное Ухо – я только что оттуда, ездил за бланком свидетельства о браке.

– Что такое? – Я наострил уши.

– Да-да – я и Эллен Рейнольдс собираемся пожениться. Ах да, так о часах. Кажется, отец одного из бандитов, ограбивших дилижанс, знал твоего дядю Гарфильда еще по Техасу и даже водил с ним крепкую дружбу. Он прочитал имя, выгравированное на часах, вспомнил их хозяина и отправил часы обратно. Так что почта доставила их владельцу на следующий день после твоего отъезда.

Некоторые утверждают, что это ревность придала мне силы приподняться на носилках и хорошенько въехать Джиму Брэкстону в нижнюю челюсть. Не могу с этим согласиться. Я не способен на подобные выходки. Здесь дело в семейных, традициях. Я ведь не мог в ту минуту достать дядюшку Гарфильда, а мне срочно требовался хоть кто-нибудь, чтобы излить на него свои чувства. Так что Джим Брэкстон подвернулся как нельзя кстати.

Глава 5. Джентльмен с Медвежьей реки

– Слушай... ты...– моя сестрица Очита, сдвинув брови, ткнула меня в грудь пальцем. – За такое обращение с Глорией Макгроу тебя давно следовало бы пристрелить!

– Никогда не произноси при мне этого имени,– с горечью ответил я.– Слышать о ней не хочу. А с чего это ты взяла, что меня надо пристрелить?

Тут Очита и говорит:

– Когда тебя принесли домой – всего, точно пропущенного через мельничные жернова,– Глория, едва услышав о тебе, примчалась быстрее ветра. Но стоило ей показаться в дверях, как что ты сделал?

– Да ничего особенного, думаю. А что такое?

– Ты отвернул башку к стене и сказал... сказал: «Уберите отсюда эту женщину – она будет смеяться над моими ранами.»

– А разве не так? – в свою очередь накинулся я на сестру.

– Не так! – с не меньшим пылом ответила она,– Услышав твои слова, Глория побледнела и, не сказав ни слова, с гордо поднятой головой ушла. С тех пор она здесь больше не показывалась.

– Ну и не надо,– говорю.– Я знаю – если она и явится, так для того только чтобы позлорадствовать над моим горем.

– Не думаю, –сказала Очита. – Первое, что она спросила: «Брекенридж сильно изранен?», и в ее словах не было злорадства. Клянусь, она пришла помочь тебе, а ты говорил с ней так грубо! Стыдись!

– Не лезь не в свое дело! – посоветовал я сестрице и, встав с постели, вышел из дома, чтобы развеяться и обрести душевный покой.

Я отправился на речку поудить рыбу. К тому времени из всех прежних неприятностей у меня остался только перелом ноги. Хот кость и быстро срасталась, я был вынужден оставаться дома. Ковыляя по лесу, я, не торопясь, обдумал слова Очиты и пришел к выводу, что, возможно, увидев мои раны, Глория действительно изменила свое отношение и что, возможно, мне стоило бы воздержаться от резких слов. И я решил, что мой долг соседа, просто обязывает меня навестить Глорию, чтобы поблагодарить за участие и сказать, что я

вовсе не хотел ее обидеть. Я скажу, что в тот злосчастный момент находился в горячечном бреду и потому принял ее за Эллен Рейнольдс. В конце концов, разве у меня не большое, благородное и великодушное сердце настоящего джентльмена? И если Глория первой пошла на примирение, с моей стороны было бы величайшей глупостью продолжать упрямиться вместо того, чтобы своим прощением осчастливить такую славную девушку. С этими мыслями я свернул на тропинку, ведущую к дому Макгроу, – тропинку, по которой я не ходил с того самого злополучного дня, когда повздорил с мистером Вилкинсоном. Я старался обходиться без лошади: нога моя заживала, и ходьба немало тому способствовала.

Не прошел я и половины пути, как повстречал ту, которую искал. Она ехала на своей низкорослой лошадке, и мы столкнулись нос к носу как раз на середине пути. Я тут же снял свою стетсоновскую шляпу и произнес:

– Как поживаешь, Глория? Ты, часом, не ко мне ли направляешься?

– С чего это вы взяли, мистер Элкинс, что я еду к вам? – Ее ледяной тон острым, ножом резанул меня по сердцу.

– Ну... в общем... – забормотал я, сбитый с толку неожиданным отпором, – знаешь, Глория, я просто хотел поблагодарить тебя за то, что ты тогда меня навестила и...

– Не стоит, – отрезала она. – В тот день я зашла к вашим занять немного соли. Я и не подозревала, что вас так отделали.

– Ну зачем ты так, Глория? – мягко возразил я. – Поверь, я не хотел тебя обидеть. Дело в том, что в тот момент я был в горячечном бреду и принял тебя за кого-то другого.

– Может быть, за Эллен Рейнольдс? – насмешливо спросила она. – Или та уже находилась рядом и держала в своей ладони вашу горячую руку? Ах, нет! Совсем из головы вон! Она же в то время как раз выходила замуж за Джима Брэкстона! Право же, мне очень жаль, Брекенридж. Но ничего, у Эллен есть младшая сестренка. Через несколько лет она подрастет, и вы ее получите... конечно, если кто-нибудь из Брэкстонов опять не отобьет ее.

В глазах у меня потемнело.

– Да пусть они провалятся в преисподнюю, эти Брэкстоны вместе с Рейнольдсами! И теб пусть прихватят! Какого черта! Я был прав, а сестрица моя – просто дура! Надо же такое придумать: будто ты за меня переживала! А на самом деле прибежала, как всегда, посмеяться, пока валялся пластом!

– Неправда! – воскликнула Глория вдруг изменившимся голосом.

– Да уж наверное! – говорю. – Ступай своей дорогой, а я пойду своей. Ты воображаешь, что если вы на пару с Эллен Рейнольдс надругались над моими чувствами, так и не найду, на ком жениться! Так вот что я тебе скажу: вы не одни на этом свете. И если уж на то пошло, мне осточертели девчонки с Медвежьей речки! Я возьму в жены городскую!

– Да городские и не посмотрят на такого увальня! – заносчиво ответила она.

– Ах, так! – закричал я, нервно выдергивая с корнями сосновый молодняк возле тропинки. – Ну так позвольте кое-что сказать вам, мисс Макгроу: я, не мешкая, сегодня же отправлюсь по поселкам, где красивые девушки будут виться вокруг меня роями, как мухи возле бочки с медом. Выберу среди них самую красивую и привезу сюда! Вот увидишь! И подобно торнадо, не разбирая дороги, я заковылял прочь. В глазах у мен настолько потемнело от гнева, что я, не заметив воды, с оглушительным плеском бухнулся прямо в речку. Перед этим, правда, мне слышался голос Глории, и, вроде бы, она просила меня вернуться, но ее насмешки окончательно свели меня с ума, и я оставил призыв без ответа. Я чувствовал, что больше не способен вынести ни одного ее укола, а потому, выбравшись на противоположный берег, весь мокрый, точно водяная крыса, направился напрямик через лес. За моей спиной раздался громкий смех. Похоже, мое падение так ее развеселило, что с девушкой приключилась истерика – уж больно хохот ее смахивал на рыдания, но я не стал выяснять причину. Меня охватило одно желание: как можно дальше удрать от Глории Макгроу с ее насмешками, а потому я зашагал домой так быстро, насколько позволяла больная нога.

Я уже представлял себе, как оседлаю Капитана Кидда и вихрем поскачу в Рваное Ухо или еще куда-нибудь, -мне непременно хотелось исполнить свою угрозу насчет женитьбы,— как совершенно неожиданно вломился в новую историю-самую жуткую, какую только можно себе представить. Погруженный по самую макушку в собственные переживания, я вдруг наступил на двух парней, катавшихся по земле в смертельной схватке, и был немало удивлен, разглядев их лица. Людей, проживающих по берегам Медвежьей речки, понятное дело, нельзя было отнести к разряду добродушных, но Эрат Элкинс и его двоюродный брат Джозл Гордон всегда, даже будучи в подпитии, умели находить общий язык. И вот они у меня под ногами, сплетенные так тесно, что и ножа не пустишь в дело, и ругаются самым непотребным образом.

Поскольку увещевания не возымели действия, я отобрал у них ножи и швырнул их обоих в речку. Это заставило их наконец разлепить объятия. Изрыгая кроважидные угрозы, вымокшие до нитки, они выкарабкались на берег и, не сговариваясь, бросились на меня. Видя, что ребята совсем спятили, я, ухватив обоих за волосы, стучал друг о друга башками до тех пор, пока они не перестали брыкаться, а лишь ругались и вопили благим матом.

— Разве с родственниками так поступают? — с упреком вопрошал я их.

— Пусти меня! — ревел Джозл, скрежеща зубам и не обращая внимания на кровь, струившуюся по вискам. — Он сломал мне три ногтя, и его жизнь принадлежит мне!

— Лучше отойди, Брекенридж! — рычал, Эрат. — Еще никто не мог похвастать тем, что безнаказанно изжевал мне ухо!

— А ну заткнитесь, — не выдержал я, — и успокойтесь, пока я не начал выяснять, что крепче: ваши дурные башки или вот это, — и я сунул им под расквашенные носы свой кулачище. Оба усталились на предмет, и их пыл быстро пошел на убыль. — Ну, выкладывайте — в чем дело?

— Да ни в чем, собственно. Просто мой двоюродный братец оказался вором, — раздраженно заявил Джозл. Эрат издал боевой клич и кинулся на родственника, но я легонько толкнул его обратно, и тот упал на торчащий ивовый пенек. — Дело было так, Брекенридж, — продолжал между тем Джозл. — Я с этим скунсом нашел вчера в дупле старого дуба, что растет на гряде Апачей, кожаный мешочек, под завязку полный золотого песка. Ты наверняка знаешь это место — твой брат Гарфильд еще уложил там в прошлом году семерых индейцев. Мы никак не могли, решить: или этот песок положили туда недавно, либо его оставил там много лет назад какой-нибудь старатель, с которого давно уже сняли скальп и которому, получается, золото уже вроде как бы и ни к чему. В конце концов решили, что оставим золото в дупле еще на месяц, и, если за ним никто не явится, тогда уж точно станет ясно, что владелец мертв, и мы со спокойной душой его поделим. Так вот. Прошлым вечером вдруг забеспокоился: что, если кто-нибудь, не такой честный, как я, возьмет да и свистнет нашу находку? Поэтому я решил, что как только рассветет, наведаюсь к старому дубу и проверю, на месте ли золотишко.

Эрат прервал его презрительным хохотом. Джозл обжег противника пылающим взором и продолжал:

— Так вот. Не успел я доехать до дуба, как эта водяная крыса послала в меня из кустов здоровенную пулю.

— Врешь ты все! — завопил Эрат. — Я в то время заходил совсем с другой стороны.

— ...и заметь, Брекенридж, — в безоружного, — с достоинством закончил свое повествование Джозл. — Смекнув, что этот койот хотел убить меня, чтобы одному завладеть находкой, я тут же развернул лошадь и поскакал домой за оружием. А через некоторое время оглядываюсь и вижу, как этот скунсов сын вприпрыжку бежит за мной через кусты.

У Эрата в уголках рта выступила пена.

— Я и не думал за тобой гнаться! — набычившись, взревел он. — Я тоже бежал домой за ружьем!

— Теперь рассказывай ты, Эрат, — приказал я.

— Этой ночью мне приснилось, будто кто-то стянул наше золото, — угрюмо начал тот, —

и пошел проверить, на месте ли оно. Но не успел подойти к дереву, как этот подлый убийца начал палить в меня из винчестера. Я побежал за ружьем и вдруг наткнулся на него самого. Он, как видно, нарочно выслеживал меня, чтобы содрать скальп.

Тогда я их спрашиваю:

– Кто-нибудь из вас видел, как стрелял другой?

– Откуда? Он же палил из кустов, – огрызнулся Джоэл. – Да больше просто некому.

– Мне не обязательно было его видеть, – зарычал ему в тон Эрат, – зато его пули так и свистели вокруг моей головы.

– Но вы оба говорите, что в то утро у вас не было оружия.

– Он нагло врет! – крикнули оба в один голос, и не встань я между ними, побоище немедленно возобновилось бы.

– Уверен, что вы оба ошибаетесь, – сказал я им. – Остыньте и отправляйтесь по домам.

– Конечно, Брекенридж, мне тебя не одолеть, – говорит тогда Эрат, – но предупреждаю: если ты не докажешь, что стрелял не Джоэл, а кто-то другой, я не стану ни есть, ни спать, пока не сдеру его паршивый скальп и не повешу сушиться на самую высокую сосну гряды Апачей.

– Что касается меня, – скрипнул зубами Джоэл, – то согласен ждать до завтрашнего утра. И если Брекенридж не убедит меня, что стрелял не ты, жена одного из нас станет вдовой еще до полуночи.

С этими словами они разошлись в разные стороны, а я беспомощно смотрел в спину то одному, то другому, обалдевший от свалившейся на мои плечи тяжелой ответственности. В этом-то и заключается одна из теневых сторон жизни самого сильного мужчины в округе: родственники то и дело норовят взвалить на него свои проблемы. Сейчас лишь от меня зависело остановить разгоравшуюся между двумя семьями кровную месть, которая неминуемо выкосила бы половину населения округа. Дело приняло настолько крутой оборот, что городские красотки отошли на второй план, а может, и куда подальше. Чем больше, я думал о золоте, найденном двумя идиотами, тем больше казалось, что я должен сам поехать туда и посмотреть все на месте. Придя к этому решению, я оседлал Капитана. Кидда и стрелой помчался к гряде Апачей. Благодаря нескольким осмысленным фразам, прорвавшимся сквозь ругань, я довольно отчетливо уяснил, о каком именно дубе шла речь, и был уверен, что найду его без особого труда. Доехав до места, я привязал Капитана Кидда у дерева и стал карабкаться по стволу, пока не добрался до дупла. Но только сунул туда голову, как услышал снизу скрипучий голос:

– Дьявольщина! Еще один чертов ворюга!

Я освободил голову, глянул вниз и увидел дядюшку Джеппарда Гримза, который целил в меня из огромного ружья.

– Должно быть. Медвежьей речке скоро конец, – мрачно изрек он. – Сначала Эрат и Джоэл, а теперь и ты туда же. Продырявлю-ка я тебе ногу, чтобы внушить хотя бы маломальское понятие о чести.

С этими словами он поднял винчестер к плечу и зажмурил левый глаз.

Тогда я ему говорю:

– Ты бы лучше поберег свинец вон для тех индейцев.

Надо сказать, что в свое время дяд Гримз и индейцы попортили друг другу немало крови. Поэтому он тут же крутанул головой, а я, не мешкая, выхватил из кобуры кольт, первым же выстрелом выбил ружье у него из рук и, спрыгнув на землю, наступил на дуло ногой. В ответ дядюшка вытащил из-за голенища устрашающих размеров нож. Пришлось мне выбить и нож, после чего ухватил дядюшку Гримза за плечи, и как следует взболтал содержимое его головы. Когда я разжал пальцы, тот, загребая ногами, описал по траве несколько кругов и повалился на землю, бормоча несвязные ругательства.

– Вы что, с ума все здесь посходили? – воскликнул я. – Неужели человек не может заглянуть в дупло дерева без того, чтобы тут же не заработать, пулю?

– Ты полез за моим золотом! – брызжа слюной, прорычал дядюшка Гримз.

– Так оно, значит, твое? Ну, знаешь ли, дупло – это тебе не банк.

– Сам знаю, – проворчал он, вычесывая пятерней из бакенбардов сосновые иголки. – Сегодня утром – я частенько так делаю – прихожу я, значит, проведать свое золотишко и вижу-кто-то уже наложил на него лапу. Стал я, значит, соображать, что да как, и вдруг замечаю – к дереву подкрадывается Джоэл Гордон. Я дал предупредительный выстрел, и парень умчался задравши хвост. А через несколько минут заявляется Эрат Элкинс и тоже, с оглядкой так, крадется между сосен. К тому времени я уже порядком рассвирепел и с удовольствием прошелся ему по усам добрым зарядом свинца. И вот, наконец, ты, чертов сын!

– Заткнись! – рыкнул я, – И не смей обвинять, будто я позарился на твое золото. Я просто, как и Джоэл с Эратом, хотел взглянуть, на месте ли оно. Будь они ворами, так стащили бы твое золотишко в тот же день, как нашли. Кстати, откуда оно у тебя?

– Я намыл его в горах, – угрюмо ответил дядюшка Джеппард. – Просто не было времени отвезти его в Рваное Ухо и обменять на наличные. Я рассудил, что дупло не хуже любого другого места, но теперь вижу, что дал маху.

– Послушай-ка, – говорю я ему, – до захода солнца, тебе придется еще раз повстречаться с теми ребятами. Ты им объяснишь, что это ты по ним стрелял, иначе до завтра они поубивают друг дружку. Возможно, они на тебя обидятся, но я буду рядом, и сумею удержать их от рукоприкладства.

– Ладно, Брекенридж, – говорит дядюшка Джеппард, – по рукам. Я жалею, что судил о тебе опрометчиво, и в знак полного моего к тебе, расположения покажу то место, куда перепрятал золото. Через маленькую рожицу он вывел меня к большому валуну, выступающему из земли у подножия скалы, и, указав на камень поменьше, самодовольно заявил:

– Вот, посмотри. Я вывернул из земли камень, углубил под ним дыру, спрятал туда золото, а камень поставил на прежнее место. В жизни никто не догадается!

Чтобы полностью насладиться произведенным впечатлением, он вытащил камень и запустил в отверстие руку. И тут случилось нечто невероятное: внезапно дядюшка Джеппард, как ужаленный, отскочил от дыры и с диким воплем покатился по земле! От неожиданности я подскочил на месте, меня прошиб холодный пот, а колыт как-то сам по себе очутился в правой руке.

– Что с тобой?! – заорал я. – Змея укусила?

– Точно! – возопил он. – Все вы змеи в человеческой шкуре! Его там нет! Меня ограбили!

Я нагнулся и осмотрел дыру. На мягкой земле отчетливо виднелась вмятина от кожаного мешочка. Но больше там ничего не было.

Тем временем дядюшка Джеппард исполнял пляску охотника за скальпами с винчестером в одной руке и с ножом в другой.

– Я украшу свои штаны бахромой из их паршивых скальпов! Я замариную их презренные сердца в бочонке из-под виски! Я скормлю их потроха собакам.

– Чьи потроха-то? – поинтересовался я.

– Ты что же, идиот, ничего не понял? Конечно, Джоэла и Эрата, чтоб им провалиться! Они и не думали удирать, а выследили, куда я перепрятал золото – гремучая змея им в глотку! Я и за меньший грех отправлял на тот свет людей куда как благороднее, чем эти подонки!

– Ах, так, – говорю. – Только ты ошибаешься. Парни не брали золота.

– А кто же, кроме них? – спрашивает он меня со слезами на глазах. – Кто еще мог о нем знать?

– Глянь-ка! – и я указал на суглинок, полосой протянувшийся у подножия скалы. – Лошадиные следы.

– Ну и что? – спросил он. – Это следы их лошадей.

– Э, нет, – говорю. – Обрати внимание, как посажены шипы: ни одна лошадь на Медвежьей реке не имеет подков с такими типами. Это следы чужака. Ручаюсь, их оставил тот одноухий тип с черными усами, что проезжал сегодня около полудня мимо моего дома.

Возле, скалы земля твердая, и не разберешь, где он тут топтался, но готов поспорить на свой кольт – именно он украл твоё золото.

Какое-то время дядюшка Джеппард хмурил брови, а потом и говорит:

– Нет, ты меня не убедил. Вот зайду домой за свежими патронами, потом поищу Джоэла с Эратом и укокошу обоих.

– Послушай, дядюшка, – я ухватил его за грудки, приподнял от земли и легонько встряхнул. – Знаю, что в тебе упрямства не меньше, чем у старого осла, но на этот раз тебе придется прислушаться к голосу разума. Иначе я заранее отпускаю себе грехи за все, что сотворю с твоей задницей. Я выслежу этого парня и отниму у него золото, потому как точно знаю, что это он его украл. И Боже тебя сохрани убить кого-нибудь до моего возвращения!

– Так и быть, – выдавил он, – даю тебе срок до утра. До тех пор мой палец не коснется курка. Но, – дядюшка Джеппард неожиданно впал в поэтический раж, – если до того момента, когда восходящее солнце позолотит своими лучами вершину Ослиной горы, в моих руках не окажется золота, я брошу бездыханные тела Джоэла Гордона и Эрата Элкинса на съедение койотам!

На том и расстались. Взобравшись на Кадитана Кидда, я направился по следу чужака на запад. «Пропади все пропадом! – с горечью говорил я себе. – Разве можно выкроить время, чтобы спокойно поухаживать за девушкой, имея на руках ораву свихнувшихся родичей, жаждущих крови друг друга?»

В моем распоряжении оставался почти целый день, а в горах Гумбольдта не нашлось бы коня, равного по выносливости моему Капитану. До захода солнца я проехал не меньше сотни миль, да только конь под чужаком, похоже, был одним сплошным комком мускулов, и к тому же они имели приличную фору.

День уже клонился к закату, а тот, кто мне был нужен, все не показывался. Отмахав еще немало миль, я углубился в незнакомую местность. Наконец поздно вечером я выехал на узкую тропку, на которой отпечатки подков, как я заметил, были совсем свежие.

Солнце спускалось все ниже, а вместе с ним таяли мои надежды. Ведь если даже я настигну вора, если отниму у него золото, мне чертовски трудно будет возвратиться на Медвежью речку к установленному сроку. Однако я не переставал погонять Капитана Кидда, и через некоторое время мы выехали на большую дорогу, где следы вора смешались со множеством других. Рассудив, что дорога непременно ведет к какому-нибудь селению, я пришпорил коня, на ходу пытаясь определить, куда меня занесла судьба.

Когда солнце уже почти закатилось, я миновал поворот, и в глаза мне бросилась необычная картина: на дереве с веревкой на шее висело нечто весьма похожее на человека, а другой человек, на лошади, как раз собрался что-то приколоть к его рубашке. Услышав стук копыт, он обернулся и вскинул ружье – я имею в виду человека, а не удавленника. Наружность у него была не особенно приятная, но это был не Черноусый. Увидев, что я не выражаю враждебных намерений, он ухмыльнулся и опустил ружье.

– Что, парень все еще брыкается? – осведомился я.

– Мы его только что вздернули, – ответил он. – Остальные ребята отправились обратно в город, а я вот задержался, чтобы приколоть предупреждение. Читать умеешь?

– Нет, – отвечаю, – не умею.

– Ну так слушай, – говорит он. – На бумаге написано: «Предупреждаю всех негодяев, особо тех, кто обосновался на горе Гризли, чтобы держались подальше от Вампума».

– А где он – этот Вампум?

– Полмили дальше по дороге, – ответил он. – Я Эл Джексон, помощник шерифа Билла Ормонда. Мы очищаем Вампум от всякого сброда, а это один из негодяев, который скрывался от правосудия на горе Гризли.

Не успел я открыть рта, чтобы ответить, как в кустах послышалось шумное частое дыхание, топот босых ног и на дорогу выбежала девочка лет четырнадцати.

– Ты убил дядю Джоба! – пронзительно закричала, она на Джексона. – Убийцы! Мне мальчик сказал, что его хотят повесить, я бежала, бежала изо всех сил и вот.

– Сейчас же отойди от повешенного!– зарычал Джексон и хлестнул ее арапником.
– Не смей бить ребенка!–крикнул я.
– О мистер, пожалуйста!– рыдала девочка, заламывая руки,– Ведь вы не из людей Ормонда? Умоляю вас, помогите! Он еще жив – я видела, как он шевельнулся!

– Не трожь веревку! – заорал на меня помощник: шерифа, увидев в моей руке нож. Без лишних слов я сунул ему в челюсть, и тот кувырнулся с лошади в придорожные кусты, где и остался лежать, оглашая воздух жалобными стонами. В следующее мгновение я уже перерезал веревку и, приняв на круп Капитана обвисшее тело, освободил горло бедняги от петли. Лицо его побагровело, глаза, были закрыты, язык вывалился наружу, но в теле еще теплилась жизнь. Похоже, его не спихивали с лошади, а лишь приподняли за свободный конец веревки, да так и оставили висеть.

Уложив бедолагу на землю, трудился над ним до тех пор, пока тот не стал подавать признаки жизни. Однако в подобных случаях требовалась помощь специалиста, и я спросил:

– Где-нибудь поблизости есть доктор?
– Есть – доктор Ричарде в Вампуме, – сквозь слезы сказала девочка. – Но если мы поедем туда, Ормонд наверняка его отобьет. Лучше отвезем, его домой.

– А где его дом?
– С тех пор как Ормонд выгнал нашу семью из Вампума, мы живем на горе Гризли, – то и дело всхлипывая, ответила она.

– Хорошо,– говорю.– Я перекину твоего дядю через седло, а ты сядь сзади и его придержи, чтобы не упал. Укажешь мне, куда ехать. Только Капитану Кидду мой план пришелся не по душе. Однако я тихонько тюкнул его рукояткой шестизарядного промеж ушей, и тот, нехотя подчинившись, с мрачным видом последовал за мной. Оглянувшись, я успел заметить, как Джексон выполз из кустов, поднялся на ноги и, придерживая рукой нижнюю челюсть, похромал прочь.

Разумеется, я потерял на этом деле уйму времени, но будь парень даже самым отъявленным, злодеем, я не дал бы ему умереть хотя бы потому, что не мог не заступиться за девочку.

Уже совсем стемнело, когда мы выехали на узкую тропку, выходящую наверх по краю отвесной скалы. Через некоторое время из темноты нас окликнул грубый голос:

– Стоять на месте или буду стрелять!
– Не стреляй, Джим– крикнула, девочка. – Это я – Бетти! Мы привезли дядю Джоба. Из темноты выступил высокий, сурового вида парень с винчестером. Разглядев поклажу на спине Капитана Кидда, он страшно выругался.

– Парень жив, – сказал я,– Но надо побыстрее уложить его в постель.
Джим пошел впереди, Вскоре мы вышли на поляну, в центре которой стоял дом. Оттуда, вопя дикой кошкой, выбежала женщина и бросилась к нам. Мы с Джимом сняли Джоба с седла, внесли, в помещение и уложили на лавку, предоставив заботам женщин, а я поспешил обратно, чтобы побыстрее продолжить путь. Джим вышел вместе со мной.

– И такое уже не впервые, с тех пор как в Вампум заявился Ормонд,– с горечью сказал он. –Живем на горе, точно крысы, боимся нос высунуть. Говорил я Джобу: «Не ходи сегодня в поселок!», так нет же – загорелось у него. Непременно,– говорит,– пойду в магазин. Змеей,– говорит,– проползу, куплю, что надо, и вернусь. Никто,– говорит,– и не заметит. Вот и доползал.

– Ладно, это ваши дела, сами и разбирайтесь. Только впредь действуйте с умом – у вас ведь на руках женщины и дети.

Тогда он говорит:
– Вы, наверное, друг Джоба. Несколько дней назад он послал на восток своего человека, только все боялся, что люди Ормонда перехватят его и убьют. Но, похоже, он все-таки добрался. Вы и есть тот человек?

– Вижу, на меня хотят взвалить обязанность очистить город от всякой нечисти? – Мне это совсем не понравилось.– Нет уж– сказал я ему,– спасибо. Я здесь человек посторонний и

никогда прежде вашего Джоба не видел.

– Вы вытащили Джоба из петли. Одного этого достаточно, чтобы навсегда испортить отношения с Ормондом. Почему вы не хотите помочь нам выместить из округи эту шайку? В горах скрывается немало парней – тех, кто не ужился в Вампуме. Случай с Джобом переполнил чашу терпения. Ночью я предупрежу парней, и мы сразимся с Ормондом и его бандой. Правда, эти гады нас уже порядком выкосили, но мы готовы поставить на карту все. Присоединяйтесь к нам!

– Послушайте, – сказал я, усаживаясь в седло, – если я помог одному преступнику выбраться из петли, это еще не значит, что я готов сам стать преступником. Я так поступил, потому что не мог спокойно смотреть на слезы ребенка. А вообще, у меня дело к некоему Черноусому. У него нет одного уха, а на его чалом – большое треугольное клеймо.

При этих словах Джим отпрянул от меня, поднял ружье и мрачно так произнес:

– Тогда тебе лучше убираться отсюда. Мы благодарны за все, что ты для нас сделал, но друг Волка Эшли не может быть нашим другом.

В ответ я фыркнул и начал спуск по тропинке. Выхав на дорогу, я повернул к Вампуму, рассудив, что, вероятнее всего, именно там встречу Черноусого.

Вампум меньше всего походил на город. Он скорее напоминал один большой салун. Оттуда, не переставая, неслись проклятия, шум драки и прочие звуки, безудержного веселья. Людей на улицах почти не было, а немногие прохожие, шли торопливо, с оглядкой. Я остановил одного, чтобы спросить, где тут живет доктор Ричарде, и тот указал на невысокий дом. Я подъехал к двери и громко постучал. Изнутри мне ответили:

– Чего надо? Учти – я держу тебя на мушке!

– Вы доктор Ричардс? – спросил я тогда. А в ответ:

– Да. Убери руки с пояса, не то шкуру продырявлю.

– Славный городишко! – усмехнулся я. – А гостеприимный какой – просто страх разбирает! Мне от вас ничего не нужно, только на горе Гризли есть один человек, который не отказался бы от вашей помощи.

Не успел я кончить, как дверь чуть приоткрылась и сквозь образовавшуюся щель наружу высунулась голова, опушенная роскошными рыжими бакенбардами.

– Ты это о ком? – спросила голова.

– Его зовут Джоб.

– Хм-м-м, – протянул доктор Ричарде, с прищуром глядя на меня. – Я тут сегодня вечером занимался челюстью одного не очень почтенного джентльмена и порядком наслушался о некоем субъекте – охотнике доставать из петли повешенных. Если, случаем, это ты и есть, то мой тебе совет: мотай отсюда да поживей, пока не попал в лапы Ормонда.

– Я хочу есть и пить, а еще я должен встретиться с одним человеком. Уеду из Вампума тогда, когда приведу себя в порядок и закончу дела, – ответил я ему.

– Не имею привычки спорить с такими медведями, – ответил доктор Ричардс. – Конечно, съезжу на гору Гризли сразу же, как только оседлаю лошадь, но если я никогда больше не увижу тебя живым, что весьма вероятно, то я сохраню о тебе яркие воспоминания, как о самом крупном человеке и болване из всех, кого когда-либо видел в жизни. Спокойной ночи!

Мне подумалось, что я еще не встречал людей с такой странной манерой поведения, как у жителей Вампума. Я отвел Капитана Кидда в сенной сарай, служивший также и конюшней, и позаботился, чтобы его привязали подальше от остальных лошадей. Наученный опытом, я знал, что стоит Капитану добраться до лошадей, как он сразу же начинает грызть им уши. Хлипкий сарай вряд ли устоял бы против буйного характера Капитана, но наказал слуге почаще подкидывать корма, а при первых признаках недовольства со всех ног мчаться за мной. Потом я направился в салун с гордым названием Золотой орел. Настроение – сами понимаете – ни к черту: во-первых, я окончательно потерял след Черноусого; а во-вторых, если бы мне даже удалось найти его в Вампуме, я все равно не смог бы добраться обратно до восхода солнца. Но оставалась еще надежда вернуть золото владельцу и тем самым спасти хотя бы несколько жизней.

«Золотой орел» был битком набит отталкивающего вида личностями, которые глушили виски, играли в карты, спорили или мирно беседовали во все горло. Как только я вошел, шум моментально стих, и все обернулись в мою сторону. Но я не обратил на них внимания, а сразу направился к стойке. Видя такое дело, все тотчас про меня забыли, и галдеж возобновился с прежней силой.

Я уже отпил виски на два пальца, как вдруг кто-то толкнул меня в плечо и грубо произнес: «Эй, ты!»

Обернувшись, я увидел крупного, широкоплечего мужчину с черной бородой, налитыми кровью глазами и огромным животом. На каждом боку у него висело по кобуре с кольцом. Я ему – не менее любезно:

– Чего надо?

– Ты кто такой? – спрашивает он. А я в ответ:

– А ты кто?

– Я Билл Ормонд, – отвечает, – шериф Вампума, ясно? – И тычет пальцем в звезду на груди.

– Ясно, – говорю. – А я Брекенридж Элкинс с Медвежьей реки.

В воздухе повисла недобрая тишина. Вижу – посетители опускают стаканы, бильярдные кии и подтягиваются ближе к стойке, на ходу затягивая ремни. Ормонд нахмурился, запустил пятерню в бороду и, покачиваясь с каблука на носок, заявил:

– Я тебя арестую.

Я с силой опустил стакан на стойку. Виски брызнуло, шериф отскочил от меня, да как завопит:

– Сопротивляешься властям? – И я замечаю, как в толпе вокруг происходит сильное движение.

– За что меня арестовывать? – спрашиваю. – Я не нарушал закона.

– Ты напал на одного из моих помощников, когда тот был при исполнении служебных обязанностей, – говорит он, и тут я замечаю старину Джексона с перебинтованной челюстью, выглядывавшего из-за шерифова плеча. Сам он говорить не мог, поскольку подбородок еще не двигался после удара, а только тыкал в меня пальцем и потрясал в воздухе кулаками.

– Ты вытащил из петли преступника, которого повесили по моему приказу, – сказал Ормонд. – Ты арестован!

– Но я ищу одного парня, – возразил я. – Мне некогда сидеть в тюрьме!

– Надо было думать, когда нарушал закон, – подсказал Ормонд. – Сдавай оружие и лучше не дури.

Вокруг стояло не меньше дюжины парней с кольтами, но не это заставило меня подчиниться, а то, что папаша мне крепко внушил не оказывать сопротивления властям. Вот почему я безропотно отдал свой кольт человеку со звездой на рубашке, смутно сознавая, что поступаю неправильно. Но я находился под слишком сильным впечатлением от силы закона и вконец запутался.

Ормонд в сопровождении целой толпы добровольцев провел меня в конец улицы и остановился у бревенчатой постройки, окна которой были забраны решетками. Из дощатого пристрой вышел парень с большой связкой ключей – тюремщик, как любезно разъяснил мне шериф. Меня водворили в тюрьму, после чего Ормонд с приятелями удалились, оставив одного тюремщика, который, усевшись на ступеньке хижины, стал сворачивать сигарку.

В тюрьме было темно, как в наглухо защитой бочке. Я на ощупь отыскал кровать и растянулся с намерением отдохнуть, но не тут-то было. Эта кровать явно не была рассчитана на фигуру вроде моей. Я сел, обхватив голову руками, и тут только до меня дошло, в какую неприятную историю я влип. В эти самые минуты я должен был бы без устали разыскивать Черноусого, чтобы поскорее вернуть золото на Медвежью реку. Я мог бы спасти жизнь своим родичам и соседям, а вместо этого прохлаждаюсь в тюрьме, и нет никакой надежды выбраться отсюда, не причинив ущерба тюремщику, а ведь он тоже представитель закона! Как только наступит рассвет, Джоэл и Эрат вцепятся в глотки друг другу, а дядюшка

Джеппард возьмет на мушку их обоих. И было бы наивно полагать, что прочие родственники ограничатся выяснением отношений между этими тремя. Я еще не видел семей, которые с такой назойливостью влезали бы в личные дела своих сородичей. А значит, загремят выстрелы по мирным берегам Медвежьей речки, и с каждым залпом будет убывать, население нашей благословенной округи. Эти мысли привели мои чувства в полное расстройство. В этот момент в окошке появилась голова тюремщика и сказала, что если у меня найдется пяток долларов, то мне принесут из салуна чего-нибудь пожевать. У меня было пять долларов, которые я когда-то выиграл в покер, я бросил ему монеты, парень ушел и отсутствовал, как мне показалось, целую вечность. Наконец, вернувшись, он протянул мне бутерброд с ветчиной. Я удивился и спросил, не напутал ли он чего, ибо никак невозможно было предположить, чтобы один бутерброд стоил бы пять долларов, а он ответил, что жратва в Вампуме вообще стоит безумно дорого. Я, не жуя, заглотил бутерброд, а парень сказал, что если у меня найдутся еще денежки, то он готов принести и второй. Но у меня больше не было денег, в чем я ему честно признался.

— Как! — воскликнул он, дыша мне в лицо перегаром сквозь прутья решетки. — Нет денег? Уж не надеешься ли ты получать кормежку задаром? — После чего обругал меня по всякому, а потом куда-то пропал. Через некоторое время он явился вместе с шерифом, и тот, заглянув в окно, спросил:

— Что такое, я не ослышался — у тебя нет денег?

— Кончились, — говорю, и он в свою очередь обложил меня с головы до пят.

— Чем же ты рассчитываешь заплатить штраф? — спросил шериф. — Ты что же, думаешь бездельничать в тюрьме и проедать сбережения честных граждан Вампума?

Но тут в окошке снова показалась голова тюремщика, и слышу — он что-то шепчет шерифу насчет моего коня в сенном сарае.

— Хорошо, — заявляет шериф. — Мы продадим его коня, а выручкой покроем штраф и расходы на содержание.

— Не выйдет, — говорю и чувствую, что начинаю понемногу закипать. — Если попытаете продать Капитана Кидда, я плюну на папашины наставления о подчинении властям и тогда вам всем, не поздоровится.

Я шагнул к окну и вперил в шерифа пылающий взор — тот подался назад и схватился за кольт.

И вдруг я замечаю, как к двери «Золотого орла» — салун был прекрасно виден из окна тюрьмы — направляется знакомая фигура. Вот человек вступил в полосу света, льющегося из окна салуна, — он, Черноусый! Из груди моей вырвался такой мощный рев, что шериф подскочил аж на целый фут!

— Шериф! — заорал я не своим голосом. — Арестуйте его, он — вор!

Ормонд обернулся, взгляделся повнимательнее и сказал:

— Ты, парень, видно, совсем рехнулся. Это ж Волк Эшли — мой помощник.

— Я-то, — говорю, — в своем уме. Он стащил мешочек с золотом у дядюшки Джеппарда Гримза там, в горах Гумбольдта. Я за ним с самой Медвежьей речки охочусь. Так что лучше не медлите, а исполняйте свой долг.

— А ну заткнись! — зарычал Ормонд. — Он мне еще указывает! Чтоб я арестовал своего лучшего бандита, то есть, я хочу сказать, помощника! Ты что, хочешь затеять свару между блюстителями порядка? Короче, еще слово вякнешь — заработаешь пулю в лоб. — Он повернулся и зашагал прочь, бормоча под нос: «Мешочек золота, а? И скрыл от меня. Надо в этом разобраться.»

Как я ни ломал голову — свою, конечно, — так ничего и не понял. Что это за шериф, если он отказывается арестовать вора? Мысли прыгали, пока в голове не образовалась страшная путаница. Тюремщик, тоже куда-то запропал — может, ушел продавать Капитана Кидда? Я пытался представить, что происходит сейчас на Медвежьей речке, но даже думать боялся о том, что там начнется с наступлением утра. А я по прежнему заперт, коня моего, того и гляди, продадут, а тут еще и ворюга этот расхаживает с важным видом и в ус себе не дует! В

отчаянии я выглянул из окна.

Время близилось к полуночи, но Золотой орел и не думал закрываться. До меня доносился визг музыки, нестройные вопли и топот множества ног о дощатый пол. Оружие также было постоянно в ходу: для изъявлени восторга публика палила в потолок. Я почувствовал себя совершенно оторванным от жизни – хотелось грохнуться оземь и взвыть диким зверем. Но наконец во мне стало просыпаться раздражение. Не сразу, постепенно, оно все росло и ширилось, пока не заполнило меня целиком. И только я вознамерился совершить нечто ужасное, как вдруг услышал за окном слабый шум.

Подняв голову, я увидел бледное личико и две маленькие ручки, обхватившие прутья решетки.

– Мистер!-прошептал тоненький голосок. – Эй, мистер!

Я подошел к окну и увидел Бетти.

– Что ты здесь делаешь, девочка? – спросил я ее. Она быстро-быстро зашептала:

– Доктор Ричарде сказал, что был в Вампуме. И еще он опасается, как бы Ормонд не сделал с вами что-нибудь плохое за помощь нам. Ну, я сбежала из дома, взобралась на докторскую лошадь и поскакала сюда, Джим сейчас собирает друзей на решающий бой, а тетя Рэчел с другими женщинами ухаживают за дядей Джобом. Кроме меня, пойти было некому, вот я и пришла. Вы спасли дядю Джоба, и мне наплевать – пусть Джим сколько угодно говорит, что раз вы друг Волка Эшли, то, значит, такой же бандит, как и он, – пусть! Эх, жаль, что я девчонка и не умею стрелять из винчестера! Я бы своими руками застрелила Билла Ормонда!

– Девочке не следует так говорить, – ответил я ей. – Пусть убивают мужчины – это их дело. Но все равно я рад, что ты не стоишь в стороне. У меня дома тоже есть такие сестренки – штук семь или восемь, точно не помню. А обо мне не беспокойся – мало ли народа сидит по тюрьмам Соединенных Штатов!

– Но вы же не преступник! – воскликнула Бетти, и из глаз ее брызнули слезы – славная девчушка! – В салуне есть комната, выходящая окнами во двор. Я подкралась к окну и подслушала, что говорили о вас Ормонд и Эшли. Когда вы спрашивали Джима, я так и не поняла, зачем вам понадобился Эшли, но ясно, что он вам не друг. Ормонд обвинял его в том, будто Эшли стянул у кого-то мешок золота и не хочет делиться, а тот все отрицал. Тогда Ормонд сказал, что получил сведения от вас, а еще сказал, чтобы до полуночи Эшли принес золото, а не то, говорит, им вдвоем станет слишком тесно в Вампуме. Потом Ормонд отправился за выпивкой, а Эшли сказал своему приятелю: придется, мол, часть золота отдать Ормонду, чтобы тот отвязался, но только сперва он разделается с вами за то, что наговорили на него лишнего. Мистер, Эшли с приятелями совещаются сейчас в задней комнате «Золотого орла». Они хотят перед рассветом ворваться в тюрьму и повесить вас!

– Ничего, – говорю, – шериф не допустит беззакония.

– Да Ормонд и не шериф вовсе! – воскликнула Бетти. – Он со своими бандитами явился в Вампум и всех, кто оказал сопротивление, убил или вышвырнул в горы. Мы там живем, как крысы, впроголодь, боимся лишний раз показаться в городе. Дядя Джоб вот спустился в Вампум этим утром за солью, и сами видели, что он здесь нашел. Дядя Джоб и есть настоящий шериф, а Ормонд просто убийца! Они с дружками устроили из Вампума разбойный притон: отдохнут здесь, зализжут раны – и снова воруют, грабят, убивают по всей стране!

– Так вот, значит, что имел в виду Джим, – медленно произнес я, – А я то, как последний дурак, поверил этим липовым законникам, а его, Джоба и всех вас считал преступниками!

– Ормонд отнял у дяди Джоба звезду и объявил себя шерифом, чтобы ловчее было обманывать проезжих, – всхлипывала Бетти. – В Вампуме еще остались честные люди, но они боятся и слова сказать. Бандиты заправляют здесь всем. Дядя Джоб послал в поселки по берегам Буффало человека за помощью, но тот так и не вернулся. А сегодня вечером в задней комнате, салуна Волк Эшли хвастался, что выследил того в горах Гумбольдта и убил.

Что же теперь делать? – И девочка зарыдала.

– Садись на лошадь доктора Ричардса, – сказал я ей, – и скачи на гору Гризли. А когда доберешься до дома, скажи доктору, чтобы тот поскорее возвращался. К его приезду здесь скопится для него много работы.

– А как же вы? Я, значит, уеду, а вас повесят?

– Обо мне не беспокойся. Я – Брекенридж Элкинс с гор Гумбольдта и так просто не дамся. Поспеши!

Думаю, что-то в моей наружности заставило ее поверить в правдивость этих слов. Не переставая всхлипывать, она соскользнула со стены и растаяла в темноте. Через некоторое время я услышал в той стороне удаляющийся топот копыт.

Тогда я подошел к окну, возложил руки на решетку и вырвал ее с потрохами. Затем подковырнул пальцами снаружи нижний оконный брус и вынул его из стены, а вместе с ним и еще три-четыре бревна. Стена покачнулась, и крыша обрушилась мне на голову. Но я расшвырял обломки и поднялся из развалин, как медведь из берлоги.

А тут как раз появился тюремщик. Увидев мою работу, он настолько удивился, что совершенно позабыл про кольт и свои обязанности. Я отобрал у него оружие и дал кулаком в челюсть, после чего вышиб дверь и втащил его в пристрой: не ночевать же человеку на улице.

Покончив с тюрьмой, я направился к салуну и вдруг вижу, прямо на меня скачет – кто бы вы думали? – ну да, этот дутый законник Джексон. Из-за перевязанной челюсти он не мог кричать, но, увидев меня, не растерялся: бросил лассо и, накинув петлю мне на шею, дал коню шпоры – думал протащить меня на аркане, пока не задохнусь. Но я успел заметить, что другой конец лассо крепко-накрепко привязан к седельной луке – так делают в Техасе. Я быстро перехватил веревку и расставил для упора ноги. Как только веревка натянулась, подпруги лопнули, и дальше лошадь поскакала одна, а хозяин вместе с седлом рухнул вниз головой на землю и впредь уже лежал спокойно.

Я освободился от петли и продолжил путь к Золотому орлу. В кобуре у меня лежал шестизарядный кольт, позаимствованный у тюремщика. Я заглянул в салун и увидел все те же лица. Ормонд стоял, откинувшись спиной на стопку, выпятив брюхо, и о чем-то хвастал, то и дело прерывая рассказ хохотом.

Шагнув вперед, я крикнул:

– Билли Ормонд, грязный ворюга! Посмотри сюда и приготовься к смерти!

Тот обернулся, бледный как поганка, и потянулся за кольтом, но я в мгновение, ока всадил в него все шесть пуль, и прежде чем его брюхо коснулось пола, это было уже брюхо мертвеца. Я бросил бесполезное оружие в ошеломленную толпу, и, исторгнув из груди леденящий боевой клич, ураганом обрушился на свору бандитов. Они заорали и всем скопом бросились на меня, а я сбивал их с ног, давал пинка, швырял направо и налево, как шар расшвыривает кегли! Одних я перебросил через стопку, другие угодили под столы, а иным досталось пивным бочонком. Затем я выломал колесо из рулетки, выкосил им целый ряд врагов и, наконец, скорее для очистки совести, чем в интересах дела, швырнул бильярдный стол в зеркало за стойкой. Стекло разлетелось вдребезги, а столом придавило трех-четырех негодяев, тут же заоравших из-под него благим матом.

Оставшиеся на ногах пытались достать меня ножами, колотили стульями, стреляли из кольтов и ружей, но попадали исключительно по своим: их набилось так густо, что кто-нибудь обязательно перехватывал предназначавшуюся мне пулю; а вот прочие их штучки окончательно вывели меня из себя. Я сгребал их руками, сколько мог, ухватить зараз, и глухое, бряканье голов одна о другую звучало мне сладкой музыкой. Еще я изрядно потрудились, припечатывая их башками о стенку, а наиболее усердных со всего маху швырял на пол и заваливал столами. В разгар схватки стойка обвалилась, а после того как я отправил в ту сторону очередного ретивца, полки также не выдержали, и на пол просыпался бутылочный град. Одна из ламп рухнула с потолка, который уже давно потрескивал и все сильнее, прогибался вовнутрь; кто-то крикнул «Пожар!», все дружно завопили и стали

выскакивать в двери, и окна. Через секунду в пылающем здании остался я один. Я уже направился было к выходу, как вдруг увидел на полу кожаный мешочек, а рядом: разбросанные в беспорядке личные вещи, должно быть, выпавшие у кого-нибудь из кармана – обычное дело, когда, от удара человек витает в воздухе вверх ногами или пытается пробить лбом стенку. Я поднял его, потянул за шнурок, и в ладонь заструился золотой песок. Я пошарил взглядом по полу в поисках тела Эшли, но его там не было. Оказывается, он все это время наблюдал за мной из задней комнаты, куда огонь еще не добрался. Когда же оторвал взгляд от пола, то увидел, что он в меня целится, спрятавшись за дверной косяк; Раздался выстрел, но пуля просвистела мимо. Я бросился за ним, не обращая внимания на вторую пулю, задевшую плечо, настиг и вырвал кольт из рук. Тогда он выхватил кривой нож и попытался сунуть его мне промеж ребер, но я увернулся, и лезвие лишь скользнуло по бедру. Вконец разъяренный, я бросил его через всю комнату с такой силой, что он головой пробил дощатую стену.

Большая часть салуна пылала, и путь через зал был отрезан. Я сунулся было через заднюю дверь, но вовремя заметил свору поджидавших меня парней с оружием наготове. Поэтому я вышиб часть стены с другой стороны дома. В этот момент с оглушительным грохотом обрушилась крыша, и это было мне на руку: никто ничего не услышал. Я подкрался сзади и лавиной свалился им на головы: молотил по башкам, топтал ногами, пинал в ребра, а после забрал весь их арсенал.

Тут только я заметил, что по мне стреляют с другой стороны улицы: на фоне пылающего салуна я выглядел отличной мишенью. Не теряя времени, я принялся разряжать кольты в толпу бандитов, те дрогнули и, громко вопя, бросились наутек.

Но не успели одни негодяи оставить город, как с противоположной окраины с пальбой и ревом его атаковала другая банда. Патроны кончились, и я принялся швырять в них горстями пустые гильзы, пока кто-то не крикнул: «Не стреляй-друзья!», и я увидел Джима, доктора Ричардса и еще много незнакомых лиц.

Они тут же бросились в погоню за людьми Ормонда. Со стороны занятно было наблюдать, как те, побитые и помятые, валом откатывались к лесу, подступавшему к окраине, а потом еще долго петляли среди деревьев – похоже, в них совсем не осталось пороха.

Джим задержался. Он посмотрел на развалины тюрьмы, перевел взгляд на дымящиеся остатки Золотого орла и замотал головой, словно пытаясь сбросить с себя наваждение.

– Мы готовились к отчаянной битве за город, – наконец произнес он. – Бетти встретила нас на спуске с горы и сказала, что вы друг и честный человек, и мы поспешили, чтобы спасти вас от петли. – Затуманенным взглядом он вновь окинул поле боя. – Ах да, совсем забыл. По пути сюда мы наткнулись на человека, который якобы вас разыскивал. Мы его не знаем, а потому связали и захватили с собой. Парни, приведите пленного!

Через несколько минут, накрепко привязанный к седлу, появился Джек Гордон – младший брат Джоэла, самый скорострельный и остроглазый из всей семьи.

– Зачем я тебе понадобился? – мрачно спросил я его. – Резня, надо полагать, уже началась, а тебе, значит, Джоэл поручил за мной слежку? Так знай: я нашел, что обещал, и немедленно отправляюсь обратно. Конечно, к началу дня мне уже не поспеть, но надеюсь добраться домой раньше, чем обезлюдят берега Медвежьей речки. Вот мешочек с золотом дядюшки Джеппарда – будь они оба прокляты! – И я помахал мешочком перед мордой его коня.

А он и заявляет:

– Это не то золото! Я гонюсь за тобой с самой Медвежьей речки, чтобы сказать: то золото нашлось! Все давным-давно, утряслось, дядюшка Джеппард, Джоэл и Эрат помирились, и дома все тихо. А это золото откуда?

Прежде чем ответить, я несколько раз глубоко вздохнул.

– Ну, не знаю, – говорю. – Ведь Ормонд считал, что Эшли скрыл от него золото дяди Джеппарда. Скорее всего, приятели Эшли собрали его вскладчину, чтобы Волк отдал его

Ормонду в обмен на собственную шкуру. Я только знаю, что владельцам оно больше не понадобится, тем более что золото наверняка ворованное. Так что отдай-ка я золото Бетти – девочка по праву заслужила награду. Для меня это послужит единственным утешением: хоть что-то путное выйдет из всей этой дикой неразберихи!

Джек оглядел руины бандитского логова и прошептал несколько слов – что именно, я не разобрал.

– Так ты говоришь, дядюшка Джеппард нашел-таки свое золото? – спросил я его. – Где же, интересно?

– Знаешь, – отвечает Джек, – к нему приложил руку Малыш Генерал-младший сын Джошуа Гримза, Вильям Гаррисон Гримз. Пацан видел, как его дедуля прятал золото под скалой, и когда тот ушел, достал поиграть. Самородки он употребил вместо пуль для своего ружьишка. Ты бы видел, как лихо он разделался с гремучей змеей! Ты что-то сказал?

– Ничего, – проскрипел я сквозь зубы. – Во всяком случае, ничего, что стоило бы повторять.

– Ну и ладно, – говорит Джек. – Если ты уже всласть здесь позабавился, то, надеюсь, составишь мне компанию на пути домой?

– И не надейся! – отрезал я. – Теперь, для разнообразия, я займусь личными делами. Этим утром я пообещал Глории Макгроу, что найду себе в подружки городскую девушку, и – черт побери! – сдержу слово! Возвращайся на Медвежью речку и, если увидишь Глорию, передай, что я направляюсь в Рваное Ухо, где красотки будут виться вокруг меня, как пчелы вокруг меда!

Глава 6. Кровная месть

Из Вампума я уехал еще до восхода. Люди просили меня остаться, а шериф – тот даже предлагал стать его помощником, но я присмотрелся к дамскому населению и обнаружил, что из всех женщин незамужней здесь осталась одна кривая индианка Паюта, а этот вариант меня никак не устраивал. Вот почему я отправился в Рваное Ухо, держась подальше от гор Гумбольдта. Для этого пришлось сделать большой крюк: мне совсем не улыбалось до обзаведения городской подружкой опять напороться на колкий язычок Глории Макгроу. Однако я добрался до Рваного Уха не так быстро, как рассчитывал. Проезжая горной тропой где-то у истоков Мустанга, я неожиданно наехал на лагерь ковбоев из Гремучей Змеи. Те собирали по округе отбившуюся от стада скотину. Старший сказал, что им позарез нужны рабочие руки, и тут мне пришло в голову, что с монетами в кармане я произведу на красавиц Рваного Уха гораздо лучшее впечатление, так что я решил примкнуть к компании. Увидев нас с Капитаном Киддом в деле, старший ковбой сразу же заявил, что ему ни к чему нанимать еще семерых, как он думал раньше, и что подходит ему по всем статьям.

Я отработал с ними три недели, а после взял расчет и продолжил путь в Рваное Ухо.

Я весь горел нетерпением поскорее встретиться с городскими красотками и решил действовать напористо, не подозревая, что к ним, возможно, потребуется иной подход.

Но прежде чем продолжить, считаю нелишним предупредить, что слухи о моих дальнейших похождениях навряд ли сами по себе найдут дорогу на Медвежью речку и что мне вообще до чертиков надоела грязная возня, поднятая вокруг моего имени. Так что, если эта клеветническая кампания не прекратится, я буду считать себя вправе выйти из себя; а в горах Гумбольдта вам всякий скажет, что, когда я выхожу из себя, на окружающих это производит впечатление худшее, чем пожар, торнадо и землетрясение, вместе взятые.

А главная ложь заключается в том, будто нарочно отмахал сотню миль, чтобы ввязаться в семенные распри, тогда как чужие дела меня ни с какого бока не касаются. Я не имел абсолютно никакого понятия о вражде между семьями Барлоу и Уоррен, пока не въехал в горы Мецквитал. Поговаривают также, будто я кому-то подрядился нанести урон имуществу Барлоу. Отвечу на это досужим вралем, что жилище следует строить попрочнее,

если не хочешь, чтобы однажды оно развалилось само собой. А кроме того, все Барлоу нагло врут, будто Уоррены наняли меня с целью извести их род и якобы за каждый скальп кого-нибудь из Барлоу мне обещали по пять долларов. Просто не верится, чтобы Уоррены так дорого оценили их запаршивевшие скальпы. Во всяком случае, никто меня не нанимал, и ни на чьей стороне я не сражался. Кстати, Уорренам тоже нечего хныкать, будто я вознамерился заодно изничтожить и их род. Я лишь хотел устроить так, чтобы они мне не мешали и не лезли не в свое дело. А дело целиком и полностью касалось защиты семейной чести. И если бы между таким благородным занятием мне пришлось смести с лица земли пару враждующих кланов, тут уж ничего не поделаешь. Тем, кто дорожит своей шкурой, не следует заступать дорогу диким быкам, горным потокам и оскорбленному Элкинсу.

Вот как все произошло. Стояла невыносимая жара, и когда я наконец добрался до Рваного Уха, от меня, можно сказать, осталось одно воспоминание. Поэтому я напрямую отправился в салун утолить жажду. А после только собрался выйти на улицу и начать поиски какой-нибудь красавицы, как вижу – за одним из столов сидит премилая компания: конокрад и три грабителя поездов режутся в карты. Дай, -думаю, -подсяду к ним да сыграю разок-другой. И вот, покуда мы так играли, открывается дверь и появляется – кто бы вы думали? Правильно – мой дядюшка Джеппард Гримз. Мне еще, тогда следовало сообразить, что это дурная примета, а значит, хорошего не жди. Все бедствия, которые только могут обрушиться на человека в южной Неваде, так или иначе исходят от него. У этого дядюшки наследственная предрасположенность втягивать окружающих в скандальные истории. И в особенности, своих родственников.

Дядюшка Гримз ни словом не обмолвился о недавнем событии, когда я, как последний дурак, поскакал за золотом, которое, будто бы украл у него Волк Эшли. Он подошел к столу и уставился на меня сверху вниз с таким мрачным видом, как если бы я промазал по рыси или того хуже – по медведю. Дождавшись моей очереди отбиваться, дядюшка Джеппард раскрыл рот и, укоризненно качая головой, произнес:

– Как ты можешь посиживать здесь, веселый и беззаботный, да еще с полным набором тузов, когда порочат имя твоей семьи?

Я грохнул кулаком по столу и крикнул:

– Думай что говоришь! Какого черта ты попусту треплешь языком на людях?

– Хорошо, – отвечает на это дядюшка, – Да будет тебе известно, что пока ты отсутствовал, пока в безделии и пустых забавах прожигал свою молодую жизнь.

– Я работал ковбоем! – с жаром возразил я. – А до того я шел ко следу человека, который, как мне тогда казалось, украл твое золото. И запомни: ничего я, кроме грязного салуна, никогда не прожигал! Лучше брось свои штучки и прямо говори, чего надо.

– Хорошо, – снова говорит он, – Я скажу: в твое отсутствие молодой Дик Блэнтон с Ручь Гризли начал ухлестывать за твоей сестрой Элеонорой. Вся семья уже решила, что вот-вот придется объявить о помолвке. Но вдруг до меня доходят слухи, будто среди своих дружков в поселке этот парень похвастается, как ловко он поддел твою сестру. Так неужели ты спустишь негодяю его насмешки и позволишь, чтобы твоя родная сестра стала посмешищем всего округа? Вот когда, я был молодым...

– Когда ты был молодым, Моисей еще не вылез из пеленок! – заорал, я вне себя от гнева. Больше всего на свете меня огорчает несправедливость по отношению к кому-нибудь из близких. – Прочь с дороги! Я еду в Ручей Гризли! Чего кривишься, ты – пятнистая гиена! – Последние слова были обращены к конокраду, которого, как мне показалось, рассмешило мое очередное несчастье.

– Да не кривлюсь я вовсе, – ответил тот

– По-твоему, я вру?! – совсем рассвирепел я и, машинально схватив со стола оплетенную бутылку с вином, опустил ее на голову наглеца. Тот свалился под стол, а парни у стойки побросали выпивку и гурьбой повалили на улицу, крича во все горло:

– Спасайс кто может! Брекенридж Элкинс в ярости!

Чтобы дать выход чувствам, я разнес в щепки стойку, затем, круша все на своем пути,

покинул салун и, оторвав конювязь от Капитана Кидда, взлетел в седло. Даже конь понял, что сейчас не время своевольничать. Не переступив и семи раз, он взял в такой лихой галоп, что мы в мгновение ока вылетели из поселка и вихрем помчались к Ручью Гризли.

Перед глазами у меня все плыло, как в тумане. Кстати, люди, что повстречались мне в пути и позже в один голос утверждавшие, будто я хладнокровно пытался их убить, похоже, очень уж чувствительны и к тому же недалекого ума. Я лишь сбивал выстрелами шляпы, чтобы дать какую-то разрядку нервам: я очень опасался, что если хоть немного не остыну по дороге к Ручью Гризли, то в конце пути кого-нибудь непременно зашибу насмерть. А поскольку парень я учтивый и по природе отходчивый, мне не хотелось причинять неприятностей ни людям, ни животным, ни даже индейцам – это, конечно, если меня хорошенько не вывести из себя.

Вот почему, когда я вошел в салун Ручь Гризли, где обычно сшивался Дик Блэнтон, мои действия отличали достоинство и полное самообладание.

– Где Дик Блэнтон? – спросил я, и при звуке моего голоса все нервно повскакивали с мест, а бармен, выронив стакан, побледнел. – Ну? – прикрикнул я, теряя терпение. – Где этот койот?

– П-подожди, п-послушай, – начал бармен, – я, я в-в-вот ч-что...

– Ах, так! Не желаешь отвечать на вопросы, да? Приятель его, значит, да? Дружка покрываешь, да? – Меня настолько возмутило подлое поведение бармена, что я уже дотянулся к нему рукой, но тот быстренько нырнул под стойку. Тогда я всей массой обрушился на стойку сверху, та не выдержала, и мы погребли хозяина под обломками. Посетители с воплями «Помогите! Убивают! Брек Элкинс прибил бармена!» бросились на улицу.

Спустя некоторое время обломки зашевелились, и показалась голова этой особы. Голова повела глазами и, увидев меня, взмолилась:

– Во имя, всего святого, Брекенридж, не трогай меня! Блэнтон вчера уехал на юг в горы Мецквитал.

Я швырнул в окно стул, которым собрался было пересчитать лампы на потолке, выбежал из салуна, прыгнул на Капитана Кидда и поскакал на юг. Увидев, что у меня нет намерения задерживаться в поселке, из погребов, вырытых на случай урагана, стали выползать люди, а в горы отправился всадник, чтобы передать шерифу с помощниками, что опасность миновала и те могут возвращаться домой.

Я знал, где приблизительно должны находиться горы Мецквитал, хотя самому там бывать не приходилось. Незадолго до заката я пересек границу штата Калифорния и уже в сумерках подъехал к подножию вершины Мецквитал, черной громадой нависшей над моей головой.

За время пути я несколько поостыл и потому решил дать отдых своему коню. Капитан не выглядел усталым – оно и понятно, ведь у этого коня в жилах текла кровь аллигатора, но я не исключал возможности, что нам придется гнаться за Диком Блэнтоном аж до самого Лос-Анджелеса, а значит, совершенно ни к чему было сбивать копыта Капитана на первом же переходе. В этой местности люди встречались довольно редко, а крутые горы заросли непроходимыми лесами. Но мне повезло: проехав еще немного, я увидел стоящую у обочины хижину. Я подъехал поближе и крикнул:

– Эй! Есть кто-нибудь?

Свет в хижине сразу погас, в окно высунулся пучок ружейных стволов, и кто-то гаркнул:

– Кто такой?

– Я Брекенридж Элкинс с Медвежьей реки, штат Невада. Хотел бы переночевать да накормить коня.

– Стой где стоишь, – приказал тот же голос. – Ты нам прекрасно виден при свете звезд. Предупреждаю: в доме четыре, ствола и все нацелены на тебя!

– Ладно, -говорю, – решайте, да побыстрее.

А сам слышу – в хижине разгорается спор. Они, верно, думали, что говорят шепотом, но слышно было каждое слово. Вот один говорит:

– Похоже, он не из Барлоу. Среди них такие верзилы не водятся. А другой отвечает:

– А что, если он наемный убийца, которого Барлоу наняли в помощь? Племянник старика Джейка недавно ездил в Неваду...

– Пусть войдет, – говорит третий, – мы его живо расколем.

В конце концов один из них вышел и нехотя обронил, что мне дозволено переночевать. Потом показал стойло для Капитана Кидда и бросил ему охапку сена.

– Нам приходится соблюдать осторожность, – пояснил он. – Вокруг полно врагов.

Мы вошли в хижину. Снова зажгли свечу и на стол поставили лепешки, бекон с бобами и кувшин кукурузной водки. Всего мужчин было четверо – из семьи Уорренов, как они тут же пояснили. Джордж, Эзра, Илия и Джошуа – все родные братья. Я часто слышал, что горы Мецквитал славятся рослыми мужчинами, но эти парни были не слишком велики – не крупнее молодого медведя. Честно говоря, у нас на Медвежьей речке они сошли бы за недомерков. Разговорчивыми их тоже нельзя было назвать. Большую часть времени все четверо сидели с каменными лицами, положив ружья на колени и не раскрывая рта, что, впрочем, не помешало мне как следует подзаправиться. Я, пожалуй, съел бы и больше, да только еда кончилась. Я очень надеялся, что в доме где-нибудь еще осталась выпивка: когда я взял кувшин с намерением смочить горло, тот был полон, до краев, но не успела первая волна живительной влаги докатиться до желудка, как чертов сосуд показал дно. Но надежда не оправдалась. Покончив с ужином, я пересел на грубо сколоченный табурету камина – по случаю летней жары огня не зажигали.

– Что у тебя здесь за дела, приятель? – спросили братья.

– Вообще-то, – говорю, не подозревая, что вот-вот вляпаюсь в новую историю, – вообще-то мне нужен один парень по имени Дик Блэнтон.

Черт побери! Не успел я произнести последнее слово, как все четверо, словно дикие кошки, бросились на меня и стали рвать на части! – Подлый шпион! – орали они все разом. – Проклятый Барлоу! Застрелить его! Зарезать! Дать стулом по башке! И при этом каждый исполнял свое намерение с таким усердием, что в результате все только мешали друг другу. Так, лишь благодаря излишнему усердию Джордж промахнулся и вместо меня всадил нож в столешницу. Прочие оказались удачливее: Джошуа огрел меня по голове стулом, а Илия непременно застрелил бы, но я откинул назад голову, и мне лишь опалило брови. Столь явное отсутствие должного воспитания у хозяев до того подействовало мне на нервы, что я поднялся среди них, как поднимается гризли среди своры вцепившихся в него собак, и начал щедрой рукой раздавать тумаки, ибо уже достаточно насмотрелся на эту семейку и понял, что одними словами их не заставишь уважать законы гостеприимства.

Еще не улеглась пыль сражения, еще доносились отовсюду стоны, а сам я не успел зажечь погасшую свечу, как вдруг с южного направления послышался приближающийся топот копыт. Я повернулся лицом к двери и, как только всадник остановил лошадь, взвел курки обоих кольтов. Но стрелять не пришлось: в дверях возникла прекрасна босоногая девушка. Окинув быстрым взглядом поле битвы, она пронзительно закричала:

– Ты убил их? Подлая скотина! Убийца!

– Да нет же, – устало возразил я. – Им даже не особенно досталось: всего-то несколько треснувших ребер, пара вывихов, ушибы конечностей и прочие пустяки. А если на ухо Джошуа наложить пяток швов, то прирастет как миленькое!

Но, девушка не унималась.

– Проклятый Барлоу! – бушевала она в истерике. – Я убью тебя, чертов Барлоу!

– Да, черт побери! – в отчаянии воскликнул я. – Никакой я не Барлоу, а Брекенридж Элкинс с Медвежьей речки! Я и не слышал никогда о ваших Барлоу!

Тут Джордж приостановил свои стоны – ровно настолько, чтобы спросить:

– Если ты не водишься с Барлоу, откуда знаешь Дика Блэнтон?

– Он надругался над моей сестрой! – проскрежетал я сквозь зубы. – Я приволоку его

обратно за шиворот и заставлю жениться на ней!

– Ну и дела,– говорит тогда Джордж. – Выходит мы просто не поняли друг друга. Но урон нанесен, и весьма ощутимый.

– Он больше, чем, ты думаешь,– заявляет на это девушка, дрожа от ярости.– Сейчас Уоррены собираются в доме отца, и меня послали за вами. Затевается крупное дело. Все Барлоу стягиваются к дому старого Джейка. Нам стало известно, что сегодня вечером они собираются устроить набег. Нас итак было меньше, а теперь выведены из строя еще четверо лучших бойцов. Тут и думать нечего – Барлоу передают нас, как щенят!

– Усадите меня на лошадь! – простонал Джордж. – Я не могу ходить, но еще способен стрелять, – он попытался было встать, но со стоном, чертыхаясь, повалился на пол. Девушка повернулась ко мне, в глазах ее стояли слезы.

– Ты должен нам помочь! – не допускающим возражений тоном решительно сказала она. – Раз сумел уложить четверку самых сильных наших мужчин, значит, твой долг – заменить их. К тому же Дик Блэнтон твой враг, а ведь он приходится племянником Джейку Барлоу и явился сюда, чтобы извести под корень наше семейство. Он сейчас вместе с остальными в доме Джейка. Мой брат Билл сказал, что там собрались все Барлоу, способные носить оружие. Единственное, что нам остается, – это запереться, в родном доме и обороняться. И ты нам поможешь. Я вижу, в деле ты значишь не меньше, чем эти четверо мальчиков, вместе взятые.

Я рассудил, что, пожалуй, и впрямь кое что задолжал Уорренам, и после того как пришил сапожной дратвой ухо Джошуа, да вправил несколько конечностей и пару плеч, да перевязал несколько ран, да промыл ссадины – последних оказалось чертовски много, – оседлал, наконец, Капитана Кидда, и мы выступили в поход.

Проехав какое-то время молча, девушка вдруг сказала: – Знаешь, из всех коней, что я видела, твой зверь самый крупный, самый дикий и, думается мне, самый коварный. Он вообще-то конь или дьявол?

– Конь, – заверил я ее. – Просто, у него кровь кугуара и повадки акулы. Кстати, откуда пошла ваша вражда?

– Не знаю, – ответила девушка. – Она умчалась так давно, что никто уже и не помнит причины. Наверное, кто-то обвинил кого-то в краже, коровы, а тому это не понравилось. Какая разница?

– Никакой, – согласился я. – Если на две семьи найдет охота враждовать, причина роля не играет.

Вскоре послышался лай собак. Моя проводница свернула с тропы, и, проехав еще несколько шагов, мы спешили. Я увидел скрытый кустами небольшой загон, в котором уже стояло немало лошадей.

– Здесь мы их и держим, – сказала девушка. – Никто из Барлоу не знает про этот загон, поэтому мы спокойны за лошадей,– с этими словами она направила свою лошадку в загон, а я провел Капитана Кидда под уздцы в самый дальний угол и привязал там в полном одиночестве – а иначе он непременно стал бы лягать соседей и в конечном счете обязательно повалил бы ветхую ограду. Затем мы прошли дальше по тропе. Лай все усиливался, и вскоре мы вышли к большому двухэтажному дому с массивными ставнями на окнах. Местами сквозь щели пробивался тусклый свет. Луна скрылась за облаками, и стало темно, хоть глаз выколи. Мы встали под деревьями, девушка трижды прокричала болотной выпью, и ей ответили с крыши дома. Дверь чуть приоткрылась, и кто-то тихо произнес:

– Это ты, Элизабет? Мальчики с тобой?

– Я, – ответила девушка, – но без мальчиков. Внезапно дверь распахнулась настежь, и дикий вопль разорвал ночную тишину:

– Беги, девочка! У тебя за спиной гризли! Уже на дыбки встал – сейчас бросится!

– Ерунда, – отмахнулась Элизабет. – Это Брекенридж Элкинс из Невады. Он хочет помочь нам в войне против Барлоу.

Он сразу уgomонился, и мы вошли в дом. В большой комнате на первом этаже на столе

горела свеча. Я насчитал там девять или десять мужчин, обвешанных винчестерами и кольтами. Кроме мужчин в комнате находились около тридцати женщин и детей. Все в равной степени бледны и напуганы. Они молча, с опаской посмотрели в мою сторону, а старый джентльмен так и впился взглядом, словно не был до конца уверен – человека он впустил в дом или гризли. Он что-то пробормотал в свое оправдание – что, мол, в конце концов, он был не так уж и далек от истины и что в темноте мерещатся всякие страсти, а потом, обернувшись к девушке, сурово спросил:

– Я посылаю тебя за мальчиками. Где они?

На что девушка ответила:

– Этот парень их так отделал, что они сейчас не годятся для драки. Не шуми, папа. Я выяснила – это произошло случайно. Джентльмен – наш друг. Он охотится за Диком Блэнтоном.

– Ха! Дик Блэнтон! – ворчливо заметил один из вояк. – Пусть только сунется – заставлю его замолчать навсегда!

– Ни в коем случае, – говорю. – Он мне нужен живым. Сначала женю его на сестрице Элеоноре, а там будет видно... Ну, где противник?

– Не думаю, чтобы они появились раньше полуночи, – ответил старик Уоррен. – Остается только ждать.

– Так вы что же – намерены сидеть и ждать, пока эти парни не явятся и не обложат вас со всех сторон?

– А что нам еще остается? – ворчливо ответил он. – Послушайте, юноша, не след вам – молодым – учить стариков законам кровной мести. Я родился, когда вражда подыхала вовсю, я вырос среди этой вражды и положил на алтарь мести всю свою жизнь. Так что можете мне верить – я знаю правила игры.

– Вот именно! – фыркнул я. – Вы растягиваете свои чертовы войны на поколения. А у нас, в горах Гумбольдта, такие споры улаживаются быстро. Почти все мы выходцы из Техаса и потому ведем кровную месть по техасски – гораздо круче и, я бы сказал, с большим интересом для обеих сторон. Десять лет – предельный срок. Вполне хватанет, чтобы двум семьям укокошить друг у друга мужчин. Где дом, в котором собираются Барлоу?

– Милях в трех отсюда, за хребтом, – ответил молодой парень, которого все называли Биллом.

– Сколько их?

– Я насчитал семнадцать, – ответил парень.

– Любому из Элкинсов даже на закуску не хватит. Билл, ты проводишь меня. Остальные могут оставаться здесь или пойти со мной – мне без разницы.

Все разом загалдели, и никто никого не хотел слушать. Одни горланили, что надо идти, другие предлагали остаться. Те, что хотели меня сопровождать, предлагали напасть на врага внезапно, но им возражали: мол, это невозможно, что, мол, скорее всего, они сами попадут в засаду и, значит, самое разумное – запереться в доме и ждать, пока Барлоу к ним сюда не явятся. На меня больше никто не обращал внимания – так все были увлечены спором. Но для себя я уже все решил. В самый разгар перепалки, когда Уоррены, похоже, готовы были схватиться за оружие и без помощи Барлоу перестрелять друг друга, мы с мальчиком Биллом, оказавшимся для Уоррена на удивление разумным, выскользнули из дома. В потайном загоне он выбрал себе лошадь, а я отвязал Капитана Кидда, который, разумеется, нигде не мог обойтись без того, чтобы не напакостить: каким-то чудом он сумел дотянуться зубами до шеи ближайшего мула, и к тому времени, как я подоспел, бедное животное было уже при последнем издыхании.

Горными тропами через лесную чащу мы выехали к поляне, посреди которой стоял дом. Из распахнутых окон вперемешку с ярким светом лилась отборная ругань, слышная еще за полмили от дома. Мы спешили и, оставив коней в лесу, подальше от поляны, вернулись к дому с обратной стороны.

– Они там – внутри! – с дрожью в голосе произнес Билл. – Хлещут кукурузную водку

– нагуливают аппетит перед бойней. Ты только послушай – разве ж это люди? У двери на стреме человек с винчестером, и эта стена глухая. Правда, во всех остальных стенах есть окна, но если пойдем напролом, нас тут же засекут и нашьпигуют свинцом – выстрелить не успеем. Смотри! Луна показалась из-за, облака! Скоро они отправятся за скальпами Уорренов!

Вынужден признать, что справиться с домом Барлоу оказалось несколько сложнее, чем я предполагал. Когда я прибыл на место, никакого определенного плана, в голове еще не было. Ближний бой всегда удавался мне лучше всего, поэтому для меня главное в драке – поскорее забраться в гущу врагов. Но, честно говоря, в тот момент я не видел способа, как проникнуть в дом и при этом сохранить в целости свою шкуру. Конечно, можно было двинуться напролом, но мысль о семнадцати винчестерах, плюющихся свинцом в упор, мне пришлось не по нутру. Хотя, не придумай я ничего лучшего, все равно пришлось бы рискнуть. Пока я прикидывал, что да как, одна из лошадей, привязанных к коновязи у дома, вдруг захрапела, и откуда-то с близлежащих холмов донеслось: «О-о-о-а-у-у!»

И тут меня осенило.

– Отойди в лес и жди меня,– приказал я Биллу, а сам пошел к тому месту, где мы оставили коней. Я ехал по склону холма, со стороны которого, как мне показалось, исходил вой. На полпути к вершине спешил, забросил поводья коню на спину и, время от времени подвывая кугуаром, углубился в густые заросли кустарника. А надо вам сказать, не существует на свете кугуара, который мог бы с уверенностью отличить голос своего собрата от голоса парня, выросшего на Медвежьей речке. И точно: через пару сотен шагов из-за выступа скалы, ярдов за двести впереди, донесся ответный призыв. Я прошел еще немного, вскарабкался на выступ и за ним обнаружил в скале небольшую пещеру с огромным кугуаром внутри. Увидев перед собой человека, кугуар удивленно рыкнул и выпустил когти. Но я ударил его по башке кулаком и не дожидаясь, пока тот очухается, вытащил котика за загривок из пещеры и волоком доставил к Капитану Кидду. При виде кугуара Капитан радостно захрапел и обнаружил сильное желание немедленно вышибить ему мозги, так что мне пришлось хорошенько лягнуть в брюхо самого Капитана, то есть прибегнуть к единственному известному мне способу призвать этого парня к порядку. Затем я взобрался со своей ношей ему на спину, и мы втроем отправились к логову семейства Барлоу. Думаю, на свете найдется, немало других, более приятных развлечений, чем перевозка крупного кугуара на крупе дьявола с железными челюстями, да еще по круче холма сквозь густые заросли, да в кромешной тьме. Одной рукой я держал кугуара сзади за шею, слегка сдавив ему горло, чтобы котик не орал. Приходилось держать его как можно дальше от себя и от коня. Зверь всю дорогу извивался, пытаюсь вырваться, а я напрягал мускулы, чтобы, – не дай Бог! – тот не задел когтями задних лап драгоценной шкуры Капитана Кидда. Мой неженка не медля огласил бы местность диким воем и пошел бы куролесить по всей округе. Он и так был явно не в духе: пару раз, вставая на дыбы, он швырял проклятого кугуара на меня, и оторвать от себя эти когти оказалось делом не менее трудным, чем очистить от репьев хвост строптивой коровы.

Наконец подъехал к задней, стене дома Барлоу, трижды прокричал выпью, но мне никто не ответил: Билла нигде не было. Должно быть, – подумал я,– парень испугался и вернулся домой. Тем лучше. Раз я здесь, все равно придется сразиться с этими Барлоу, а Билл, пожалуй, только помешал бы.

Остановившись у кромки леса, я отпустил поводья и слез с коня. Затем, неслышно ступая, подкрался к задней стене дома. Луна прошла уже половину пути, и ветер дул в мою сторону – можно было не опасаться, а то. лошади у коновязи перед дверью раньше времени почуют мою кошку и поднимут переполох. Из дома по прежнему долетал громкий говор вперемежку с руганью. Приблизившись к окну, я услышал:

– Какого черта мы ждем! Вперед! Мне не терпится выпить кровь из Уорренов! – И в этот момент, размахнувшись, я швырнул в окно кугуара. Ударившись об пол, тот издал жуткий вой, который утонул в вопле полутора десятков глоток. Через

мгновение в комнате разразился настоящий ураган: страшный грохот, стрельба, вопли и проклятия слились воедино. Порой к общему шуму примешивался вой зверя. То и дело слышался треск разрываемой материи, в воздухе витали клочья одежды и шкуры представителей семейства Барлоу. Обезумевшие от страха лошади одна за другой рвали поводья и мчались прочь через кусты, не разбирая дороги. Отправив в окно кугуара, я сразу побежал к входной двери. Парень, что был оставлен на страже, с открытым ртом тупо вслушивался в жуткий хор, доносившийся изнутри. Он был настолько ошарашен происходящим, что и не подумал сопротивляться. Я вырвал из его рук ружье и разбил приклад о его же голову. Потом, сжав в руке ружейный ствол, встал за косяком. Я был уверен, что Барлоу вот-вот повалят наружу. Я уже не раз замечал, что нервишки у мелких людей ни к черту: наверняка они чувствуют себя не совсем уютно, запертые в одной комнате с сумасшедшим кугуаром, – точно так же, как и кугуару не по себе в компании с семнадцатью пьяными головоредами.

Но эти негодяи подло меня обманули. Похоже, в задней стене все-таки была потайная дверь, и пока я ждал, когда парни посыплются из парадного, готовый угостить каждого обломком ружья по черепу, негодяи отомкнули черный ход и гурьбой вывалились из дома.

Когда же до меня наконец дошло, что происходит, и перебежал к противоположной стене, враги, вопя благим матом, уже унеслись под защиту деревьев. Вместо одежды за ними на ветру развевалась какая-то рванина, а с исцарапанных боков ручейками стекала кровь. Как видно, кугуар недаром провел время в компании с семейством Барлоу. Зверь вразвалочку покинул дом вслед за людьми, неся обрывки чьих-то штанов. При виде меня из груди кугуара вырвался сдавленный вой отчаяния, и, потеряв штаны, с поджатым хвостом, он помчался в горы так, словно за ним по пятам гнался сам дьявол с раскаленным клеймом.

Я повернулся к побежденному войску, в панике отступавшему к лесу, и приготовился открыть огонь из обоих кольтов. Но не успели те добежать до опушки, как из кустов поднялись Уоррены и с пронзительными воплями бросились на врагов. Это была презабавная битва. Я так и не услышал ни одного выстрела. Барлоу, все до единого, побросали ружья во время бегства, а Уоррены предпочли заявлять о своих претензиях с помощью кулаков и ружейных прикладов. Какое-то время на опушке царила страшная свалка: дикие выкрики, ругань, треск прикладов, разбиваемых о чьи-то лбы, клочья одежды и вырванные с корнем кусты – все смешалось в едином вихре. Прежде чем я подошел, ряды Барлоу дрогнули и парни бросились врассыпную, вопя, точно грешники в Судный день. Старик. Уоррен степенной походкой вышел из кустов. В лунном свете отчетливо выделялась седина его бороды.

– Прегрешени нечестивцев да падут на их же головы! – возопил он, размахивая винчестером. – Знай, Элкинс: этой ночью мы одержали великую победу за правое дело!

– Откуда вы здесь взялись? Я думал, что вы по-прежнему жуете дома свою жвачку.

– Видишь ли, – отвечает старик, – после твоего ухода мы еще немного поспорили, а пютом решили пойти следом: очень уж хотелось взглянуть, как это ты один справишься с целой оравой. В лесу мы каждую секунду боялись нарваться на засаду. Вдруг откуда ни возьмись появляется Билл и говорит, что у тебя вроде бы есть план, как перехитрить негодяев Барлоу, правда, он не знает какой. Ну, значит, пошли мы дальше, а дойдя до поляны, залегли на опушке. Лежим и ждем. А остальное ты сам видел. Сейчас-то я вижу, что мы слишком долго церемонились с этими язычниками. Из-за нашей мягкости вражда неоправданно затянулась. В общем, ты прав: лучший способ обороны – нападение.

– Мы не перебили этих недоносков, – продолжал он, – их счастье! – но задали им хорошую трепку на память. Эй! Смотрите-ка! – воскликнул он. – Одного все-таки поймали! Тащите его в дом, ребята!

Те так и сделали. Когда мы со стариком вошли, в дом, в помещении уже горели свечи и шею несчастного Барлоу украшала петля. Другой конец веревки был перекинут через потолочную балку. Излишне говорить, что внутри царил полный разгром. Пол усеяли обломки ружей, столов и стульев. Повсюду валялись клочья одежды и ошметки шкуры

Барлоу. Местами пол был чем-то испачкан, а несколько столбов, еще недавно исправно поддерживавших кровлю, превратились в обломки, годные лишь на дрова, так что крыша почти целиком покоилась на массивной подпорке в центре дома. Все Уоррены сгрудились вокруг пленника. Я посмотрел поверх их голов на бледное, перекошенное лицо в слабом свете свечей и радостно вскрикнул:

– Дик Блэнтон!

– Он самый! – подтвердил старик Уоррен и обернулся к Дику: – Ну, парень, есть у тебя что сказать на прощание?

– Нет, – угрюмо ответил Блэнтон. – Одно скажу: если бы чертов кугуар не спутал нам карты, то еще, до рассвета мы напились бы крови Уорренов. Вам здорово повезло: до сих пор еще не бывало, чтобы кугуары запрыгивали в окна.

– А этот кугуар и не думал запрыгивать, – говорю я, проталкиваясь плечом вперед сквозь толпу. – Он-то как раз был против. Это я ему помог.

У Блэнтоната отвалилась челюсть, он вылупился на меня, точно я был не человек, а мрачный дух ночи.

– Брекенридж Элкинс, – прошепел он едва слышно. – Все! Теперь мне уж точно крышка!

– Да что с ним цацкаться! – скрипнул зубами парень, который в пути зазевался и прибежал к шапочному разбору. – Чего мы ждем? Вздернуть его, и делу конец!

– Придержи язык! – сказал я. – Блэнтоната вешать нельзя. Я должен доставить его на Медвежью речку.

– Никак невозможно, – отвечает на это старик Уоррен. – Мы, конечно, благодарны тебе за помощь, но и ты нас пойми: за последние пятнадцать лет это первый случай, когда имеется возможность вздернуть хоть кого-нибудь из Барлоу. Грех упустить такую удачу. Давайте, парни!

– Стойте! – зарычал я и шагнул вперед. В следующий миг на меня смотрели дула семи ружей. Трое Уорренов налегли на веревку, и ноги Блэнтоната задрыгали в воздухе. Семь винчестеров для меня не помеха. Я мигом справился бы со стадом неблагодарных Уорренов, а чтобы научить уважению, вдобавок вымел бы ими пол. Но я очень опасался, что во время пальбы – а без пальбы уж никак бы не обошлось – Блэнтоната могли просто-напросто пристрелить, и я все равно оказался бы в дураках.

Я лишь хотел, чтобы, как говорят французы, все было в ажуре, иными словами – чтобы Блэнтон остался цел. Поэтому я обхватил центральную подпорку, и, прежде чем ни успели сообразить что к чему, повалил ее на пол. Крыша немедленно поехала, а вслед за крышей обвалились и стены.

Дома больше не было. Вместо него на поляне возвышалась бесформенная груда досок и бревен, под которой барахталось семейство Уорренов, оглашая воздух жалобными криками. Само собой, я не забыл расставить в упоре ноги, так что, когда крыша рухнула, моя голова пробила в ней дыру, а бревна падающих стен ударили по плечам и соскользнули вниз. В результате я отделался несколькими царапинами и, когда пыль улеглась, одиноко стоял по пояс в развалинах.

От жутких воплей из-под обломков сыла кровь, но я не особенно беспокоился за жизнь погребенных – ведь если бы ранения были серьезными, вряд ли они смогли бы стонать так громко и протяжно. К тому же моя голова и плечи несколько замедлили падение крыши и стен, что также должно было пойти им на пользу.

Определив по голосу местонахождение Блэнтоната, я принялся разгребать бревна и доски, пока не наткнулся на его ногу, а потянув за ногу, вытащил и всего Блэнтоната. Потом уложил его в сторонке на холодок, чтобы тот отдышался – парню в живот ударила потолочная балка. Когда он очухался и открыл рот, оттуда вместо крика и слов донеслось только невнятное мычание – в жизни не слышал ничего забавнее.

Покончив с одним делом, я пошарил в обломках и извлек старика Уоррена, который, точно в бреду, все твердил что-то о землетрясении.

– Вместо того чтобы пороть чепуху, – холодно заметил я ему, – растаскивали бы лучше бревна. Я не намерен лично вызволять ваше невоспитанное племя. За помощь вы отплатили мне черной неблагодарностью, и отныне между нами все кончено. Был бы я человеком невыдержанным, давно перешел бы всякие границы. Но поскольку мой характер отличают доброта и благородство, я стараюсь держать себя в руках. Замечу лишь, что не будь я добродушен, как ягненок, то с удовольствием пнул бы тебя как следует в задницу. Вот так!.. – И я показал, как именно.

– О-о-о! – взвыл он и, пролетев по воздуху, ткнулся носом в лужу. – Я натравлю на тебя шерифа! – кричал он, размахивая кулаком и размазывая по лицу грязь пополам со слезами. Покидая вместе с пленником поляну, я услышал, как, приступая к освобождению сородичей, старик Уоррен затянул гимн, воспевающий месть и ненависть. Блэнтон попытался было что-то сказать, но я ответил, что не расположен к пустой болтовне и что чем чаще он будет разевать рот, тем охотнее я сверну ему шею. Меня терзали воспоминания о последней встрече с Глорией Макгроу – я-то бахвалился, будто найду себе городскую красотку, а вместо невесты везу на Медвежью, речку завалившего женишка для сестрицы. «Наверняка мои милые родственнички затеяли какую-то дьявольскую игру, чтобы помешать осуществлению моих супружеских планов, – мрачно думал я про себя. – Похоже, я так никогда и не займусь личными делами.»

Капитан Кидд с двойной ношей одолел сотню миль между горами Мецквитал и Медвежьей речкой к полудню следующего дня. При этом мы обошлись без еды, питья и сна. А кто сомневается в правдивости моих слов, пусть лучше попрिдержит язык. Своим кулаком я убедил уже девятнадцать сомневающихся, а надо будет – поговорю и с двадцатым. С чувством исполненного долга я вошел в родной дом и швырнул Дика Блэнтон на пол к ногам Элеоноры. Сестрица посмотрела на меня так, точно свалился с луны.

– Никогда не пойму, что ты нашла в этом койоте, – заявил я ей. – Но все равно – получай. Можешь выходить за него хоть сию же минуту.

А. она и отвечает: – Ты что, напился или перегрелся на солнышке? Чтобы я вышла замуж за этого бездельника, пропойцу и транжира? Еще и недели не прошло, как я поганой метлой, выгнала его из нашего дома.

– Так он тебя не опозорил? – Я уже ничего не соображал.

– Он? Меня?! Да я сама могу ославить его на всю Медвежью речку! – ответила мне сестрица.

Я повернулся к Дику Блэнтону. Гнев пропал – его сменило сожаление.

– Скажи мне, – мягко произнес я. – Скажи мне, почему ты хвастал в Ручье Гризли, будто подцепил Элеонору Элкинс?

– Я хотел скрыть от парней, что мне дали от ворот поворот, – насупившись, ответил он. – Мы, Блэнтоны, очень гордые. Я и жениться-то на ней хотел лишь потому, что отец выделил мне ферму и надо было обзаводиться хозяйством. Женидьба на девушке из рода Элкинсов – дело со всех сторон выгодное: не надо тратиться на батраков, на покупку мулов, на...

У Дика Блэнтон не должно быть ко мне никаких претензий. Вряд ли он добрался бы до своего приобретения в целости – уж больно нрав у моего папаши с братьями горяч, – но, по счастью, они в тот день были на охоте. Я же, в отличие от них, славлюсь на всю округу добродушием. Несмотря на все несчастья, которые причинил мне Дик Блэнтон, я сумел остаться в рамках приличий. Я не сделал ему ничего плохого, разве что проводил миль пять-шесть по тропе в Рваное Ухо, а на прощание от души лягнул в тощую задницу.

Глава 7. Здравствуй, дядюшка Исайя!

Проводив Дика Блэнтон, я повернул обратно. По мере приближения к тому месту, где от общей тропы отходит дорожка к дому Макгроу, я все сильнее начинал волноваться. Если

уж кого мне и не хотелось видеть в ту минуту, так это Глорию. Я уже прошел мимо и едва успел вздохнуть с облегчением, как услышал конский топот. Я быстро оглянулся и увидел Глорию, выезжающую на тропу. Я нырнул в кусты, а она – черт бы ее побрал! – прищипорила лошадь и свернула за мной следом. Под ней была небольшая быстроногая лошадка, но поскольку в нашей скачке лидировал я, то сразу нацелился на густые заросли, сквозь которые верхом ей ну нипочем не продрасться! То и дело оглядываясь, я неустанно надавал ходу, как вдруг – бамц! – налетел, головой на низко свесившуюся ветку дуба, да так лихо, что чуть мозги в стороны не брызнули! Когда головокружение прекратилось и деревья увернулись на свои места, я обнаружил, что сижу на земле, а передо мной на своей лошадке восседает и смотрит на меня сверху вниз Глория Макгроу.

– В чем дело, Брекенридж? – насмешливо спросила она. – Зачем от меня убежать? Неужели такая страшная?

– Я от тебя не убегал, – проворчал я, глядя на нее горящими глазами. – Я и понятия не имел, что ты где-то неподалеку. Просто увидел в кустах нашего бычка и хотел его поймать, но ты его спугнула, и он удрал.

Я поднялся и шляпой начал отряхивать пыль с одежды. А Глория и говорит:

– Я тут о тебе много чего понаслушалась, Брекенридж. Похоже, ты становишься знаменитостью.

– Хм-м-м, – подозрительно промычал я.

– Кстати, Брекенридж, – она сузила глаза и слегка нагнулась ко мне с седла. – Где та прелестная горожанка, которую ты поклялся привезти на Медвежью речку своей невестой?

– Мы еще не назначили день помолвки, – пробормотал я, отведя глаза в сторону.

– Она хотя бы стройная? – продолжала пытку Глория.

– Стройная, – отвечаю, – как кувшин для воды. На Медвежьей речке ей никто и в подметки не годится.

– А откуда она?

– Из Бизоньего Хвоста, – я сказал первое пришедшее на ум название поселка.

– А как ее зовут, Брекенридж? – спрашивает тогда Глория, а у меня под прицелом ее глаз, как на грех, все имена повыскакивали из головы.

В отчаянных попытках вспомнить хоть какое-то имя, я переминался с ноги на ногу и встряхивал головой. Глория громко рассмеялась.

– Вот так влюбленный! – веселилась она. – Забыл имя девушки, которую намерен взять в жены. А ты ведь хочешь взять ее в жены, правда, Брекенридж?

– Да, хочу! – прорычал я. – Думай что угодно, но у меня есть девушка в том поселке, и сейчас же отправлюсь за ней. Вот только оседлаю коня. Что вы на это скажете, мисс Красотка?

– Скажу, что ты самый большой лгунишка на всей Медвежьей речке, – ответила она с насмешливой улыбкой, повернула лошадку и поехала, прочь, оставив меня одного сгорать от бессильной ярости. – Передай от меня наилучшие пожелания своей возлюбленной из Бизоньего Хвоста, – крикнула она через плечо, – если, конечно, вспомнишь ее имя!

Я ничего не ответил. У меня просто язык отнялся. Я отдал бы все на свете, лишь бы Глори сделалась мужчиной хотя бы на пять минут! Она уже совсем скрылась из виду, а все никак не мог сосредоточить взгляд на одном предмете, гораздо хуже мне удавалось членораздельно говорить, еще меньше – здраво рассуждать. Наконец исторг из груди рычание дикого зверя и, отломав от дерева сук толщиной с ногу, принялся в припадке бешенства выкашивать им кусты и обивать кору с деревьев. К тому времени, как я чуть подостыл, заросли выглядели так, словно по ним прошелся торнадо. Но в душе у меня немного улеглось, и я помчался домой, кляня на чем свет стоит голубые глазки, женское непостоянство и спесивый нрав. Я направился напрямик к загону. Выйдя на поляну, я обратил внимание на доносящийся из нашего дома дикий рев, напоминающий мычание сексуально озабоченного быка. В следующий миг из дома вылетели мои братцы – Гарфильд, Бакнер, Джон и Билл – и очертя голову помчались к лесу. Я сразу подумал, что у папаши,

должно быть, опять разыгрался ревматизм: в минуты приступа он становится таким раздражительным, просто беда. Но я все равно вошел в загон, и оседлал Капитана Кидда. Я был решительно настроен, исполнить все, о чем говорил Глории. Конечно, у меня не могло быть девушки в Бизоньем Хвосте, но – черт побери! – что мешает мне ее там завести? Решено! Поеду в Бизоний Хвост и добуду себе невесту, даже если для этого придется разнести целый поселок!

И вот в тот момент, когда я уже выводил из загона Капитана, в дверях возникает моя сестрица Бразория и кричит:

– Эй, Брекенридж! Зайди-ка в дом! Отец хочет тебя видеть.

– Э? – говорю. – На кой черт я ему понадобился? – Но привязал коня и направился к дому Захожу и вижу – у папаши только что миновал приступ раздражительности, и, значит, наступили минуты раскаяния. На него ревматизм всегда так действует. Вот только раскаивается он в делах давно минувших – например, у него не промелькнуло и тени сожаления по поводу того, что этим утром он запустил бычьим ярмом в голову братца Гарфильда.

Папаша лежал голый спиной на незастеленной кровати, а на табурете рядом стоял кувшин с кукурузной водкой.

– Брекенридж, сынок, – начал он. – Грехи прошлого тяжким камнем лежат на моей совести. В дни молодости я вел свободный и беспутный образ жизни, о чем свидетельствуют многочисленные могильные холмики, разбросанные по прериям. Я иногда спрашиваю себя: Билл, не слишком ли ты торопился отправлять на тот свет джентльменов, с которыми расхаживал во взглядах на жизнь? Может быть, тебе следовало вести себя посдержанней и просто отрезать им уши? Взять, к примеру, моего двоюродного братца – твоего дядю Исаяю Гримза. – И папаша шумно вздохнул. – Я не видел братца Исаяю уже много лет. При расставании мы наговорили друг другу много грубостей, и наши лица скрывал пороховой дым. Меня мучает вопрос: точит ли он на меня по-прежнему зуб за то, что я однажды засадил ему в задницу заряд крупной дроби?

– С чего это вдруг ты его вспомнил? – спрашиваю.

А папаша вытаскивает откуда-то бумажный лист и отвечает:

– О нем говорится в этом письме. Его привез из Бизоньего Хвоста Джим Брэкстон. Моя сестрица Элизабет, которая живет по соседству братцем Исаией в Дьяволвилле, штат Аризона, сообщает, что он собрался в Калифорнию и будет проездом в Бизоньем Хвосте десятого числа, то есть завтра. Она не уверена, намерен ли он заехать к нам, и потому предлагает мне встретиться с ним на территории поселка и там помириться.

– И что? – спросил я его. По тому, как папаша расчесывал пятерней бороду и буравил меня взглядом, я уже понял, что он сейчас будет о чем-то просить.

– А то, – отвечает мой родитель, отхлебнув изрядный глоток из кувшина. – Я хочу, чтобы завтра в Бизоньем Хвосте ты встретил дилижанс и пригласил Исаяю к нам в гости. Отказа не принимай. Учти: братец у меня с придурью и дьявольски недоверчив, но, думаю, ты ему понравишься. Особенно если не станешь без нужды разевать рот и показывать свое невежество.

– Ладно, – говорю я папаше. – Твое задание совпадает с моими планами. Я как раз собирался в Бизоний Хвост. Только как я узнаю дядюшку Исаяю? Я ж его никогда прежде в глаза, не видел!

– Роста он небольшого, – ответил папаша. – Когда мы виделись в последний раз, у него были пышные рыжие бакенбарды. В любом случае доставь его сюда. Будет верещать – не обращай внимания. У братца полно врагов, поэтому он всех подозревает. В молодости он знатно погулял от Техаса до Калифорнии. Из всех, кого я знаю, твой дядя Исаяя чаще других был замешан в кровной мести и в сведении счетов между бандами. Ходят слухи, что он где-то припрятал кругленькую сумму, но это нас уже не касается. Мне его деньги и даром не нужны. Я лишь хочу поговорить с ним по душам и попросить прощения за то, что в минуту юношеской горячности нашипиговал его дробью.

– Если же он меня не простит, – продолжал папаша после того, как надолго приложился к кувшину, – я согну ствол своего дробовика об его тупую башку. Ступай!

Я взял напрямки через горы и уже на следующее утро делил свой завтрак со стариком – траппером на окраине поселка. Старика звали Билл Полк, он придерживался старых нравов и потому избегал городской суеты.

Городок Бизоний Хвост появился в наших местах совсем недавно, благодаря золотой лихорадке, и этим вызывал резкое недовольство старины Билла.

– Черт знает что такое! – ворчал тот. – Шум, гам, пальба! Понастроили дурацких коробок, понатыкали повсюду заявочных столбов – бедным зверюшкам копытом негде ступить! Прошлым летом я убил оленя на том самом месте, где сейчас стоит салун. И он уставился на меня, сдвинув брови, словно в его напастях была доля и моей вины.

Я ничего не ответил, продолжая жевать поджаренную на костре оленину. А он заговорил опять:

– Вот попомни мое слово: ничего путного из всего этого не выйдет. В здешних горах скоро нельзя будет жить. Всякие подонки летят на золото, как мухи на мертвечину. Ладно бы местные – так вдобавок сюда стекаются гангстеры из Аризоны, Юты и Калифорнии. В горах уже засел Гризли Хокинс со своими молодчиками, и кто знает, сколько их еще на подходе. Хорошо хоть упрятали за решетку Барсука Чизома вместе с бандой после того, как они ограбили банк в Гунстоке. Чуть меньше негодяев будет теперь отравлять нам жизнь. Вот кабы кто еще да пристрелил бы Гризли Хокинса!

– Кто это там? – вдруг воскликнул я, от волнения даже забыв о еде.

– Кто? Где? – встрепнулся старина Билл. – А-а, девчонка, что проходит мимо ресторана «Золотая королева»? Это Долли Риксби – первая красавица в городе.

– Чертовски хороша! – говорю я ему.

– Да, таких тебе навряд ли доводилось видеть.

– Да нет, пожалуй, доводилось, – рассеянно произнес я. – Вот, скажем, Глори Макгроу... – но тут же словно очнулся от наваждения и с отвращением швырнул в костер остатки завтрака. – Точно, – говорю. – Таких красоток поискать! Из девушек с гор Гумбольдта ни одна в подметки ей не годится. Как, ты сказал, ее имя? Долли Риксби? И имя шикарное!

– Проглоти слюну, парень, – говорит старик. – Вокруг девчонки увиваются не меньше дюжины парней. Думаю, Блинк Уилтшоу первым сумеет взнуздать эту строптивую лошадку. А на теленка вроде тебя она и смотреть не станет.

– А не накрутить ли им всем хвоста? – предположил я.

Он покачал головой.

– Оставил бы ты свои замашки на Медвежьей речке! В городе на каждом углу воняет законниками, и если ты шлепнешь кого в пределах городской черты, то не успеешь и глазом моргнуть, как эти скунсы сволокут тебя в каталажку. Я был прямо-таки шокирован подобными порядками. Уже позже я выяснил, что эта подлая клевета была запущена завистниками из Рваного Уха, но тогда я принял новость за чистую монету и потом долго еще не решался войти в этот город из опасения, что меня немедленно арестуют за всякие мелочи.

– А куда это мисс Риксби направляется с ведром? – спросил я старика.

– Она несет пиво своему деду. Тот разрабатывает участок в верховьях ручья.

– Послушай-ка, – говорю я ему. – Спрячься вон в тех кустах и, когда она будет проходить мимо, покричи индейцем.

– Да что за дьяволыщина лезет тебе в голову, парень? Хочешь переполошить весь город?

– А ты, – говорю, – громко не кричи. Ты кричи так, чтобы, кроме нее, никто больше не услышал.

– Да ты спятил совсем, что ли?

– Нет, черт подери! – Я уже начал терпение, к тому же походка у девчонки была легкая, и она быстро приближалась. – Иди и делай, что велю. А как только закричишь, сразу

выскочу на тропу с той стороны и сделаю вид, будто освобождаю ее от индейцев. Тогда она в меня в два счета втрескается! Ну же! Торопись!

– Сдастся мне, парень, что с головой у тебя не все ладно, – проворчал он. – Но так и быть, помогу тебе, – и старик нырнул в густой кустарник. Тропинка, по которой шла девушка, дугой прорезала заросли кустарника. Я сделал большой крюк, чтобы она меня не заметила: перебежал тропу и залег в кустах, готовый по первому зову выскочить из засады и спасти ее от «индейцев». Едва я успел расположиться, как услышал боевой клич индейца – точь-в-точь как настоящий, только гораздо тише. В следующий миг треснул выстрел, и уже другой звук – не приглушенный, как первый, а громкий и протяжный – распорол тишину. Это взвыл старина Билл. Я помчался на зов, но прежде чем успел выскочить на тропу, из кустов показался сам старик. Обеими руками он держался за место пониже спины.

– Ты это все нарочно подстроил, гад ползучий! – разразился он при виде меня. – Прочь с дороги!

– Эй, Билл, – говорю, – в чем дело?

– Клянусь, ты знал, что у девчонки припрятана пушка в чулке! – прорычал он, ковыляя мимо. – Ты один во всем виноват. Стоило мне разинуть рот, как она тут же пальнула в кусты. Ни слова больше! Хорошо еще, жив остался. Ну, пусть и через сто лет, а с тобой за все рассчитаюсь сполна!

С этими словами он углубился в заросли, а я сделал тот же крюк, но уже в обратном направлении, и увидел Долли Риксби с дымящимся короткоствольным револьвером в руке. Она напряженно всматривалась в заросли. Я вышел на тропинку. Заслышав мои шаги, девушка обернулась. Я вежливо снял шляпу и произнес:

– Доброе утро, мисс. Могу я чем-нибудь помочь?

– Я только что подстрелила индейца, – ответила она. – Сама слышала его крик. Вас не затруднит найти труп и снять с него скальп? Мне давно хотелось иметь скальп индейца вместо сувенира.

– Охотно, мисс, – галантно отвечаю я. – Я сам его для вас выскоблю и подсушу на солнышке.

– О, благодарю! – Она улыбнулась, и на ее щеках обозначились две очаровательные ямочки. – Как приятно встретить в глуши настоящего джентльмена!

– А уж мне-то как приятно, мисс, – заверил я ее и направился в кусты. Потоптавшись дл вида с минуту, я вышел и сказал:

– Страшно сожалею, мисс, но этой твари нигде нет. Должно быть, вы его только ранили. Но, если пожелаете, я отыщу след и догоню его. Наверняка он не мог уйти далеко.

– О, не стоит так беспокоиться, – сказала она, чем сняла большой камень с моей души, ведь если бы ей непременно захотелось иметь этот скальп, мне ничего не оставалось бы, кроме как поймать старину Билла и оскальпировать, что было бы жутко неприятно нам обоим.

Но она уже и думать забыла об индейце, а оглядев меня с головы до ног восхищенным взглядом, сказала:

– Мен зовут Долли Риксби. А вас?

– Я узнал вас с первого взгляда, Долли, – говорю ей. – Слава о вашей красоте докатилась до гор Гумбольдта. Я Брекенридж Элкинс.

Ее глаза загадочно блеснули, а потом она и говорит:

– Я тоже о вас слышала. Вы объездили Капитана Кидда и в одиночку вымели бандитов из Вампума.

– В общем, верно, – скромно согласился я и в этот момент вижу, как по дороге пылит дилижанс. – Послушайте, мисс, – заторопился я. – Мне непременно нужно встретить этот дилижанс, а позже я с превеликим удовольствием зашел бы к вам на огонек.

– Так в чем же дело? – говорит она. – Я вернусь примерно через час. А живем мы через три дома к северу от игорного заведения Задиры Реда.

– Обязательно буду, – пообещал я.

Девушка одарила меня лучезарной улыбкой и с ямочками на щеках и с ведром пива для своего старика направилась дальше по тропе, а я заторопился к тому месту, где оставил Капитана Кидда.

Голова у мен шла кругом, а сердце так и прыгало от восторга. «Вот он – мой шанс! – думал, я. -Самое, время показать Глории Макгроу, из какого теста лепят Элкинсов! Подожди только! Вот привезу на Медвежью речку Долли Риксби – тогда увидишь!»?

Я въехал в поселок как раз в тот момент, когда дилижанс остановился у станции, служившей одновременно салуном и почтой. Прибыли всего три пассажира – явно не новички в подобной обстановке. Двое мрачного вида парней и сухонький старикашка с рыжими бакенбардами. Я сразу смекнул, что это и есть дядюшка Исайя Гримз. Пока спускался с холма, они втроем направились в салун: впереди выступали верзилы, старикашка семенил следом. Я решил, что сначала выведу его на дорогу и отправлю к папаше, а сделав дело, вернусь и спокойно займусь Долли Риксби.

Я подошел сзади и легонько коснулся его плеча. В тот же миг неувловимым движением старик вскинул кольт и нацелил дуло прямо мне в лоб. А после подозрительно так спрашивает:

– Чего надо?

– Я Брекенридж Элкинс,– говорю, – и хочу, чтобы вы пошли со мной. Я узнал вас сразу, как увидел...

Если бы папа не предупредил, что дядюшка Исайя – человек со странностями, я удивился бы еще больше. Он вдруг завопил: «Билл! Джим! Ко мне!» – и, размахнувшись, со всей силы врезал мне рукояткой колта по голове.

Его спутники обернулись, и их руки скользнули к кобурам, так что мне пришлось поскорей сбить дядюшку Исайю с ног, чтобы – не дай Бог – его не задела шальная пуля. Потом метким выстрелом ранил одного из верзил, чтобы тот не смог пустить в ход свою артиллерию. Другой успел выстрелить, и пуля задела мне плечо. В ответ продырявил ему руку, заднюю ногу, и он рухнул поперек первого. Соблюдая осторожность, я постарался не задеть важных органов, поскольку понимал, что имею дело с друзьями дядюшки Исайи. Только когда в разговор вступают кольты и ружья, тут уж особо некогда объясняться да расшаркиваться. Из салуна с криком выскакивали люди. Я склонился над дядюшкой Исайей и попытался поставить его на ноги. Но он, видно, чувствовал сильную слабость: помнится, при падении он задел головой о коновязь. Старик полз на четвереньках, ругался по страшному и все хотел отыскать оброненный кольт. Я снова взял его за плечи и, когда тот перестал кусаться, брыкаться и орать, с укоризной произнес:

– Нехорошо поступаете, дядюшка Исайя. Сейчас сюда прибегут люди, в любую минуту может нагрянуть шериф и арестовать меня за стрельбу по этим идиотам. Надо идти. Папаша ждет не дождется вас на Медвежьей речке.

Как ни странно, от моих слов слабость его усилилась, но голос окреп. Хрыч дико завопил, а я, недолго думая, сгреб его в охапку, мешком перекинул через седельную луку, сам вскочил в седло и дал коню шпоры. Вдогонку закричали: «Стой! Стой!», за щелкали выстрелы, но я даже не обернулся.

Я отпустил поводья, Капитан Кидд во весь опор помчался по дороге, и городок скрылся за поворотом. Я даже не решился остановиться, чтобы изменить посадку дядюшки Исайи, – так мне не хотелось попадать в тюрьму. Похоже, моя встреча с Долли Риксби закончилась, еще не начавшись. «Интересно,– думал я,– есть ли еще на свете такие родственнички, чтоб им провалиться!»

Чуток не доезжа до развилки, где горная тропа на Медвежью речку выходит к большой дороге, увидел впереди всадника. Тот, похоже, слышал выстрелы и вопли дяди Исайи и, развернув лошадь боком, загородил мне дорогу.

Вблизи разглядел, что это жилистый старик седыми баками.

– Куда везешь человека? – крикнул он, напрягая голос, чтобы перекрыть громовой стук копыт Капитана Кидда.

– Не твое дело, – резко ответил я, – Прочь с дороги!

– На помощь! На помощь! – отчаянно завопил дядя Исая. – Меня похитили! Убивают!

– Оставь человека, негодяй! – закричал незнакомец, от слов переходя к делу.

Мы оба выстрелили одновременно, но я успел на миг раньше. Пуля незнакомца просвистела у моего уха. Моя сбила с его головы шляпу, и он, контуженный, вывалился из седла, словно после удара добрым молотком. Ураганом пролетая мимо, я заметил у него на макушке красную полосу.

– Будешь знать, как лезть в чужие семейные дела – рывкнул я и свернул на тропу, ведущую в горы. А дядюшке Исаяе сказал следующее: – Больше так никогда не ори. А то из-за тебя меня едва не шлепнули. А старикан, видать, и впрямь подумал, что я разбойник какой.

Я не уловил, что он ответил. Оглянувшись на долину, я увидел кучку всадников, бешеным галопом мчавшихся по дороге из города. Солнце весело играло на стволах их кольтов и винчестеров. Я пришпорил Капитана Кидда, и мы в мгновение ока покрыли расстояние в несколько миль.

Дядюшка Исая без умолку что-то лопотал, но голова его болталась вверх-вниз, я мог разобрать только отдельные ругательства – я уже заметил, что этот человек совершенно не умеет держать себя в руках. Наконец он отчаянно возопил:

– Ради Всевышнего! Дай мне сесть нормально, а то лука седла протрет мне в животе дыру!

Я слегка придержал Капитана и внимательно огляделся. Преследователей нигде не было

– Так и быть, – говорю, – поезжайте в седле, а я сяду у вас за спиной. Вообще-то я думал нанять для вас лошадь, но сами видели – пришлось срочно сматываться.

– Куда. ты меня везешь? – спросил он.

– На Медвежью речку, – отвечаю. – Куда ж еще?

– Но не хочу на Медвежью речку, – вдруг заявляет он. – И я не поеду на Медвежью речку.

– Поедете, – говорю. – Папаша наказал не принимать отказа. Так что садитесь поживее в седло, а я уж, так и быть, поерзают на крупе.

Я достал ноги из стремян и передвинулся в седло, старик расположился на моем месте. И не успел глазом моргнуть, как он уже вытаскивает из-за голенища нож и примеривается перерезать мне горло.

Я понимаю, что у каждого родственника может быть свое понятие о шуточках, но всему же есть предел! Нож я, конечно, отобрал, но, не желая причинять дядюшке вреда, не давал рукам воли и потому во время возни случайно выпустил поводья. Почувствовав свободу, Капитан Кидд рванул напролом, сквозь кусты и соснячок, и отмахал так с десятков миль. Положение сложилось не из приятных: одной рукой я пытался нащупать поводья, другой – удерживал дядюшку Исая от смертоубийства, а стремяна – пусты и наши ноги болтаются в воздухе. В конце концов мы оба грохнулись оземь, и не ухватись я в последний момент за уздечку, нам пришлось бы прогуляться пешком.

Протащив меня ярдов семьдесят, Капитан утомился, и мы отправились к месту падения. Мой спутник лежал на земле и понемногу приходил в чувство: сам-то я упал на что-то мягкое, похоже, это и был дядюшка.

– Это как же понимать? – сурово спросил я его. – Я из кожи вон лезу, чтобы устроить вас поудобнее, а вы вместо благодарности хватаетесь за нож! – Он в ответ лишь разевал рот да тяжело дышал. – Ну да ладно, говорю. – Папаша предупреждал, что вы с придурью, так что не стану обращать внимания на ваши выходки.

Во время скачки Капитан не придерживался определенного направления, а предпочитал шпарить наугад. Поэтому, прежде чем ехать дальше, решил оглядеться. Мы находились к западу от тропы, ведущей к дому, в совершенно дикой местности. Однако, как ни странно, ярдов за двести от нас среди деревьев виднелось человеческое жилье.

– Пойдем туда,– предложил я.– Надо узнать, нельзя ли здесь купить или нанять для вас лошадь. Так будет безопаснее для нас обоих.

Я снова усадил его в седло. Дядюшка. Исайя едва слышно проскрипел:

– У нас свободная страна. И я не обязан против желания ехать на Медвежью речку!

– В таком случае,– ответил я,– после всего, что я от вас натерпелся, такое желание должно появиться. Я нарочно приехал за вами, вежливо пригласил, пошел на жертву, пропустив свидание с первой красавицей города, а вы еще фордыбачитесь? Помалкивайте лучше. Я сяду у вас за спиной, но учтите: на этот раз поводьев не выпущу.

– Ты мне заплатишь за это жизнью,– глухо пообещал кровожадный безумец, но я не стал отвечать – разве папаша не предупреждал меня, что у дядюшки не все дома?

Итак, мы подъехали к строению. Никого не было видно, но рядом с дверью стояла привязанная лошадь. Я направил коня к дому и постучал. Мне никто не ответил, однако из трубы поднимался дымок, и я все-таки решил зайти. Я слез сам и сволок с коня дядюшку Исайю, потому как по хитрым огонькам в его глазах видел, что тот только и ждет случая, чтобы улизнуть верхом на Капитане. Я рассудил, что если буду постоянно держать старика, при себе, то рано или поздно он обязательно попадет к нам на Медвежью речку. В крайнем случае притащу его на спине. Поэтому сграбастал его за шиворот, и мы вошли...

Внутри тоже было пусто, хотя над горячим очагом испускал аппетитные запахи горшок с бобами. На полках вдоль стен были разложены ружья, а на гвозде висел ремень с двум кольцами. Вдруг за домом послышались шаги, задняя дверь распахнулась, и в проеме показался крупный черноусый мужчина с ведром в руке и с разинутым от неожиданности ртом. Оружия при нем не было.

– Вы что еще за люди? – грубо спросил он, а дядюшка Исайя вдруг издал булькающий звук и прошептал:

– Гризли Хокинс!

Тот быстро шагнул вперед, и его пышные усы оцетинились в жестокой усмешке.

– Кака встреча! – донеслось из-под усов. – Вот уж не ожидал увидеть тебя здесь!

– Так вы Гризли Хокинс? – И тут до меня дошло, что мы наткнулись на берлогу самого свирепого в здешних горах бандита. – Вы что же, знаете друг друга?

– Еще бы не знать! – прогрохотал Хокинс, глядя на дядюшку Исайю, как волк смотрит на ягненка.

– Я слышал, вы из Аризоны,– вежливо, как и подобает истинному джентльмену, продолжил я светскую беседу.– Сдается мне, в здешних краях и без пришлых хватает угонщиков скота. Но ваши понятия о чести меня не касаются. Я хочу купить, нанять или одолжить у вас лошадь. Нам пора ехать.

– Вот еще! – заревел Гризли.– Неужто, ты надеешься, что я позволю удаче выскользнуть из рук? Ладно, так и быть: я с тобой поделюсь. Парни этим утром отбыли по делу к Рваному Уху, но скоро должны вернуться. Нам надо успеть выпотрошить из этого хрыча все – тогда не придется делить, добычу с остальными.

– О чем это вы? – спрашиваю.– Мы с дядюшкой Исайей едем на Медвежью речку.

– Брось, не строй из себя невинную девицу! – бандит презрительно фыркнул

– Дядюшка! Видали мы таких! Нечего д,ржать меня за идиота! Я и сам все вижу: так цепко родного дядю за шкуру не держат. Думаешь, не понимаю, чего ты так хлопочешь? Сам посуди – двое с таким делом управятся лучше одного. Я знаю немало способов, как заставить человека заговорить. Бьюсь об заклад, стоит нам раскаленной кочергой поставить ему клеймо на задницу, как он моментом выложит, куда запрятал денежки.

И тут я замечаю – лицо дядюшки Исайи под баками покрывается мертвенной бледностью, и ему становится вроде как нехорошо. Тогда я раздраженно говорю:

– Слушай, гнусный хорек, ты, кажется, вообразил, будто, я похитил собственного дядю ради его денег? У меня большое желание пристрелить тебя за такие слова.

– Жадничаешь, значит? – он осклабился, показав крепкие зубы.– Хочешь один заграбастать всю добычу? Ну так я тебе покажу!

И с резвостью, которой я никак от него не ожидал, он поднял над головой ведро, полное воды, и запустил мне в голову. Я увернулся, ведро досталось дядюшке Исайе, и тот растянулся на полу – весь мокрый, как утопленник. Хокинс дико зарычал и, отпрыгнув к стене, схватил длинноствольный кольт. Но только он прицелился, как я первым же выстрелом выбил оружие из его рук. Тогда он вытащил из-за голенища огромный кривой нож и с пеной у рта двинулся на меня. Я нажал на курок, но вместо выстрела услышал сухой щелчок, и прежде чем успел перезарядить кольт, мне было уже не до стрельбы.

Я отбросил бесполезное оружие, и пошла рукопашная. Мы таскали друг друга по всему дому, то и дело запинаясь о дядюшку Исайю, который все не мог доползти до порога, и было больно слушать его вопли.

Во время схватки Хокинс выронил нож. Но он ни в чем не уступал мне: такой же рослый и сильный, такой же ловкий и изворотливый в борьбе. Мы то молотили друг друга кулаками, то катались по полу, сцепившись мертвой хваткой, то кусались и плевались, то долбили друг друга головами. Один раз мы прокатились прямо по дядюшке Исайе, и то, что от него осталось, было весьма похоже на блин. Наконец Хокинс ухватился за стол, поднял его, словно табуретку, и разбил в щепки о мою голову. От ярости у меня помутился разум. Я выхватил из огня горшок с бобами и насадил ему на башку. Не меньше галлона кипящей бобовой каши поползло у него по спине. Хокинс придушенно заверещал в горшке и отлетел в угол. Посудина раскололась на куски. Стены содрогнулись, полки не выдержали, и ружья посыпались на пол.

Схватив ружье, Хокинс направил его на меня, но глаза его были основательно заляпаны бобами, так что первый выстрел пропал даром. Второго не было – я угостил его таким мощным ударом в подбородок, что сломал челюсть, да вдобавок еще и подковал двумя точными пинками в лодыжки. Бандит мрачно повалился на пол и там затих.

Я поискал дядюшку Исайю, но того нигде не было, зато дверь скрипела, распахнута настежь. Я выпрыгнул из дома и вижу – дядюшка взбирается на спину Капитану Кидду. Я крикнул, чтобы он немного обождет, но дядя ударил, коня пятками в ребра и помчался, не разбирая дороги, прочь от страшного места. Вот только направление он взял не на север – обратно в Бизоний Хвост, а на юго-восток – в сторону гор Призрака. Я схватил с пола кольт и поскакал следом, хотя и без особой надежды когда-нибудь его догнать. Дело в том, что мне пришлось взять коня Гризли Хокинса – слов нет, хороший конь, но и в подметки не годился Капитану Кидду.

И если бы Капитан Кидд не придерживался однажды принятого решения, что никто, кроме меня, не имеет права на нем ездить, я бы до сих пор плелся за дядюшкой Исайей. И надо отдать тому должное: наездник он был превосходный, раз сумел так долго удержаться в седле.

Я уже видел горные вершины в просвете между его задом и седлом, но в конце концов Капитан устал от такого надругательства над моим авторитетом. Дотянув кое-как до тропы, где на него впервые сегодня накатило, он вдруг понурился, немного подумал и пошел куролесить: ерзал головой по траве, оглушительно ржал, а задними ногами взбрыкивал так, словно копытами хотел сшибить с неба солнце – ну прямо Судный день устроил, да и только! Дядюшка Исайя держался молодцом, пока Капитан не стал делать мощные прыжки, точно пробуя силы перед полетом. Тут дядюшкины нервы не выдержали. С воплем отчаяния он выпустил поводья, вылетел из седла и закувыркался в чашу.

Капитан Кидд удивленно фыркнул ему вслед, рысью перебежал на лужайку с молодой травой и занялся обедом, а я слез с хокинсова коня, и проследив движение дядюшки по сломанным кустам и примятой траве, нашел его и освободил из густых зарослей терновника. Одежда свисала с него лохмотьями, кожа вся была расцарапана, а значительная часть роскошных бакенбардов осталась на колючках. Со стороны казалось, будто дядюшка только что выдержал сражение с целым семейством кугуаров.

Однако он не растерял в терниях враждебного ко мне отношения и, едва оправившись, ядовито прошипел:

– Понимаю, зачем ты так стараешься,– слова прозвучали так, словно я нарочно подговорил Капитана бросить его в колючие заросли,– но ты не получишь ни цента. Я один знаю то место. Пока не вырвешь мне все ногти, не скажу... И то еще подумаю.

– Мне известно, что у вас где-то спрятаны деньги,– сказал я, оскорбленный до глубины души,– но мне они не нужны.

Он насмешливо фыркнул, а затем саркастически произнес:

– Тогда для чего ты таскаешь меня по этим чертовым горам?

– Потому,– говорю,– что вас хочет видеть мой старик. И вообще, хватит глупых вопросов! Папаша наказывал мне держать язык за зубами и не болтать лишнего. Я поискал коня Гризли Хокинса, но тот уже куда-то смылся. Похоже, у этого коняги, как и у его хозяина, тоже были пробелы в воспитании.

– Я должен найти коня,– раздраженно. сказал я.– Вы меня подождете?

– Будь уверен,– ответил дядюшка, и глаза его сверкнули.– Иди и делай свое дело. Я подожду.

Но я пристально посмотрел на него и с сомнением покачал головой.

– Не подумайте, что я вам не доверяю,– сказал, я ему,– но сдается мне, что только отвернусь, как вы тут же дадите деру. Мне, право, очень неприятно, но я обязан доставить вас на Медвежью речку в целости, а потому придется вам покуда отдохнуть связанным.

Он, конечно, давай возмущаться, но я настаивал. В результате, отправляясь на поиски верхом на Капитане Кидде, я мог за дядю не волноваться: узлы моего лассо были ему не по зубам. Зато он дал волю языку и, лежа у обочины на травке, осыпал мен такими крепкими словечками, что разболелись уши.

Чертов коняга Хокинса забрел гораздо дальше, чем я предполагал. Он слегка прогулялся по тропе на север, а затем по непонятной причине свернул к западу. Через некоторое время я услышал за собой конский топот и, скажу честно, занервничал, подумав, что парни Хокинса вернулись из налета, главарь им все рассказал, и бандиты бросились в погоню, чтобы схватить бедного дядюшку Исайю и пытаться, пока тот не расколется, где схоронил свои сбережения. Я же пожалел, что не догадался оттащить старика подальше от тропы и спрятать в кустах. Я уже решил было послать коня Гризли подальше и вернуться, как вдруг увидел его, мирно пасущегося среди деревьев. Быстро поймав коня, я повернул на тропу, рассчитывая взять по ней немного к северу от места, где оставил дядюшку Исайю. Но не проехал и половины пути, как вновь услышал впереди конский топот.

Тогда я взлетел на гребень холма и посмотрел вниз. По тропе в северном направлении ехала группа всадников, и среди них дядюшка Исайя – по конвоиру с каждой стороны. Моего лассо на нем уже не было, однако он не выглядел счастливым. Я понял, что мои наихудшие подозрения оправдались: банда Хокинса погналась по нашему следу, и дядюшка Исайя оказался у них в когтях.

Отпустив чужого коня, я потянулся за кольцом, но так и не решился стрелять: люди ехали, сбившись плотной кучей, и я опасался ненароком задеть старика. Тогда я отломил от дуба небольшой, толщиной с мою руку, сук и с воплем: «Я спасу тебя, дядюшка!» поскакал вниз по склону.

Нападение было настолько неожиданным, что бандиты не успели противопоставить ему ничего, кроме воплей. Капитан прошелся среди их коней, как лавина, в молодом ельнике. Он до того разгорячился, что я не успел его вовремя сдержать, и лошадь дядюшки Исайи, раскинув копыта, тоже оказалась на земле. Дядюшка ударился головой об утоптанную полоску земли и завизжал.

Бандиты вокруг орали, стреляли и размахивали ножами. Они накатывались на меня и, словно разбившиеся о скалу волны, откатывались обратно. Привстав в стременах, я начал крушить их поголовно направо и налево. Воздух наполнился кусками коры, дубовыми листьями и клочьями скальпов. Через минуту землю усеяли тела моих врагов, изрыгающих вперемежку с выбитыми зубами душераздирающие вопли и проклятия на мою голову. Клинки весело сверкали. на солнце, кольца дружно палили, но глаза негодяев запорошила

мешанина из искр, крови и щепок, так что целиться толком они не могли. В самый разгар схватки, когда в воздухе висел густой пороховой дым, лошади ржали, люди вопили и над всем господствовал треск моей дубины о черепа врагов – трах-трах-трах! – в шум сражения ворвался вой стаи гиен, и с севера на нас вылетели какие-то люди – новая кровожадная банда!

– Вот он! – заорал один из них. – Вон – ползает под лошадьми! За мной, парни! У нас не меньше прав на его деньги, чем у других!

Они во весь опор влетели в гущу сражения, молотя кольтами по нашим головам, и через секунду началась невообразимая свалка с тремя враждующими сторонами: парни дрались пешие и конные, все перемешалось и закрутилось в бешеном смерче, в котором две банды отчаянно пытались уничтожить друг друга, а я изо всех сил помогал им в этом благородном занятии.

На дядюшку Исаяю то и дело наступали ногами и копытами, и он орал благим матом где-то под нами. Наконец своим опустошительным инструментом я расчистил чуток пространства и, нагнувшись, поднял его за шкуру, бросил на седельную луку и стал пробираться к флангу сражения.

Но тут один верзила из свежей банды, завывая индейцем и паля во все стороны, проучился ко мне сквозь заторы. На его лицо струйкой стекала кровь из полуснятого скальпа. Он попытался выстрелить в меня, но курок только щелкнул, извещая, что патроны кончились. Тогда верзила наклонился вперед и длинной лапой ухватил дядюшку Исаяю за ногу.

– Дай сюда! – заорал он. – Это моя добыча!

– Отпусти его, не то хуже будет! – зарычал я, в бешенстве пытаюсь вырвать дядюшкину ногу из лапы негодяя, но тот вцепился в нее мертвой хваткой, а бедный дядя выл кугуаром, попавшим в волчий капкан. Видя такое дело, я размахнулся тем, что еще оставалось от дубины, и опустил на голову бандита. Тот буркнул что-то неразборчивое и выпустил ногу. Я не стал мешкать, а повернул коня и помчался прочь с поля боя. Парни были настолько заняты друг другом, что моего бегства никто и не заметил. Правда, вдогонку кто-то пальнул из винчестера, но все обошлось, разве что у дядюшки Исаяи пуля отстрелила мочку уха.

Я направил коня по тропе на юг, звуки кровавой бойни стали постепенно удаляться и наконец стихли совсем. Дядюшка Исаяя, не переставая, на что-то жаловался – никогда прежде не встречал я такого охотника до жалоб, – но времени терять было никак нельзя, и я не стал сдерживать коня, пока мы не отмахали несколько миль. Лишь потом я поприветствовал Капитана Кидда и вежливо осведомился:

– Вы что-то сказали, дядюшка?

– Все! Не могу больше! – выпалил тот. – Я отдам тебе сокровища, только дай мне уйти и сдаться властям! Все, чего я сейчас жажду, – это добрая, надежная тюремная камера.

– Каким еще властям? – удивился я, думая, что он болтает спяну, хотя непонятно – когда он успел нализаться?

– Команде шерифа, у которой ты меня отбил, – заявляет дядюшка. – Все лучше, чем когда тебя через горы неизвестно куда тащит маньяк-самоубийца.

– Так это была команда шерифа? – разинул я рот. – А другая банда чья же?

– Гризли Хокинса, – ответил дядюшка с дрожью в голосе и добавил: – Лучше б мне остаться с ними, чем пережить такое. Все, сдаюсь! Надо уметь проигрывать. Деньги упрятаны в дупле дуба, что растет в трех милях к западу от Гунстока. Его признание пропустил мимо ушей. Голова и так шла кругом: получается, я опять схватился с властями? Ну, конечно! Ведь шериф со своими людьми преследовал нас по тропе на Медвежью речку от самого города. Значит, они нашли связанного дядюшку Исаяю и, конечно, решили, что того похитили бандиты – им и в голову не пришло, что человек просто едет в гости к родственникам. А дядюшка из глупого упрямства не стал их разубеждать. Выходит, я отбивал его не у бандитов, а у команды шерифа, который, в свою очередь, полагал, что освободил его из плена.

Тем временем дядюшка Исайя шумно возмущался:

– Ну почему ты меня не отпускаешь? Я ведь сказал тебе, где деньги! Чего тебе еще?

– Вам надо доехать со мной до Медвежьей речки, а там... – Но он не дал мне закончить.

Испустив пронзительный вопль, он задержался в конвульсиях, потом каким-то образом извернулся, и не успел я опомниться, как дядюшка выхватил из моей кобуры кольт и – бах! – пальнул мне прямо в лицо, да так удачно, что пуля прошла аж по волосам. Я сжал его запястье, а Капитан тот даже заплясал от восторга: уж этот не упустит случая посвоевольничать!

– Всеу есть предел! – взбешенный, рычал я, – Запомни это, старый маньяк!

Мы мчались по лесам и холмам, в бешеном галопе, не переставая барахтаться, ограниченные пространством спины Капитана Кидда. Я пытался отобрать у дядюшки кольт, а он – совершить убийство племянника.

– Не будь мы из одной семьи, дядюшка Исайя, – скрежетал я, – давно уже потерял бы всякое терпение!

– Почему ты все время кличешь меня этим дурацким именем? – завизжал он, брызжа слюной. – Мало тебе моих увечий, так еще и оскорбляешь всю доро... – Но тут Капитан вдруг отклонился в сторону, и дядюшка Исайя кувырнулся через конскую шею. Пытаясь его удержать, я вцепился в рубашку, но материя затрещала, и он вверх тормашками полетел на землю. Приподняв задние ноги, Капитан благополучно перескочил через тело. Я сразу натянул поводья и, увидев, что до дома не больше мили, не смог сдержать вздоха облегчения.

– Уже почти доехали! – крикнул я, но дядюшка не отозвался.

Очень скоро подъехал к родному дому. Сумасшедший родственник в бессознательном состоянии болтался, перекинутый через седельную луку. Остановив коня, я слез, перекинул через плечо дядюшку Исайю и гордо внес его в дом. Папаша по-прежнему лежал на голых досках кровати. С отвращением сбросив ношу на пол, я заявил:

– Дело сделано. Получай.

Папаша вылупилс на распростертое тело и спрашивает:

– Это кто?

– Когда смоешь с него кровь, увидишь, что это и есть твой братец Исайя Гримз. А еще, – сказал я ему тоном оскорбленного достоинства, – если когда-нибудь опять на думаешь пригласить его в гости, то поезжай сам. В жизни не видал более неблагодарной скотины. Что он с придурью, сказано слишком мягко. Скорее уж, он просто взбесившийся осел.

– Но это не братец Гримз, – говорит папаша.

– Еще чего! – раздраженно отвечаю я. – Конечно, одежда на нем слегка поистрепалась, шкура местами тоже, а лицо немножко помято копытами и сапогами, но посмотри сам – баки-то рыжие, вот тут и тут еще сохранились.

– Рыжие бакенбарды со временем седеют, – раздался тихий голос у меня за спиной.

Я быстро обернулся и вскинул кольт на старого парня в дверях: там стоял седовласый старик – незнакомец, с которым мы обменялись выстрелами на дороге из Бизоньего. Хвоста. Он не полез за оружием и лишь стоял, задумчиво накручивая на палец ус и пристально глядя на меня, как на диво какое.

– Братец Исайя! – воскликнул папаша.

– Что-о?! – заорал я дурным голосом. – Вы и есть дядюшка Исайя?

– Он самый! – кивнул тот.

– Но вы ведь должны были ехать в дилижансе... – начал я.

– В дилижансе? – фыркнул он. – Вот еще! – И взяв из рук папаша кувшин, стал поливать содержимым хрыча на полу. – Эти игрушки выдуманы для детей и женщин. Предпочитаю путешествовать верхом. На ночь я остановился в Бизоньем Хвосте, а этим утром рассчитывал прибыть на Медвежью речку. И знаешь, Билл, – он обернулся. к папаше, – только я выехал на дорогу, как вдруг заявляется твой молодец и оставляет мне на

память вот это, – и он пальцем указал на повязку вокруг головы.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что Брекенридж в тебя стрелял? – повысил голос папаша.

– Похоже, это фамильная черта Элкинсов, – ухмыльнулся дядюшка Исая.

– Да, но тогда это кто? – ткнул я носком сапога в того, кого столько времени считал своим дядей.

– Я Барсук Чизом, – отвечает тот, вцепившись в кувшин обеими руками. – Требую оградить меня от этого придурка и немедленно передать шерифу.

– Они вместе с Биллом Рейнольдсом и Джимом Хопкинсом три недели назад грабнули банк в Гунстоке, – сказал дядя Исая – тот, настоящий. – Команда шерифа схватила их, но они успели спрятать добычу и ни за что не хотели открывать место. Несколько дней назад им удалось бежать, и с тех пор за ними охотятся не только шериф с помощниками, но и бандиты из всех близлежащих штатов. Задумано было лихо. Они правильно рассудили, что вернее всего смыться в дилижансе – никому и в голову не пришло бы искать их среди людей. К тому же в окрестностях Бизоньего Хвоста их никто не знает.

– После того как ты, Брекенридж, прострелил мою шляпу, – продолжал дядюшка Исая, – мне пришлось вернуться в город, чтобы наложить на рану повязку. Там я и узнал Билли Рейнольдса – мы с ним знакомы еще по Аризоне. Им с Хопкинсом тоже требовался доктор. Шериф с парнями поскакали за вами, а я чуть погодя – следом. Все случилось потому, что я не знал Брекенриджа в лицо. Я подоспел к разгару драки парней, шерифа с бандой Хокинса, и с моей помощью законники живо скрутили всю компанию. Один из бандитов признался, что Гризли отлеживается у себя в берлоге. Часть парней сразу поскакала в указанное место, и сейчас они, должно быть, уже накрыли этого бандюгу. Ну а потом, Брекенридж, я снова взял твой след. И вот здесь. Слов нет, неплохая работа: за один день две самые грозные банды на Западе!

И в этот момент подал голос Чизом:

– Что вы намерены со мной делать? – слабо простонал он.

– Как что? – удивился папаша. – Сначала честь по чести перевяжем раны, а после отправим обратно в Бизоний Хвост под конвоем Брекенриджа. Эй! Что это с ним!

Барсук Чизом валялся в обмороке.

Глава 8. Охотники до скальпов

Обратный путь до Бизоньего Хвоста в компании с Барсуком Чизомом обошелся без приключений. Всю дорогу он страшно нервничал и каждый раз, заслышав мой голос, подпрыгивал в седле и норовил куда-нибудь спрятать голову. Когда шериф надевал на него наручники, из груди Чизома вырвался громкий вздох облегчения. Я расслышал что-то вроде «Ну слава Богу!», «Наконец-то в безопасности!», и, весь в поту от нетерпения, он с блаженной улыбкой водворился в добрую камеру за надежным засовом. Преступники – они тоже, знаете ли, бывают с придурью.

К моему удивлению, после этого события я стал в Бизоньем Хвосте популярной личностью. Как видно, в этом городке жили люди гораздо более развитые, чем, скажем, те дремучие парни в окрестностях Рваного Уха. Жизнь в городке была ключом: постоянно шла крупная игра, круглосуточно работали бары, и не проходило часа, чтобы кому-нибудь не пришла в голову блажь пострелять. Должность шерифа у них исполнял на редкость чувствительный и отходчивый человек, который не слишком вмешивался в дела честных граждан. Шериф давно уже оставил мечты очистить город от лишнего сброда и следил только за тем, чтобы число воров и убийц не превышало установленную им самим меру. Таким образом шериф поддерживал спокойствие среди населения, и все оставались довольны. Лично мне он мягко заметил, что я окажу ему большую услугу, если, выясняя отношения с другим джентльменом, не продырявлю кого-нибудь из зрителей, которые обычно сбегаются на звуки стрельбы. Я пообещал, и он сразу заявил, что своим

присутствием я оказываю обществу честь, после чего мы отправились в салун и скрепили взаимопонимание выпивкой.

После долгого перерыва не очень-то удобно было отправляться в гости к Долли Риксби, но подумал: «Что скажет Глория Макгроу, если я снова заявлюсь к ней без невесты?» и, собрав в кулак всю свою волю, решился. Увидав меня, Долли почти не рассердилась, хотя и не удержалась от легкого попрека:

– О, да вы, кажется, немного опоздали? Дня на два, если не ошибаюсь? Ну да ладно – лучше поздно, чем никогда.

В отличие от некоторых, она шире смотрела на вещи и поняла мое состояние. Мы прекрасно поладили друг с другом, особенно после того, как я убедил нескольких ухажеров, постоянно крутившихся вокруг нее, в необоснованности их притязаний. Дело это было деликатное, и приходилось соблюдать осторожность, поскольку Долли выходила из себя всякий раз, стоило мне надолго уложить в постель очередного воздыхателя. Судя по всему, я ей нравился, но ей также было небезразлично и внимание других парней, в особенности молодого старателя Блинка Уилтшоу. Иногда меня даже терзали сомнения: нравлюсь ли я Долли сам по себе или же ей нравится купаться в лучах моей славы, поскольку к этому времени, в полном соответствии с обещанием, данным Глории Макгроу, заявил о себе в свете и мое имя загремело по всему Западу. Впрочем, паблисити меня мало волновало. Главное, что Долли не противилась моим ухаживаниям, и уже мечтал, что вот пройдет совсем немного времени, и я без хлопот смогу стреножить мою лошадку, и поставить на нее свое клеймо, и увезти на Медвежью речку, где представить каждому как свою жену. Мне не терпелось узнать, что скажет о моей избраннице Глория Макгроу. Я даже почувствовал к ней нечто вроде сострадания и решил, что не стану выговаривать ей за прошлые насмешки, а буду сохранять достоинство и выдержку, как и подобает джентльмену моего размера.

И тут у меня вдруг вышли все деньги. Со дня возвращения в Бизоний Хвост дела шли как нельзя лучше. В первую же ночь я сел играть в покер в салуне Задиры Реда с десятью долларами в кармане, а когда встал из-за стола, на моем счету было уже пятьсот – я и не подозревал, что в кармане может поместиться такая куча монет. Три недели обернулись сплошным везением: я много играл и помногу выигрывал, жил широко, витал в облаках и, удовлетворяя малейшие капризы Долли, швырял деньги направо и налево. Потом вдруг полоса удач оборвалась, и не успел я опомниться, как забултыхался на мели. Да-а. Для того чтобы ужиться в таком буйном городке, как Бизоний Хвост, и пройтись по улице с красоткой вроде Долли Риксби, требовались немалые деньги. А поэтому я решил найти себе работу, которая приносила бы солидный доход. И вот, когда я уже почти дошел до точки и готов был устроиться простым поденщиком, до меня докатились слухи, что в Явапайе, за сотню миль к северу от Бизоньего Хвоста, намечается грандиозное празднество. Говорили о скачках, о состязании в бросании лассо, а также о родео. Я сразу смекнул, что для меня там открываются прекрасные возможности без особых хлопот сорвать приличный куш. Само собой, стоит мне показать спину, как выздоровевшие ухажеры снова роем завьются вокруг моей девчонки, но я не считал их серьезными конкурентами. Что же касается Блинка Уилтшоу, то он отбыл неделю назад в Тетон Галч. Похоже, до него наконец-то дошло, что плетью обуха не перешибешь.

Итак, я собрался в путь, а Долли попросил не слишком убиваться в мое отсутствие, пообещав привезти кучу денег. Девушка вздохнула и сказала, что постарается. Крепко поцеловав ее, я вышел под звездное небо и сразу же столкнулся с неприятным явлением. Я имею в виду Блинка Уилтшоу, поднимавшегося по ступенькам крыльца мне навстречу. От неожиданности я до того разошелся, что непременно вымел бы Блинком всю улицу, но тут на крыльцо выбежала Долли, отобрала у меня этого парня и приказала нам пожать друг другу руки. Блинк поклялся, что заглянул лишь сказать Долли «Привет!» – и больше ничего. И вообще, он завтра утром уезжает обратно в Тетон Галч. От таких слов я смягчился и, не задерживаясь более, отбыл в Явапайю.

Через пару дней я въехал в ковбойскую столицу. Город был уже битком набит лихими

ковбоями и краснорожими индейцами – все под завязку накачались виски и вели себя довольно шумно. Потребовался целый день для наведения порядка.

Я подал заявки на участие во всех забегах. Мы с Капитаном выиграли подряд три первых забега, зрители подняли страшный галдеж, а судьи заявили, что им очень жаль, но они вынуждены запретить мне участвовать в остальных. Тогда я сказал: «Вот. и прекрасно!» и добавил, что мне тоже очень жаль, но я вынужден буду уложить всех отдыхать рядом в тенечек, а они побледнели и сунули мне пятьдесят долларов, лишь бы я согласился снять остальные заявки.

Их отступной, да суммы призов, да выигрыш моих собственных ставок на Капитана Кидда – всего набралось около тысячи долларов. Решив более здесь не задерживаться, заторопился в Бизоний Хвост. Как там молодые воздыхатели Долли? Они не представляли серьезной угрозы, но все же лучше было держать их на расстоянии.

Но я подумал, что не худо бы перед отъездом шибануть партию-другую в покер, и тут здорово просчитался. Когда около полуночи я встал из-за стола, в штанах бренчали лишь пять серебряных долларов. Но я подумал: «Ну и черт с ним! Все равно поеду к Долли. В конце концов, совсем не обязательно, чтобы Блинк Уилтшоу убрался в свой занюханный Тетон Галч. А долларов на свете куда больше, чем таких девушек, как Долли.»

Не дожидаясь утра, я поскакал в Бизоний Хвост. Как ни крути, а все равно я оставался в выигрыше – пять долларов. Если каждый раз идти ва-банк, то имелся приличный шанс превратить их в несколько сотен.

Была уже середина следующего утра, когда я на всем скаку налетел на новое обстоятельство. Обстоятельство сидело на бревне у развилки и сильно смахивало на Тэнка Уиллогби.

Однако прежде позвольте заявить, что мне чертовски надоели слухи, плодящиеся вокруг моего имени. Говорят, например, будто бы я замордовал население поселка Коготь Гризли – так ведь любое событие надо рассматривать с разных сторон. Парни, которые всюду трезвонят, будто я злонамеренно придавил их мэра железной печкой, почему-то забывают добавить, что мэр перед этим намеревался продырявить мне шкуру из винчестера. Будь я по натуре человеком вспыльчивым, – а в нашей семье таких немало, – давно бы потерял последнее терпение от этих оговоров, но поскольку я по природе отходчив и скромен, до и впредь буду сохранять подобающее достоинство. Замечу лишь, что эти сплетники – отъявленные брехуны и скоро я отрежу им все уши.

Я вообще не имел ни малейшего желания соваться в Коготь Гризли, да к тому же поселок лежал в стороне от моего пути.

Но проезжая то место, где от дороги, на Бизоний Хвост отходит тропа в Коготь Гризли, я увидел сидящего на бревне у развилки Танка Уиллогби. Когда-то я познакомился с этим парнем в Бизоньем Хвосте. У Тэнка хватало ума не тягаться с законом, но сейчас он выглядел явно обескураженным: ухо прострелено, под глазами синячищи, а на голове такая шишка, что на нее и шляпу не натянешь. Время от времени он плевался зубами.

Я придержал Капитана Кидда и спрашиваю:

– С кем-то поскаandalил, старина?

– Просто побывал в Когте Гризли, – ответил парень таким тоном, будто этим уже все сказано. Но я не уловил намека, поскольку самому мне в Когте Гризли прежде бывать не приходилось.

– Наиподлейший, доложу тебе, городишко, – между тем продолжал Тэнк. – Паскуднее в здешних горах и не сыщешь. Закон у них начисто отсутствует, зато есть человек, который объявил себя мэром, и если кто осмелится плюнуть на землю, мэр уже тут как тут – заявляет, что нарушен закон, и требует уплатить штраф. Стоит чуть повысить голос, как дело кончается тем же. Видишь, что со мной сделали, а я ведь так и не понял, какие правила ухитрился нарушить. Пока дело ограничивалось камнями да пулями, я задавал им жару, но когда, в ход по шли заборные столбы и оглобли, тут я чуть было вовсе не испустил дух. – Он замолчал.

– Зачем же ты к ним сунулся?

– Понимаешь,– говорит он, щепкой соскребая с одежды запекшуюся кровь, – я там искал тебя. Три дня назад повстречал твоего двоюродного брата Джека Гордона, тот попросил кое-что тебе передать. – Снова молчание.

– Так что же?

– Не могу вспомнить,– ответил парень, – Они своими оглоблями перетряхнули мне все мозги. Джек просил передать, чтобы ты непременно кого-то отделал, да покрепче. Вот только не помню, кого надо бить и за что. Кто-то сотворил что-то страшное с кем-то на Медвежьей речке – кажется с твоим дядей Джеппардом Гримзом.

– Так какого черта тебя понесло в Коготь Гризли? Меня же там не было!

– Сам не пойму, – ответил он. – Только сдается мне, Джек говорил, будто этот парень или сам из Когтя, или должен туда забежать по каким-то своим делам, или еще что-нибудь в этом роде.

– Хорош помощничек! – скривился я в усмешке. – Кто-то, понимаешь, заявляется на Медвежью речку, может быть, даже калечит одного из моих родичей, а ты не помнишь подробностей! Напрягись, Тэнк. Тебе обязательно надо вспомнить имя этого парня. Тогда я смогу найти и вытряхнуть из него душу, а заодно и признание, что он такое сотворил с дядюшкой Джеппардом.

А он и отвечает:

– Хорошо тебе говорить!, Ты сам-то получал когда-нибудь по голове оглоблей? Говорю же – я только недавно вспомнил собственное имя! Скажи спасибо, что вообще тебя узнал. Вот если явишься сюда через пару дней, может быть, к тому времени и вспомню, что просил передать тебе Джек.

Я фыркнул и свернул с большака на тропу в Коготь Гризли. Я подумал, что, возможно, удастся узнать что-нибудь на месте. Во всяком случае, стоило попытаться. Конечно, сами мы, жители Медвежьей речки, тоже порой спорим между собой, но мы решительно возражаем, чтобы нас задевали всякие проходимцы со стороны. Дядюшка Джеппард был почти так же стар, как горы Гумбольдта, и начал воевать с индейцами едва ли не с пеленок. Несмотря на годы, старик был по-прежнему крепок, как дуб. И если кому-то удалось причинить ему неприятность да к тому же безнаказанно смыться, это могло означать лишь одно: обидчик принадлежал к числу выдающихся личностей, и не удивительно, что потребовалась моя помощь. И вот благодаря слабой черепушке Тэнка Уиллогби я не имею ни малейшего понятия, кого мне следует искать и по каким признакам. Именно из-за подобных случаев я и презираю хрупкоголовых неженков.

Я приехал в Коготь Гризли после полудня. Прежде всего я направился на постоянный двор и выбрал Капитану стойло попрочнее и овес получше, да еще предупредил там паренька, чтобы тот держался, от него подальше, если не хочет, чтоб ему вышибли мозги. Дело в том, что в непривычной обстановке Капитана забирает кровожадное настроение и незнакомых он не переносит. Кроме, нас с Капитаном Киддом, в конюшне находились еще пять лошадей: пегая, пятнистая, молодой жеребчик и пара вьючных.

Затем направился обратно в деловую часть поселка, состоящую из одной-единственной пыльной улицы с салунами, складами и магазинами. Глазеть по сторонам особо было некогда: я усиленно размышлял над вопросом, как извернуться и, никого ни о чем не спрашивая, добыть недостающие сведения.

Итак, наклонив в задумчивости голову, я приближался к салуну под названием «Королева апачей», как вдруг увидел валявшийся в пыли у коновязи серебряный доллар. Не придав значения тому, что монета лежит едва не под копытами наиподлейшего на вид мула, я немедленно наклонился и взял ее. Но не успел разогнуть спину, как мерзкое животное, сделало шаг вперед и задними ногами лягнуло меня в голову. Затем мул начал прыгать вокруг, норовя сунуть мне в нос свои копыта и непрерывно оглаша воздух диким ревом. Из салуна сразу повалили люди, а один из них гаркнул: «Он хочет укусить моего мула! Требую правосудия!»

Вокруг мигом собралась толпа. Парень – хозяин мула – был не переставая, словно кугуар. Как и животное, хозяин имел подлый вид, а вдобавок еще вислые усы и косящий глаз. Он вопил так, словно его намеревались прирезать, и не давал мне вставить слово. Но вот наконец подошел некто с голой морщинистой головой на худой длинной шее и суровым голосом сказал:

– Я мэр города. Что здесь происходит? Кто этот джентльмен и что он сделал?

Усатый пройдоха заорал:

– Он ударил головой по копыту моего мула и изуродовал бедное животное на всю жизнь! Требую защиты своих прав! Пусть заплатит мне за мула триста пятьдесят долларов!

– Чушь собачья! – говорю. – Меня самого лягнули! А этот мул и не искалечен вовсе, просто у него от удара нога вроде как онемела. В любом случае у меня с собой только шесть долларов, зато могу предложить всем по пуле. – С этими словами выхватил оба кольта, и толпа отпрянула прочь.

– Требую ареста преступника! – вопил Вислоусый. – Он покушался на жизнь моего мула!

– У тебя нет звезды шерифа, – сказал я мэру. – И ты не можешь меня арестовать

– Неужто ты будешь сопротивляться при аресте? – спросил мэр, нервно ощупывая пальцами ремень.

– А что – здесь кто-то говорит об аресте? – искренне удивился я. – Просто мне любопытно, на сколько оборотов завернется твоя башка, прежде чем хрустнут позвонки.

– Как?! Ты посмеешь поднять руку на человека, облеченного властью, даже при исполнении?

Но я уже устал от пустой болтовни, к тому же очень хотелось пить, так что я просто фыркнул ему в лицо и, распахивая направо и налево стоявших на дороге, пошел в салун. Я чувствовал, как за моей спиной толпа вновь сомкнулась, в воздухе запахло судом дедушки Линча, только я даже не оглянулся.

В салуне никого не было, за исключением бармена и долговязого ковбоя, навалившегося животом на стойку. Я заказал на два пальца виски, отпил и честно скажу – более дрянного пойла не брал в рот за всю жизнь. С отвращением отставив стакан в сторону, бросил на стойку найденный доллар и уже направился к двери, как вдруг услышал крик бармена: «Эй, послушайте!»

Я обернулся и учтиво так отвечаю:

– Не ори на меня, ты, канюк с ушами! Чего надо?

– Доллар фальшивый! – говорит он, а сам стучит монетой о стойку.

– Как и твое, виски! – говорю. – Так что теперь мы квиты.

Вообще-то я человек долготерпеливый, но, по-видимому, они все там в Когте Гризди жили надувательством добросердечных чужаков.

– Нечего нести на меня напраслину! – орал между тем бармен. – Или ты даешь настоящий доллар, или...

Он нырнул под стопку, а, вынырнул уже с дробовиком в руке, но я без труда отобрал дробовик и, согнув об колено ствол, бросил ему обратно, и он выбежал через заднюю дверь, вопя о помощи.

Ковбой взял со стойки мой доллар, надкусил, затем сурово посмотрел на меня и спрашивает:

– Откуда это у тебя?

– Нашел, если тебя это так интересует, – огрызнулся я и направился к двери, но только вышел, как – бах! – кто-то пальнул по мне из-за дождевой бочки на той стороне улицы и сбил шляпу. Ответной пулей я прошил бочку насквозь, и из-за, нее, вопя благим матом, вывалился какой-то человек. Пуля попала ему в заднюю ногу. Приглядевшись, я узнал пройдоху мэра. За окнами и в дверных проемах торчало множество голов. Публики хватало, и тогда я грозно прорычал:

– Пусть это послужит примером всем койотам, населяющим Коготь Гризли. Я –

Брекенридж Элкинс с Медвежьей, реки, что течет в горах Гумбольдта, и я во сне стреляю лучше, чем любой из вас с разинутыми глазами!

Свое замечание, я сопровождал тем, что сбил выстрелом несколько шляп и грохнул три-четыре оконных стекла, после чего все хором завопили и головы попрятались. Я сунул кольты обратно в кобуры и пошел в ресторан. Тогда жители повылазили из убежищ и, подняв на руки мою жертву, куда-то понесли, а жертва так вопила и убивалась по разлюбезной своей задней ноге, что для взрослого выглядело просто неприлично.

В ресторане сидели люди, но стоило мне войти, как все в панике повыскакивали через заднюю дверь – все, кроме повара, который попытался укрыться внутри помещения.

– Ну-ка, вылезай и нажарь мне бекона, – приказал я ему, а чтобы придать словам достаточно веса, ударом кулака выбил из стойки несколько досок. Дело в том, что мне неизменно претит вид толстой задницы, торчащей из-под разделочного стола. Я человек простой и повадки имею самые мягкие, но этот городишко уже сидел у меня в печенках.

Так вот. Повар извлек из-под стола свою задницу и приготовил мне заправку из бекона, окорока, яиц, бобов, лепешек и кофе, и все это я заел тремя мисками свежих персиков. В ресторан за все время так никто и не сунулся, но, сдается мне, снаружи не умолкали разные шепоты и шорохи. Покончив с едой, я спросил, сколько с меня причитается, и выложил на стол монеты, да вдруг вижу – повар пробует их на зуб. Столь явное недоверие совершенно вывело меня из равновесия. Я вытащил кривой нож, показал ему и говорю:

– У каждого есть предел терпения. Если только заикнешься, что монеты фальшивые, сбрую твои усищи и обрежу уши! – И подкрутил ножом у него под носом.

Повар завизжал, попятился и задом вышел в аккурат на печку. Опрокинув ее, он повалился сверху, да так удачно – прямо на уголья, но тут же вскочил, и, с диким ревом выбежав на улицу, помчался к ручью. Именно отсюда пошли разговоры, будто я хотел, на индейский манер, поджарить повара живьем – якобы за то, что корочка у бекона получилась чуть более поджаристой, чем следовало бы. А ведь на самом-то деле спас его халупу от пожара, а его – от неминуемого разорения, затоптав рассыпанные по полу горящие уголья, а после, выбросив печку через заднюю дверь наружу.

И не моя вина, что в эту самую минуту мэр Когтя Гризли подхромал по ступенькам крыльца с винчестером, наперевес. Кстати, я слышал недавно, что по прошествии нескольких месяцев он мог уже свободно передвигаться на костылях. Услышав подозрительный шорох, я неожиданно появился в дверях заведения и увидел, как какой-то парень, согнувшись в три погибели и припав глазом к дыре в стене, внимательно наблюдает за событиями. Это был ковбой из салуна «Королева апачей». Я шагнул на крыльцо. Он круто обернулся, но я уже взял его на мушку.

– Следишь за мной? – зловещим голосом спросил я. – Знай, если ты...

– Нет-нет! – заспешил он. – Я просто прислонился к стене отдохнуть.

– Вы здесь, в Когте Гризли, совсем с ума спятили, – презрительно заметил я и огляделся вокруг, но повсюду стояла мертвая тишина. Это могло бы показаться подозрительным, да я не придавал тому значения. К тому времени окончательно стемнело, и отправился на постоянный двор проводить Капитана. Там тоже никого не было. Я рассудил, что парень, присматривающий за лошадьми, должно быть, хлещет сейчас где-нибудь виски, поскольку сразу заметил, что это занятие являлось основной работой ослов, заселивших Коготь Гризли.

Единственным местом, пригодным для отдыха приезжих, оказалась старая бревенчатая хижина. Она состояла, из двух комнат, разделенных глухой перегородкой, каждая с отдельным выходом на улицу. Кроме камина и кровати, в комнатах ничего не было. Я не решился довериться честности здешнего люда, а потому, проверив, крепко ли привязан Капитан Кидд, снял с него седло, уздечку, попону и все это перенес в свой номер. Я снял сапоги, а шляпу нацепил на гвоздь, торчащий из стены. Потом повесил *на спинку койки ремень с ножом и кольтами и расстелил на кровати попону*.

Я никак не возьму в толк, почему это мастера, вместо того чтобы делать добротные

вещи для нормальных людей, норовят сделать черт знает что такое. Человеку без малого семи футов росту, вроде меня, найти себе удобную лежанку в городе совершенно невозможно. У них там все кровати рассчитаны на одних недомерков.

Я лег и сразу проникся к ней глубоким отвращением, а заодно и к себе, поскольку до сих пор так и не разузнал, кто нанес дядюшке Джеппарду оскорбление и в какой именно форме. Я был весьма близок к мысли немедленно отправиться на Медвежью речку, и расспросить на месте самого дядюшку, а после сразу вернуться в Коготь Гризли и заняться этой тварью. Только пока я буду мотаться туда-сюда, у Долли Риксби истощится запас терпения, и мне не в чем будет ее упрекнуть.

Так вот, лежу я, значит, думаю свои невеселые думы, как вдруг слышу – кто-то вошел в конюшню постоянного двора, потом вышел и вроде как направился к дому. Ну, бродит, думаю, кто-нибудь и черт с ним. Да только дверь медленно приоткрылась. И уж тогда встал, направил на дверь кольты и говорю:

– Кто там? Назовись, а то продырявлю!

В ответ чей-то голос неясно пробормотал, что ошибся комнатой, и дверь затворилась. Но голос показался мне знакомым, к тому же в соседнюю комнату так никто и не вошел, зато я услышал осторожно удалявшиеся шаги. Выйдя на крыльцо, я очень скоро увидел, как кто-то вывел из конюшни пегую лошадь, взлетел в седло и медленным шагом поехал прочь. Было темно, хоть глаз выколи, но у нас, жителей Медвежьей реки, глаза, как у ястреба, – а иначе в наших условиях не состаришься. Я узнал человека. Это был все тот же ковбой, которого я встретил в «Королеве апачей» и позже – в ресторане. Чуть отъехав, он дал лошади шпоры и запыхтел, словно краснокожий по тропе войны. Всадник давно пропал, но до меня еще долго доносился стук копыт по каменистой тропке, спускающейся с гор к югу.

Я догадался, что он следил за мной – вот только непонятно было зачем. Плюнув на все, я улегс досыпать, но не тут-то было. Едва я забылся, как меня разбудил топот шагов в соседней комнате, и я услышал чирканье спички. Кровать стояла у перегородки, и хотя мы находились по разные ее стороны, нас разделяли считанные футы.

Судя по голосам, соседей было двое.

– Говорю тебе, – сопел один, – мне его рожа не нравится. Наверняка он не тот, за кого себя выдает. Лучше не рисковать, а узнать все наверняка. Черт возьми! Мы не можем вечно оставаться в этой дыре! Местные начинают что-то подозревать и если обо всем пронюхают, то потребуют долю в прибыли. Вещички собраны и готовы к отправке в любую минуту. Выступать, полагаю, надо сегодня вечером. Просто удивительно, что до сих пор никто не наткнулся на нашу пещеру.

– Ерунда, ответил другой. – Эти олухи из Когтя Гризли думают лишь о том, у как бы налакаться виски, пометать карты да облапошить приезжего бедолагу, случайно заглянувшего в их вертеп. Они не бродят по горам, так откуда им знать, что на юго-западе есть пещера? Большинство и не помнят о тропе, ведущей на запад мимо Большой скалы.

– Ладно, Билл, – говорит первый. – Мы неплохо поработали, провернув это дельце на Медвежьей речке. Можем и отдохнуть немного.

При этих словах остатки сна вылетели у меня из головы, и я наострил уши.

Билл рассмеялся.

– А забавная получилась история, правда Джим? – прокудахтал он.

А Джим в ответ:

– Подробности ты мне не докладывал. А что – пришлось повозиться?

– Ну знаешь, – начал Билл, – нельзя сказать, чтобы все прошло гладко. Старикан Джеппард Гримз оказался крепким орешком и ни за что не хотел с ним расставаться. Если все, кто сражался с индейцами, похожи на него, мне больно за судьбу бедных индейцев.

– Учти – если кто-нибудь из дьяволов с Медвежьей реки доберется до тебя.

Билл снова залился:

– Эти телята никогда не уходят от своей реки дальше чем на десяток миль. Я раздобыл скальп и скрылся, прежде чем они очухались. На своем веку я получил немало премиальных

за волков и медведей, но за человеческий скальп выручил деньги впервые.

По моей спине побежал холодный ручеек. Так вот что случилось с бедным старым дядюшкой Джеппардом! С него сняли скальп! И это после того, как сам он снял их превеликое множество с индейских голов! И вот хладнокровные убийцы сидят совсем рядом и болтают о великом несчастье так, точно речь идет об ушах кролика или койота!

– Я ему заявил, что, мол, нечего жадничать, – между тем рассказывал Билл, – Мол, любой старый дурень навряд ли его...

И тут у меня сдали нервы. В глазах потемнело. Я забыл о сапогах, оружии – обо всем на свете. Я был слишком взволнован, – чуть с ума не сошел! – чтобы помнить о таких мелочах; вскочил с кровати и, как бык, протаранил перегородку.

Из щелей посыпалась труха, несколько бревен подались, и с тон стороны донесся крик:

– Что. это?!

А другой как завопит:

– Медведь! Спасайся!

Я отступил на шаг и ударил еще раз. Стена не выдержала, и в облаке пыли и цепок я вломился в соседнюю комнату. Кто-то выстрелил, но промахнулся. На грубо сколоченном столе горел фонарь, а двое людей, каждый футов по шесть, орали и – бах! бах! – палили в меня из шестизарядных кольтов. Но они явно были не в форме и все время мазали. Крепко прижав их к груди, я попятился, но задел за стол, опрокинул фонарь и, сам не устояв на ногах, повалился на пол. Капли горящего масла брызнули им на шею. Ну и вой поднялся! Пол покрывал толстый слой грязи, и поэтому он не занялся огнем. Борьба продолжалась в кромешной тьме, и только слышались вопли: «Спасите! Убивают! О-ой! Отпусти ухо! И тут один из парней носком башмака заткнул мне рот, и пока я правой рукой выкручивал ему ногу, второй рванулся из рубахи и выскочил на воздух. Тогда я сосредоточил усилия на оставшемся враге. Но негодяй не стал дожидаться, пока сделаю его калек, а, выдернув из башмака ногу, ринулся к двери. Я – следом, но в темноте налетел на стол и упустил время.

Я выломал ножку стола и бросился к двери, но не успел выбежать наружу, как на двор ввалилась огромная толпа с факелами, кольтами, ружьями и веревками. Под ногами людей металась собака. Увидев меня, они враз завопили: «Вот он! Душегуб! Бандит! Вражина! Поджигатель! Убийца мулов!»

Я увидел хозяина мула, повара, бармена и еще много знакомых лиц. Подбадривая друг друга криками: «Повесить его! Вздернуть убийцу!», от подступали к двери. Когда между мной и толпой оставалось ярдов десять, они открыли пальбу. Я не стал дожидаться развязки, а вломился в ряды противника со своей дубинкой и принялся щедро рассыпать удары направо и налево, пока ножка, стола у меня в руках не разлетелась на куски. Противник сбился в плотную кучу, и я доставал троих-четверых за раз. Вопль стоял несусветный. Факелы выпали из рук нападавших, и их затоптали, за исключением немногих в руках парней, которые держались на расстоянии и только прыгали вокруг да орали: «Не бойтесь громилы! Стреляйте! Вяжите его! Пырните его! Дайте ему по башке!» Местные собаки обнаружили куда большее благоразумие, чем люди: они заблаговременно удрали, кроме одной дворняги, смахивавшей на волка, которая вошла в азарт и кусала всех без разбору.

Стрельба набирала силу. То и дело слышалось: «Ой! Я ранен! Убит! Умираю!» Несколько пуль чиркнули по моей коже, пламя выстрелов опалило ресницы, а чей-то нож сломался о пряжку ремня. Все факелы, кроме одного, погасли, от дубинки остались одни щепки, и тогда я стал продираться прямо сквозь людской клубок, размахивая кулаками, точно ветряная мельницами топча ногами тех, кто цеплялся за щиколотки. Я благополучно отвязался от всех, и передо мной оставался только один парень с последним горящим факелом, в руке. От волнения он подпрыгивал на месте и все пытался застрелить меня, не взведя курка. Чертова дворняга вцепилась мне, в пятку, и тогда, ухватив ее за хвост, я размахнулся и обрушил ее на голову последнего врага. Тесно обнявшись, они покатались по земле. В наступившей темноте собака сомкнула челюсти на ухе парня, и тот заверещал паровозным свистком.

Барактанье за моей спиной продолжалось, но я не стал вмешиваться в их внутренние дела, а напрямик помчался к стойлу, где оставил Капитана Кидда, отвязал его и вскочил на спину коня. Разъяренным ураганом мы вырвались из конюшни и, поскольку поле боя лежало на нашем пути, прошли по нему, подобно смерчу, слегка у потоптав народ копытами. Кто-то предусмотрительно запер ворота, но Капитан без труда одолел препятствие. Прежде чем толпа поняла, что случилось, мы уже скрылись. Как всегда бывает в трудный момент, Капитан решил, что сейчас самое время от меня избавиться. Он рванул в горы и понесся очертя голову сквозь чащу и буераки, надеясь ветками, стволами, и колючками соскоблить меня со своей спины. Когда мне наконец удалось его сдержат, мы были уже в миле к югу от селения, где на постоялом дворе у Капитана остались седло, уздечка и попона, а у меня – все, кроме штанов.

Но самое ужасное было то, что дьяволы, снявшие скальп с дядюшки Джеппарда, исчезли в неизвестном направлении.

Я задумался над тем, стоит ли возвращаться в Коготь Гризли, чтобы сразиться со всем городом за свое оружие и сапоги, или же предпринять еще что-нибудь, как вдруг вспомнил разговор Билла и Джима насчет пещеры и тропинки к ней. Наверняка парни переждали где-нибудь заваруху, а после вернулись за лошадьми и, как у них было условлено, отправились напрямик в свою пещеру. Там их и следует искать. Я очень надеялся, что они еще не смыли, захватив вещички или что там они имели в виду.

Я знал, где находится скала, о которой шла речь, потому что обратил на нее внимание при въезде в поселок, – огромная скала, торчащая над лесом, примерно в миле к западу от Когтя Гризли. Я взял напрямки через лес и вскоре мог уже разглядеть ее мрачные очертания на фоне звездного неба. Я был уверен, что нужная тропка должна огибать ее у подножия и вести дальше на юго-запад. Так и случилось. Я отыскал тропинку, и где-то через милю она вывела меня к крутому горному склону, местами поросшему еловым молодняком.

Я соскользнул с коня и, отвед Капитана Кидда в сторону, привязал его среди деревьев. Пещера была добротно замаскирована кустарником, но я обнаружил ее без труда. Прислушался. Вокруг все было тихо. Внезапно в тишине рассыпалась дробь выстрелов и донесся конский топот. Затем снова наступила тишина. Тогда я проворно нырнул в пещеру, чиркнул спичкой и огляделся.

Узкий вход сразу расширился до пятнадцати футов и шагов на тридцать туннелем углублялся в гору, после чего делал поворот. Там пещера становилась еще шире и дальше вела в темноту – я так и не смог разглядеть тупика. Левая стена была сильно изрезана и недалеко от меня поднималась уступами, напоминавшими высеченную в скале лестницу. Когда спичка догорела, я увидел над головой звезды: очевидно, где-то на склоне или на вершине горы была расселина.

Еще до того, как погасла спичка, успел разглядеть в углу какую-то кучу, прикрытую просмоленной парусиной. Я уже нацеплялся зажечь вторую и тут услышал приближающиеся снаружи шаги. Я быстро вскарабкался по стене футов на десять и, притаившись на уступе, весь обратился в слух.

Судя по звукам, к пещере приближались двое. Они явно торопились и громко пыхтели. Вот они протиснулись в пещеру, миловали поворот, и я услышал, как оба в темноте пытаются что-то нащупать руками. Наконец один зажег фонарь и поставил его на выступ в стене.

В свете фонаря я увидел старых знакомых – Билла и Джима, подлых убийц дядюшки Джеппарда! Судя по внешности, им крепко досталось: у Билла отсутствовала рубашка, у Джима не хватало башмака, и он сильно прихрамывал. Вдобавок Билл потерял оружие, и оба были разве что не искалечены – все сплошь в синяках и ссадинах, точно их с утра до ночи таскали по терновнику и камням.

– Послушай, – сказал Джим, ощупывая голову, на которой ясно обозначились многочисленные шишки – не иначе как от моего кулака, – до меня все никак не дойдет, что ж такое с нами приключилось? Помню, сегодня вечером кто-то заехал мне по черепу дубинкой,

а дальше все так лихо завертелось, что я никак не поспевал ухватить события. Кажется, всю ночь мы только и делали, что дрались да удирали. Послушай-ка, мы ведь вроде бы сидели в доме возле городской конюшни, мирно беседовали, а потом через стену вдруг ввалился здоровенный гризли и чуть было нас не загрыз. Так было дело? Как полагаешь?

– Точно, – отвечает Билл. – Только это был не медведь, а что-то очень похожее на человека – не иначе как сбежавший псих. Но в любом случае надо было сначала взять лошадей, а уж потом...

– Какие там лошади! – чуть не взвыл Джим. – Когда я, выбрался из дома, так только и думал, как бы убраться подальше. Учítывая, что тварь чуть не открутила мне руки-ноги, а один башмак так и остался у нее в пасти, мне здорово досталось этой ночью. В темноте я тебя потерял и потому сразу пошел к пещере, помня, что ты непременно сюда явишься, если, конечно, жив еще. Черт! Так ломит ногу, будто неделю по лесам шатался! Так вот. И едва я вышел, на тропу, как вижу – ты от кого-то удираешь,

– Мне повезло меньше, – начал Билл свою половину истории. – Пока перелезал через ограду, постоянного двора, через ворота ввалилась огромная толпа. Орут, свистят ну, думаю, – крышка! Выследили таки нас! А они, должно быть, явились за тем психом, что нас чуть не уколошил, потому как оглянувшись и, представь, – он намолачивает их кулаками так, что только пыль столбом! Страхи прошли, и я решил вернуться за лошадьми. Но, как назло, наскочил на всадников, и среди них – тот чертов парень, что прикидывался ковбоем. Ладно, думаю, с меня на сегодня хватит, да как задал стрекача через лес, а они заорали: «Вот он! Держи! – и за мной! Всю дорогу наступали на пятки.

– Это не те ли, по которым я стрелял там, внизу? – спрашивает Джим.

– Они самые. Я уж решил, что сумел от них оторваться, но только заметил тебя, как услышал топот коней и тогда крикнул: «Стреляй!», что ты и сделал. Спасибо.

– Да говорю тебе – я не соображал ничего. Голова до сих пор гудит, как жернова!

– Ладно, – сказал Билл. – Главное – что мы их остановили и рассеяли. Не знаю, задел ли ты кого в темноте, но теперь, они трижды подумают, прежде чем снова сунуться на нашу тропу. А сейчас давай сматываться.

– Как? – говорит Джим. – Своим ходом? У меня ж нога разута!

– А как прикажешь? – огрызнулся Билл. – Придется бить копытом, пока не стащим какую-нибудь обувку. Вещи пока оставим здесь. За лошадьми в Коготь Гризли лучше не соваться. Не иначе как тот проклятый ковбой будет высматривать нас там в оба глаза. Да он и не ковбой вовсе, а ищейка.

– Это кто ж такой? – вставил Джим.

– Тише! – Билл замер. – Стук копыт, слышишь? – прошептал он, бледнея. – Задуй фонарь, идиот! Быстро! Выбираемся по ступеням через расселину. А там – через горы по скалам – их лошади не пройдут.

Я понял, что настало время действовать.

Убийцы дядюшки находились прямо подо мной. Положение – лучше не придумаешь!

Поднявшись на уступе, я всем своим весом обрушился на плечи Джима, и тот распластался на камнях, как жаба под башмаком. От страха Билл завопил, поднял обломок скалы с голову человека, и не успел я встать на ноги, как он смазал своей скалой мне по уху. Мне это совсем не по нравилось. Одной рукой я схватил его за шею, другой отобрал нож, которым он пытался перерезать мне глотку, и принялся возить парня мордой по полу пещеры.

Но этого мне показалось мало. Я бросил его на спину и, взяв за горло, стал колотить башкой о камни, сжима пальцы до тех пор, пока язык не вывалился наружу.

– Кровожадный убийца! – скрежетал я. – Прежде чем размажу твои мозги по камням, признавайся – куда дел скальп дядюшки Джеппарда?!

– Пусти! – хрипел он, наливаясь кровью в местах, свободных от синяков. – Мне подвернулся столичный хлыщ, падкий до сувениров. Он польстился на скальп старика и захотел его приобрести. Вот и нанял меня.

От такого невозможного холонокровия я вконец озверел и, прежде чем опомнился, чуть было не задушил Билла насмерть.

– Кто он?! – рычал я в бешенстве. – Кто этот подлый скунс, который ради прихоти нанимает убийц беззащитных стариков?! Господи Боже! Прав был папаша: эти хлыщи с Востока в сто раз подлее апачей! Живо отвечай, чтобы я со спокойной совестью мог наконец тебя прикончить!

Но негодяй потерял сознание – как видно, я переусердствовал. Я встал и пошарил глазами вокруг в поисках воды, виски! – чего угодно, лишь бы привести его в чувство. Моим самым искренним желанием в ту минуту было свернуть Биллу шею, но сначала необходимо было узнать имя хлыща, подрядившего его снять скальп с дядюшки Джеппарда. И вдруг за спиной: услышал:

«Руки вверх!»

Я повернулся и у поворота к выходу увидел ковбоя, следившего за мной в Когте Гризли, а с ним еще с десятков людей. Дула их винчестеров уставились на меня, а на груди ковбоя тускло блестела серебряная звезда.

– Не двигаться! – крикнул он. – Я – федеральный агент. Ты арестован за производство фальшивых денег!

– О чем это вы? – спрашиваю, а сам потихоньку отступаю к стене.

– Будто не знаешь! – ответил он и сдернул парусину с кучи в углу. – Смотрите, парни! Вот штампы, олово и формы, которые он использовал для своих грязных дел. Все упаковано – видать, готовился улизнуть. Недаром я в поселке глаз с него не спускал – знал, что берлога где-то рядом и рано или поздно, но он сюда наведается. Когда ты расплатился с барменом фальшивым долларом, я сразу смекнул, что ты за птица, и без промедления поскакал за своими людьми – они встали лагерем подальше, в горах, чтобы не мозолить тебе глаза. Я думал, ты заночуешь на постоялом дворе, но в тот раз тебе удалось уйти. Зато теперь деваться некуда. А ну-ка, парни, наденьте на него наручники!

– Ну уж нет! – зарычал я. – Сперва я покончу с двумя дьяволами, а там посмотрим! Не знаю, о чем вы тут говорили, а только...

– Эй, да здесь два трупа! – заорал кто-то из команды агента. – Он уже успел прикончить двоих!

Один из них склонился над Биллом, и скоро тот стал подавать признаки жизни. Билл приподнялся на локте, повел вокруг мутным зрачком и, наткнувшись взглядом на звезду, завопил.

– Спасите! Признаюсь! – верещал он. Я – фальшивомонетчик, и Джим, там, на земле, – тоже! Мы отдаем себя под защиту закона!

– Так это вы фальшивомонетки?! – разинул рот сыщик, теряя нить, – Да, но ведь я-то выслеживал этого верзилу. Я своими глазами видел, как он расплачивался фальшивыми деньгами. Мы, правда, немного запоздали, и он успел удрать, но я заметил его спину среди деревьев на опушке леса, и мы взяли след. Он еще потом стрелял в нас здесь неподалеку.

– Это мы в вас стреляли! – чуть не плача простонал Билл. – А гнались вы за мной. Он, должно быть, подобрал где-нибудь свою монету. Говорю же – это мы вам нужны и вы обязаны нас защитить! Я требую, чтобы меня посадили в самую крепкую тюрьму во всем штате – такую, куда не пробьется даже этот гризли! Это мое право!

– Выходит, этот парень не фальшивомонетчик? – спросил агент.

– Конечно, нет! – взвизгнул Билл. – Он – людоед! Немедленно арестуйте нас и уберите подальше от его лап!

– Не трожь! – снова зарычал я, выходя из себя. – Они принадлежат мне! Они сняли скальп с моего бедного дядюшки! Дайте им кольты, ножи – что угодно! – и пусть сразятся со мной!

– Никак невозможно, – отвечает на это агент. – С этой минуты они арестанты федерального правительства. Если у вас есть к ним претензии, вы должны предъявить обвинение в законной форме.

Его люди подняли Джима и Билла, надели на них наручники и повели к выходу.

– Будь прокляты ваши душонки! – бушевал я. – Жалкие, паршивые койоты! Неужели вы будете защищать грязных обдирателей скальпов?! Да я сейчас...

И в запале я двинулся к ним, но вся команда вмиг ошетичилась винчестерами.

– Назад! – рявкнул предводитель и потом, более спокойно: – Я, конечно, тебе благодарен за наводку на берлогу и за то, что ты, как по заказу, уложил негодяев к нашему приходу, но мне бы не хотелось затевать в пещере драку с, таким медведем.

Что, по-вашему, мне было делать? Будь у меня кольт или хотя бы нож, попытал бы счастья, неважно – один против меня или одиннадцать, со звездой и без, но даже мне не одолеть одиннадцать винчестеров голыми руками. От ярости потерял дар речи и только смотрел, как уводят моих заклятых врагов. Потом выбрался из пещеры и, будто пришибленный, пошел к Капитану Кидду. Настроение было хуже, чем у схваченного за руку конокрада. Преступников посадят в надежную теплую камеру, и мне до них уже не добраться! Неужели скальп дядюшки Джеппарда так и останется неотмщенным? Кошмар! Я готов был завывать диким зверем!

К тому времени, когда я вывел коня на тропу, группа всадников с арестованными уже скрылась из виду. Единственное, что мне оставалось, – это вернуться в Коготь Гризли за снаряжением, а потом попытаться отбить негодяев по дороге.

Постоялый двор был погружен во тьму. Природа вокруг дышала покоем. Пострадавших унесли перевязывать раны, и судя по стонам, доносившимся из домов и сараев по обе стороны улицы, я недаром потратил время. Должно быть, обитатели Когтя Гризли после встречи со мной пребывали в таком жутком расстройстве, что даже не стянули мое оружие, седло и прочее: все оставалось на своих местах.

Я надел башмаки, шляпу, пояс, оседлал Капитана Кидда и выехал на дорогу, по которой отправилась команда с арестованными. Но они выехали гораздо раньше меня, и с рассветом я все еще их не нагнал, хотя и знал, что цель уже близка. Зато я встретил кое-кого другого – Тэнка Уиллогби. Он ехал навстречу, и при виде меня его побитая и помятая физиономия расплылась в счастливой улыбке.

– Привет, Брек! – воскликнул он. – А знаешь, после того как ты тогда уехал, я все сидел да сидел на том бревне, все думал да думал, пока наконец не вспомнил, что именно просил передать тебе Джек Гордон. Я решил – обязательно тебя разыщу, и вот, как видишь, нашел. Значит так: он просил тебя непременно разыскать в поселке Коготь Гризли парня по имени Билл Кроган и хорошенько его разукрасить за то, что тот надул дядюшку Джеппарда.

– Что-о-о?! – мне показалось, что я рехнулся.

– Ну да, – говорит этот – с дырявой памятью. – Билл что-то там купил у дядюшки Джеппарда, а заплатил фальшивыми деньгами. Джеппард и не подозревал, что деньги фальшивые. А когда все открылось, пройдохи уж и след простыл. Но поскольку сам дядя в то время вялил медвежатину и никак не мог отлучиться, он просил передать, чтобы этим делом занялся ты.

– Но скальп! – заорал я вне себя.

– Точно! – перебил Тэнк, – Как раз скальп Джеппард и продал тому парню. Этот скальп Джеппард снял с головы Желтого Орла, вождя команчей, сорок лет назад, и дорожил им как реликвией. Один щеголь с Восточного побережья пронюхал про скальп и захотел его купить. Но ты же знаешь – старик таких на дух не переносит. Тогда тот нанял Билла, а Билл, не будь дураком, прикарманил настоящие деньги, полученные на покупку, а расплатился фальшивыми. Вот история! Так что сам видишь – уже утряслось, а если я чего и подзабыл, так ничего же страшного не случилось и...

Вот почему Тэнк Уиллогби повсюду сеет панику, уверяя, будто я псих, помешанный на убийствах. Свои слова он подкрепляет воспоминанием, как я гнал его по горам, аж пять миль с явным намерением прикончить – преувеличивает, конечно. Я не стая бы его убивать, даже если бы догнал. Я просто посадил бы на его дурацкую башку десяток шишек, завязал бы задние ноги узлом вокруг шеи и проделал бы пару других штучек, которые, как мне

известно, хорошо способствуют укреплению памяти.

Глава 9. Гименей с Медвежьей речки

Я стал разворачивать коня, мордой к Бизоньему Хвосту и тут подумал, что, пожалуй, не стоит ехать той дорогой, по которой я уезжал из поселка. Я умудрился так сильно отклониться в сторону, что было бы гораздо ближе взять напрямик через горы по тропе в Тетон Галч, чем пылить по дороге от Явапайи до Бизоньего Хвоста. Так и сделал.

Я не собирался задерживаться в Тетон Галче, поскольку очень уж торопился попасть в Бизоний Хвост к моей Долли, но меня наконец замучила жажда, и я остановился промочить горло в лагере старателей. Это был самый обычный лагерь – один из тех, что вырастают внезапно за одну ночь, как грибы после дождя, и за считанные дни превращаются в поселок. Так вот. Только я закончил вторую порцию виски в салуне отеля «Желтая собака», как бармен, предварительно прощупав меня взглядом, сказал:

– Вы должно быть, Брекенридж Элкинс с Медвежьей речки?

Я ответил не сразу, а помолчав немного, подозрительно спросил:

– Откуда вы меня знаете? Я ведь никогда прежде не был в Тетон Галче.

– Просто я слышал, как о вас тут говорили, – ответил бармен, – а уж когда увидел, точно, думаю, – Элкинс, потому как другого такого громилы в округе не сыщешь. Кстати, у меня тут отдыхает ваш дружок из Бизоньего Хвоста – Блинк Уилтшоу. Он недавно хвастал, будто близко с вами знаком. Его комната на втором этаже, четвертая дверь налево от лестницы.

Так, значит, Блинк все-таки возвратился в Тетон? Ну что ж, замечательно! И я решил, что поднимусь к нему, и мы проведем этот день вместе и, может быть, даже выпьем по маленькой, а он расскажет последние новости Бизоньего Хвоста, в котором я не был уже целую вечность, а точнее – неделю. В городке с такой напряженной жизнью за неделю может произойти очень многое.

Я поднялся по лестнице, отыскал дверь и постучал. В ответ раздался выстрел, и пуля – бам! – пробив дверную доску, отхватила мне кусочек мочки уха. Меня всегда возмущает, когда мишенью становятся мои уши, поэтому я выразил недовольство оглушительным ревом и, не дожидаясь прочих проявлений гостеприимства, ударом ноги опрокинул дверь внутрь комнаты.

В первый момент жилище показалось мне необитаемым. Потом откуда-то из-под моих ног донеслись хлюпающие звуки. Дверь подо мной мягко пружинила: похоже, здешний жилец решил взглянуть на меня в замочную скважину, за что и поплатился.

Я нагнулся, за шиворот извлек человека из его убежища, поставил на ноги, встряхнул – и предо мной предстал немного сплюснутый Блинк Уилтшоу. Ноги у парня подкашивались, глазки – в кучку, лицо – мучного цвета. Он все еще делал слабые попытки стрельнуть из кольта, так что пришлось осторожно отобрать у него игрушку.

– Ты что, парень, совсем сдурел? – строго спросил я его, держа за шкурку и встряхивая так, что только зубы клацали. – Разве Долли не заставила нас пожать друг другу руки? И что ты хотел мне доказать, пытаешься застрелить сквозь дверь отеля?

– Дай сяду, Брек, – ответил он, обретая наконец дар речи. – Я не тебя ждал. Думал, это Гремучий Гаррисон явился за моим золотом.

Я усадил его на стул, а он схватил со стола кувшин с бренди и присосался к горлышку – не оторвешь! Только вот руки у него сильно дрожали, и половина пролилась на грудь

– Ну? – потребовал я объяснений. – Долго мне еще слушать твое бульканье, черт тебя раздери!

– Извини, Брекенридж, – он отлепил губы от кувшина. – Я столько натерпелся, что не всегда соображаю, что делаю. Видишь мешочки? – и он указал на кровать, где лежали два туго набитые кожаными мешочками седельные сумки. – В них до черта самородков. Я

сделал заявку вверх по течению Галча, и с того самого дня, как вернулся из Бизоньего Хвоста, мне все время жутко везло. Только это не принесло мне счастья.

– Как-так? – спрашиваю.

– Разве не знаешь, – говорит он, – в горах вокруг Тетона полно бандитов. Они грабят и убивают всякого, кому повезло с золотишком. На, дилижанс нападают так часто, что никто уже не решается отправлять с ним свой песочек. Кто намоет золотишка, так нагрузит мулов и ночью, крадучись, смывается отсюда через горы. Я хотел сделать то же прошлой ночью, но у бандитов повсюду в лагере шпионы, и они меня засекли. У них за главаря Гремучий Гаррисон – сущий дьявол! Вот и сижу на своем золоте с револьвером в руке, дрожу и жду, когда банда заявится ко мне в гости. Свихнуться можно!

И он содрогнулся и пробормотал сквозь всхлипывания неясные проклятия, и отхлебнул солидный глоток из кувшина, и взвел курок револьвера, и уселся на стул, дрожа мелкой дрожью, словно увидел привидение, даже два.

Потом вдруг его глаза приняли осмысленное выражение.

– Ты должен мне помочь, Брекенридж, – репьем вцепился он в меня. – Только ты можешь вывезти отсюда золото! Тебя бандиты не знают. А сразу за городом возьмешь по индейской тропе на юг до ущелья Чертов Ветер. Дилижанс из Рваного Уха на Вапетон проезжает там на закате. Сдашь золото вознице, под расписку, и тот доставит его в банк Вапетона. Гаррисону никогда и в голову не придет останавливать дилижанс после, того, как тот минует Чертов Ветер. Бандиты всегда нападают по эту сторону ущелья.

– С какой стати я должен ради тебя рисковать своей шкурой? – Передо мной возникла картина нашей последней встречи – Если у тебя не хватает силенок, самому управиться с золотом, так за каким чертом...

– Дело не только в золоте, Брек, – говорит он. – Видишь ли, я собираюсь жениться и...

– Жениться? – говорю. – Здесь? В Тетон Галче? И девчонку взять в Тетон Галче?

– Да, взять в жены девушку здесь, в Тетон Галче. – Он вздохнул. – Я хотел устроить свадьбу завтра, но в лагере нет ни священника, ни мирового судьи, чтобы нас соединить. Ее дядя, преподобный Рембрандт Брокстон, сейчас объезжает округ и сегодня, по пути в Вапетон, должен проезжать ущельем Чертов Ветер. Я надеялся ускользнуть из лагеря, укрыться среди холмов, дождавшись дилижанса по ту сторону ущелья, отправить с ним золото, а сюда вернуться вместе с преподобным Рембрандтом. Но вчера меня предупредили, что шпионы Гаррисона следят за мной, и я испугался. Получается, теперь преподобный Рембрандт проедет дальше, в Вапетон, не подозревая, как он здесь нужен, и одному Богу известно, когда мне еще раз выпадет шанс его отловить.

– Помолчи-ка! – перебил я его и напряг мозги. Я вовсе не хотел, чтобы эта свадьба расстроилась. Ведь чем скорее Блинк женится на ком-нибудь в Тетоне, тем меньше вероятности, что его женой станет Долли Риксби. Итак, решено!

– Блинк, – говорю я ему, торжественно сжимая руку. – Никто никогда не сможет сказать, что кто-то из Элкинсов бросил друга в беде. Я отвезу твое золото к ущелью Чертов Ветер и вернусь с преподобным Рембрандтом!

Услышав эти слова, Блинк повис у меня шее и обильно прослезился.

– Я никогда не забуду этого, Брекенридж – воскликнул он. – Бьюсь об заклад – ты тоже! Моя лошадь и выучный мул в конюшне за отелем.

– Мне не нужен мул, – говорю я ему. – Капитан Кидд выдержит любую ношу. А конь мой тем, временем, подкреплялся в загоне. Я подошел к нему и освободил от седельных сумок, значительно больших, чем, они обычно бывают, потому что мне все приходится подгонять по своему размеру. Я сшил свои сумки из трех слоев сыромятной лосиной шкуры, и даже кугуару со всеми его клыками, когтями и хвостом, не выбраться из такой упаковки.

Вокруг загона уже стояла толпа и глазела на Капитана. Но я не удивился – где бы мы ни появлялись, Капитан всегда привлекал к себе повышенное внимание.

Так вот. Снимаю я, значит, сумки, и тут подходит к ограде долговязый парень с выгоревшими на солнце усами и спрашивает:

– Сэр, это ваш конь в загоне?

А я в ответ:

– Ну не твой же!

– Нет, уж больно он похож на жеребца, что увели у меня с ранчо полгода назад, – говорит парень, и вижу – к ограде протискиваются не меньше дюжины мрачного вида личностей. Я выпустил сумки и схватился за кольт, но вовремя сообразил, что если сейчас подымется пальба, меня, чего доброго, арестуют и я не смогу вовремя при везти преподобного Рембрандта, чтобы обвенчать, наконец, ко всем чертям Блинка Уилтшоу.

Я спрятал кольт и любезно так говорю этому ублюдку

– Если конь ваш, вы наверняка сможете хотя бы вывести его из загона?

– Конечно, смогу! – с угрозой ответил он, – И не только вывести!

– Правильно, Джейк! – брякнул один из его приятелей. – Отстаивай свои права, а мы тебя поддержим.

– Валяйте! – говорю. – Докажите, что конь ваш!

Парень бросил на меня подозрительный взгляд, но все же взял веревку, перелез через ограду и нерешительно направился в центр загона к Капитану Кидду, который задумчиво пережевывал огромный клок сена. Заметив чужака, Капитан вскинул голову, прижал уши и показал ему зубы. Джейк словно ткнулся в невидимую преграду и побледнел.

– Кажется, это все-таки не мой конь, – проговорил он.

– Что же ты остановился? Скорей кидай лассо! – загремел я, положив правую руку на кольт. – По твоим словам выходит, хозяин – ты. А я говорю – конь мой. Значит, один из нас брехун и конокрад, и сейчас мы выясним, кто именно. Живо действуй, пока я не раскрасил тебя в свинцовый горошек!

Джейк посмотрел на меня, перевел взгляд на капитана Кидда и весь стал цвета молодой травы. Какое-то время они с моим кольтом молча смотрели друг на друга, но в моей пушке чувствовалось больше самообладания. Наконец парень обреченно двинулся к Капитану Кидду, пряча веревку за спиной и вытянув вперед свободную руку.

– Тпрр-ру-у, малыш, – голос его дрожал. – Тпр-ру, старина, славный добрый коняшка. О-о-ой! – Он испустил отчаянный вопль, ибо Капитан, клацнув зубами, зажевал солидный кусок его шкуры. Джейк показал коню спину и только наладился дать стрекача, как тот, презрительно отвернувшись, припечатал Джейку копытами пониже спины. Снова раздался душераздирающий вопль, который не утихал, гюка Джейк не перелетел за ограду. Прервался он в лошадиной поилке. Потрясая жиденьким кулачком, парень поднялся в корыте, обильно источая воду, кровь и богохульства. Он заревел:

– Проклятый убийца! Ты мне за все заплатишь!

– Не имею привычки разговаривать с конокрадами, – небрежно парировал я, подобрал сумки и важно прошествовал сквозь безмолвную толпу. Дружки Джейка поспешно расступились, а кто не успел вовремя подобрать копыта, поостереглись высказывать претензии вслух.

Я отнес сумки Блинку в номер и, думая его развеселить, рассказал о случае с Джейком. Только Блинк еще пуще разволновался.

– Тот парень – из людей Гаррисона! – вымолвил он непослушными губами. – Джейк хотел отобрать у тебя коня – обычный их прием. Честные граждане не осмеливаются лезть на рожон, и теперь он тебя засек. Что думаешь делать?

– Действовать! Время, реки и Элкинсы не сидят на месте! – И я стал перекладывать мешочки с золотом в свои седельные сумки. – Если этот бледноусый койот нарывается на неприятности, он их получит охапками. За золото не беспокойся – в моих сумках оно в полной безопасности. Считай, что оно уже в дилижансе и катит напрямик к Вапетону. А к полуночи я вернусь вместе с преподобным Рембрандтом, и он соединит тебя со своей племянницей.

– Ради Бога, не ори так! – взмолился Блинк. – Лагерь напичкан шпионами. Что, если кто-нибудь сейчас нас подслушивает?

– Я и так говорю шепотом, – раздраженно ответил я.

– Ну да, этот бычий рев, может, и сойдет за шепот где-нибудь в горах у Медвежьей реки, – он нервно вытер рукавом пот со лба, – но, бьюсь об заклад, его слышали и на окраине поселка.

У меня всегда вызывает жалость вид перепуганного насмерть мужчины. Мы пожали друг другу руки, и он, словно простой водой, принялся усердно гасить свои страхи виски, а я, перекинув сумки через плечо, спустился в салун. Когда я проходил мимо бармена, тот сделал мне знак и, перегнувшись через стойку, зашептал:

– Берегись Джейка Роумэна! Он зашел минуту назад, и убрался как раз перед тобой. Похоже, снова ищет неприятностей на свою голову: никогда, говорит, не забудет, что сотворил с ним твой конь.

– Да уж конечно, – согласился я. – Будет вспоминать всякий раз, как захочет сесть. А сесть этому бандиту когда-нибудь придется!

Вышел я из салуна, а вокруг загона уже с полсотни зевак. Я невозмутимо направился прямо к Капитану, по-прежнему как ни в чем не бывало жевавшему свое сено. Один из парней увидел меня, да как завопит:

– Смотрите, парни, а вот и сам великан пожаловал. Сейчас будет седлать своего людоеда. Эй, Билл! Кликни ребят из салуна!

Тут из всех салунов повалил народ. Загон окружили плотным кольцом, и я слышу – в толпе уже делают ставки: удастся мне накинуть седло на Капитана Кидда, или он выкинет меня из загона, как давеча Джейка. Старатели, должно быть, подобрались все чокнутые – могли бы, сообразить, что уж своего-то коня я всяко оседлаю.

Так вот. Оседлал я Капитана Кидда, привязал сумки и взобрался, ему на спину. Ой попрыгал немного – обычная манера, когда я его седлаю, но все в рамках приличий. Только старатели при этом вопили ни хуже шайки индейцев. Тут Капитан случайно задел копытом за ограду и повалил е, от столба до столба вместе с дюжиной зрителей на верхней перекладине, а те орали, так, будто и вправду что-то случилось. Надо вам сказать, мы с Капитаном, не пользуемся воротами. Мы предпочитаем по возможности сокращать расстояния и потому преодолеваем препятствия в прыжке. Но старатели – народ слабосильный. Выезжая из лагеря, я видел, как толпа несла упавших к поилкам и макала их в воду, чтобы привести в чувство, – опять Капитан не удержался и кое-кого потоптал походя.

Мы выехали из Тетон Галча на юг по ложбине между холмами. Очень скоро перед нами встал сумрачный лес с огромными деревьями. Там я без особого труда отыскал старую индейскую тропу, о которой мне говорил Блинк. Судя по всему, ею пользовались крайне редко: на всем пути так никого и не встретил. Я предполагал попасть к ущелью Чертов Ветер, по крайней мере за час до заката, чтобы действовать наверняка – ведь Блинк говорил, что дилижанс проезжает ущелье на закате.

«Скорее всего, – рассуждал я, – преподобного Рембрандта тоже придется грузить на Капитана, но мой конь вывезет и двоих, да еще обставит при этом любого скакуна в Неваде. А значит, я вернусь в Тетон около полуночи или чуть позже».

Отмахав несколько миль, я выехал к долину Апачей – узкому ущелью, по дну которого, зажата между крутых скалистых берегов, ревела, и пенилась буйная река. Стара тропа обрывалась у края, где ширина каньона едва достигала семидесяти футов. Кто-то подрубил огромную сосну, и та, упав над ущельем, образовала пешеходный мостик, по которому можно было переправиться на ту сторону. Много лет назад по этим местам прокатилась золотая лихорадка, и у каньона Апачей вырос большой лагерь. Только теперь здесь веял ветер запустения, и вокруг не было ни единой живой души.

Я св,рнул на восток и, проехав с полмили по краю обрыва, набрел на старую, почти совсем заросшую дорогу. Через лощину она спускалась к мосту на дне каньона, построенному еще во времена золотой лихорадки. Большинство бревен унесло в половодье, но оставшихся вполне хватило, чтобы, перевести по ним лошадь. Так и сделал. После этого по другой лощине мы выехали наверх.

Не успел одолеть и трехсот ярдов, как услышал за своей спиной чей-то окрик. Я обернулся на голос с кольтами наготове. Из зарослей кустарника показался высокого роста джентльмен в длиннополой сутане и шляпе с широкими полями.

– Кто вы такой, черт побери, и не много ли себе позволяете, обращаясь ко мне на «эй»? – изысканно обратился я к джентльмену, не опуская кольтов. Вежливость – фамильная черта Элкинсов.

– Мен зовут преподобный Рембрандт Броктон, добрый человек, – смиренным тоном ответил тот. – Я направляюсь в Теттон Галч, чтобы связать узами священного брака свою племянницу и молодого старателя.

– Преподобный... Да ну! А почему пешком?

– Я сошел, с дилижанса у ущелья Черт... Чер... Черный Ветер, – отвечает он. – Случилось так, что несколько очень добропорядочных ковбоев ждали там сегодня дилижанс, вот они и предложили проводить меня в Тетон и дали лошадь.

– А откуда вы узнали, что ваша племянница намерена заарканить пария? – спрашиваю тогда.

– Так мне об этом сообщили те же ковбои.

– И куда же они подевались?

– Лошадь подо мной захромала, вот они и оставили меня здесь. А сами отправились на ближайшее ранчо нанять другую.

– Что-то я сильно сомневаюсь, чтобы здесь поблизости оказалось ранчо, – пробормотал я, – Похоже, у них в башках не густо мозгов, что оставили вас одного в незнакомой местности.

– Вы намекаете на возможную опасность? – спрашивает он, и глаза его слабо сверкнули.

– Эти горы кишат бандитами, которые за паршивый доллар перережут глотку и священнику, – пытался я прояснить ему обстановку. И тут вдруг меня осенило.

– Послушайте-ка, – говорю, – так ведь дилижанс не должен был проезжать ущельем раньше заката!

– Все верно, – говорит он, – но почему-то изменили расписание.

– А, будь оно... – не выдержал я. – У меня седельные сумки лопаются от золота, и я рассчитывал на этот дилижанс. А теперь выходит, придется везти его обратно в Тетон? Ну да ладно, отправлю с утренним дилижансом. Преподобный Рембрандт, я – Брекенридж Элкинс с Медвежьей речки. Я приехал, чтобы встретить вас и проводить в Тетон Галч, где вы сможете повязать свою племянницу и Блинка Уилтшоу узами священного брака. Поторопимся. Садитесь впереди меня.

– Но как же... я ведь должен дожждаться моих друзей-ковбоев, – елеинным голосом возразил он. – Да вон они едут! – и он ткнул пальцем на восток.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел приближающуюся группу всадников человек в пятнадцать. За одним из них бежала в поводу лошадь без седла.

– О-о, мои добрые друзья! – просиял преподобный Рембрандт. – Они все-таки достали мне лошадь, как обещали!

Тут он вытащил из кустов седло и говорит:

– Вы не поможете мне приладить седло? А я с большим удовольствием подержу пока ваше ружье.

Но только протянул ему винчестер, как пуля взбила фонтанчик пыли под копытом Капитана. Я круто обернулся. Из лесной чащи на опушку, за сотню ярдов к югу, выехал человек с винчестером у плеча. Я сразу узнал его. Не будь у поселенцев с Медвежьей речки ястребиных глаз, мужчина среди нас уже давно повывелись бы. Это был Джейк Роумэн!

Наши винчестеры выстрелили одновременно. Его пуля прожужжала у моего уха, а моя вышибла его из седла.

– Ковбои – держи карман! Это ж бандиты Гаррисона! Не бойтесь, преподобный, я спасу вас!

Я подхватил его одной рукой, всадил шпоры в бока Капитана Кидд, и тот рванул так, словно ему под хвост плеснули кипятка. Бандиты с дикими воплями кинулись в погоню. Вообще-то я не имею привычки удирать, но тогда очень уж переволновался за преподобного Рембрандта: ведь если дело дойдет до ближнего боя, и – не дай Бог! – Его преподобие нашипигуют свинцом, то Блинк не сможет завтра жениться на его племяннице, чего доброго, плюнет на свою затею и улизнет в Бизоний Хвост обхаживать Долли Риксби.

Я правил к каньону, чтобы занять оборону в лощине, а бандиты готовы были запалить лошадей, но доскакать до поворота тропы раньше меня и отрезать нас от каньона. Капитан Кидд под двойной ношей до того прогнулся, что брюхом почти стлался по земле. Перекинутому через седло преподобному Рембрандту тоже приходилось несладко: руки и ноги его болтались в воздухе а один раз, когда он особенно лихо подпрыгнул и ткнулся животом в седельную луку, я услышал такое, чего никак не ожидал услышать от служителя Господа. Затрещали выстрелы, засвистели пули, и его преподобие, задрав голову, пронзительно завопил:

– Прекратите эту... пальбу, вы, ... ! Вы ж меня пристрелите!!! Я подумал, что с его стороны было довольно эгоистично не упомянуть о своем спасителе, но все равно заметил:

– Ваше преподобие, этих скунсов увещевать мало толку – у них нет почтения даже к сану священника.

Но, как ни странно, стрельба прекратилась – вот что значит слово Божие! – хотя вопли и крепость ругательств усилились. К этому времени уже стало ясно, что негодяям все-таки удалось отрезать нас от переправы, поэтому я свернул на старую индийскую тропу и погнал Капитана Кидда прямо к краю каньона, пытаюсь выжать из него все, что только можно. Кусты цеплялись за стремяна, хлестали по лицу преподобного Рембрандта и по моим ногам. Бандиты что-то закричали и стали сдерживать коней, но Капитан с каждым прыжком наращивал скорость, и впереди уже замаячил край пропасти.

– Придержи коня, вислоухий шакал! Оборвемся! – заорал преподобный.

– Расслабьтесь, Ваше преподобие, – попытался я его приободрить. – Сейчас по мостику поскачем.

– Боже! Прими мою грешную душу! – услышал я прерывистый всхлип, и, вцепившись в стремя обеими руками, он закрыл глаза.

Капитан ступил на бревно, и, казалось, воздух разорвали трубы Судного дня!

Я сильно сомневаюсь, чтобы на свете нашелся другой такой конь, который, смог бы под двойной ношей проскакать по одному единственному бревну, перекинутому над бездной глубиной, в сто пятьдесят футов. Но Капитану Кидду на все было глубоко наплевать, за исключением меня, конечно. Он даже не сбавил скорость, а помчался по бревну, как по укатанной, дороге. Из-под копыт брызнули кора и щепки. Оступись, конь хоть на дюйм, нам всем была бы крышка. Но он не оступился, и не успели мы перевести дыхание, как очутились на той стороне каньона.

– Можно открыть глаза, преподобный Рембрандт, – мягко сказал я, но ничего не услышал в ответ – Его преподобие висел в обмороке. Я слегка потряс его, чтобы пробудить от спячки. На щеках выступил румянец, глаза приоткрылись, и тут же с диким воплем он вцепился мне в ногу! Должно быть он думал, что мы все еще мчимся по бревну. Я попытался разжать его пальцы, но тут Капитан, улучив момент, выбрал дуб с низко нависшим суком и решил, что не худо бы под ним проехаться, да порезвей – одна из излюбленных его шуточек. Как видите, с чувством юмора у моего коня все в порядке.

Я глянул вверх как раз вовремя, чтобы заметить приближающуюся опасность, но слишком поздно, чтобы избежать ее. Толщиной ветка была с оглоблю и врезалась мне прямо в грудь. Раздался треск – лопнули подпруги. Обе враз. Капитан Кидд вылетел из-под седла, а прочее – я, преподобный Рембрандт и седло общей кучей шлепнулось на землю. Я сразу вскочил на ноги, но преподобный Рембрандт остался лежать, и до меня донеслось только «Ва-ва-ва...», словно остатки виски по капле вытекали из пустого кувшина. И тут я увидел, что проклятые бандиты слезают с лошадей и с винчестерами в руках один за другим лезут на

пешеходный мостик.

Я не стал убивать время на то, чтобы перешелкивать их по одному, а сразу кинулся к бревну. Эти идиоты схватились за ружья, но их положение было слишком шатким, прицелиться толком они не могли, и их стрельба производила самое жалкое впечатление: я получил лишь пулю в ногу да несколько царапин – сущие пустяки.

Я присел на корточки, обхватил конец ствола и привстал с ним. Негодяи дико завопили и кеглями повалились на ствол. Они выронили винчестеры и всеми своими руками что было сил вцепились в дерево. Я встряхнул бревно пару раз, и некоторые попадали, как с веток падают гнилые яблоки. Потом подтащил край моста к обрыву и спихнул вниз. Огромное бревно с грохотом обрушилось в каньон, а десяток людей, все еще отчаянно цеплявшихся за него, оглашали в полете окрестности леденящим кровь воем.

Подняв водяной столб, бревно скрылось из виду. Последнее, что я видел, – это барахтающийся клубок из рук, голов и ног, все дальше относимый стремительным течением.

Тут я вспомнил о преподобном Рембрандте и помчался к месту нашего падения. Но он уже очухался и мог стоять на ногах. Его лицо было бледнее полотна, глаза широко раскрыты, ноги в коленках дрожали, но, ухватившись за седельные сумки, Его преподобие из последних силенок пытался оттащить их в густые заросли, бормоча под нос что-то невразумительное. Должно быть, от потрясения у преподобного бедолаги крыша поехала.

– Все в порядке, преподобный, – успокоил я его. – Как говорят французы, бандиты отправились купаться. Золото Блинка спасено.

– А-а! – говорит на это преподобный Рембрандт и вытаскивает из-под сутаны два длинноствольных кольта, так что не сгребя я его в охапку, он непременно открыл бы пальбу. Я осторожно покатал его по земле, а после говорю:

– Придите в себя, преподобный! Я не бандит. Я Брекенридж Элкинс, ваш друг, помните?

А он в ответ прорычал, что сожрет мое сердце даже без перца и соли, сомкнул челюсти на моем правом ухе и принялся его отгрызать, в то же время пальцами подбираясь к глазам и пребольно лягаясь ногами. Я понял, что от страха Его преподобие совсем тронулся, а тут еще это падение, и с сожалением так ему говорю:

– Послушайте, преподобный, мне будет больно это сделать, я понимаю, это гораздо хуже, чем неприятности с ногой или даже с ухом, но мы больше не можем транжирить время по мелочам – Блинк весь горит желанием обвенчаться. – И со вздохом сожаления опустил ему на голову рукоять своего шестизарядного. Он упал, несколько раз дернулся и затих.

– Бедный преподобный Рембрандт, – я снова грустно вздохнул. – Надеюсь все-таки удар не перетряхнул ваши мозги набекрень, и вы не забыли обряда бракосочетания.

Чтобы избежать возни на случай, если он вновь очнется, я связал руки и ноги проповедника кусками лассо, а заодно осмотрел его арсенал, который никак не сочетался с внешним обликом Его преподобия. Судите сами: оба колта со взведенными курками и зарубками на каждой рукоятке – на одном три, а на другом: четыре, кривой нож, спрятанный за голенищем, да вдобавок колода крапленых карт и пара хитрые кубиков со свинцовой начинкой для игры в кости. Но его привычки меня не касались.

Только покончил с осмотром, как глядь – явился Капитан Кидд. Ему, видно, не терпелось узнать, расшибся я насмерть или, только покалечился на всю жизнь. Чтобы показать, что мне также не чуждо чувство юмора, я хорошенько пнул его в брюхо, а когда он разогнулся и снова задышал, накинул на спину седло. Я связал подпруги остатками лассо, перекинул преподобного Рембрандта через седло, устроился сам, и мы отправились в Тетон Галч.

Где-то через час преподобный Рембрандт очухался и тихим таким голосом меня спрашивает:

– Кто-нибудь уцелел после торнадо?

– Все в порядке Ваше преподобие, – говорю ему. – Мы едем в Тетон Галч.

– Что-то припоминаю, – пробормотал он. – Ну да! Джейк Роумэн, сто чертей ему в

пасть! Я думал, дело верное, но, кажется, просчитался. Думал, придется иметь дело с обычным человеком, а мне подсунули дьявола! Отпусти меня! Я дам тебе тысячу долларов!

– Пожалуйста, преподобный, успокойтесь,– ясно было, что он по прежнему заговаривается.– Еще немного, и прибудем: в Тетон.

– Но не хочу в Тетон! – завопил он.

– А вот и хотите,– возразил я.– Вы ж собирались связать мертвым узлом Блинка Уилтшоу со своею племянницей.

– Да пусть они катятся ко всем чертям, твой Блинк Уилтшоу вместе с племянницей!

– Вам, служителю церкви, должно быть стыдно за такие слова,– мягко пожурил я его. Будь на моем месте пуританин, у того бы от таких заявочек волосы встали дыбом. Мне стало до того тошно, что я замолчал.

Ведь только-только собирался его развязать, чтобы сделать путешествие по возможности приятным, но подумал, что раз он все еще не в себе, то, пожалуй, пока рановато. Поэтому я не стал отвечать на ругань, которая становилась все изощреннее по мере того, как мы приближались к цели. В жизни не видал более странного преподобия!

Для меня было истинным облегчением вновь увидеть очертания Галча. Уже наступила ночь, когда по лощине между холмов мы спустились к поселку. В салунах и танцевальных холлах вовсю гудело веселье. Я въехал на задний двор салуна «Желтая собака», спешился, потом вынул из седла преподобного Рембрандта и поставил на ноги. Он наклонился к моему уху и отчаянно зашипел:

– В последний раз говорю – прислушайся к голосу разума! У меня в горном тайнике спрятано пятьдесят тысяч долларов. Я отдам тебе все до последнего цента, только развяжи меня!

– Мне не нужны деньги,– ответил я.– Все, чего я хочу,– это чтобы вы поскорее обвенчали свою племянницу и Блинка Уилтшоу. Тогда развяжу.

– Хорошо! – говорит.– Отлично! Но не могу же я их венчать, связанный по рукам и ногам. Развяжи веревки.

Это звучало убедительно. Но только я вознамерился исполнить его просьбу, как на двор с фонарем, в руке вышел бармен. Он осветил наши лица, и фонарь в его руке дрогнул.

– Какого дьявола ты притащил с собой, Элкинс? – спрашивает он, а у самого голос слегка запинается.

– Послушаешь его, так ни за что не догадаешься,– ответил я. – Это Его преподобие Рембрандт Броктон.

– Ты что, совсем спятил? – опять спрашивает бармен. – Это ж Гремучий Гаррисон!

– Все, сдаюсь,– говорит мой пленник.– Точно, я – Гаррисон. Плевать на все, только уберите от меня подальше этого ненормального.

У меня отвисла челюсть, и какое-то время я стоял столбом, ничего не соображая. Потом вдруг очнулся, да как заору:

– Что-о-о? Ты – Гаррисон?! Так вот оно что! Теперь мне все ясно! Значит, Джейк Роумэн подслушал наш разговор с Блинком Уилтаюу, предупредил банду, и вы подстроили все это, чтобы надуть меня и завладеть золотом Блинка? Так вот почему ты предложил поддержать мой винчестер, пока я буду седлать тебе лошадь!

– Смотрите-ка, какой сообразительный! – недобро усмехнулся Гремучий Гаррисон.– Нам следовало бы застрелить тебя из засады, как я и предлагал, но идиоту Джейку непременно надо было захватить тебя живьем и замучить до смерти – так он хотел отомстить за оскорбление, нанесенное твоим конем. Должно быть, у дурня в последнюю минуту сдали нервы, и он решил покончить с тобой разом. Если бы ты его не узнал, мы бы спокойно тебя окружили, и не успел бы глазом моргнуть, как наспиговали бы брюхо свинцом!

– Это что же получается?! Выходит, настоящий проповедник сейчас катит в Вапетон. Я должен привезти его сюда!

– А он уже здесь, – говорит один из зевак в быстро собиравшейся вокруг толпе. – Он вместе с племянницей приехал час назад из Бизоньего Хвоста.

– Из Бизоньего Хвоста? – воскликнул я, сраженный ниже пояса недобрым предчувствием.

Я влетел в салун и там увидел множество народу. Там был и Блинк, и еще какая-то девушка, и они держались за руки, и стояли перед стариком с длинной седой бородой, а тот, держа Библию в руке, благословлял их обоих. Я услышал:

– ... и объявляю вас мужем и женой. И тех, кого соединил Господь, да не разлучит ни стрела индейца, ни коготь гризли!

– Долли! – рывкнул я. Оба подпрыгнули аж фута на четыре и в страхе обернулись. Долли бросилась вперед и раскинула руки как клуша, защищающая цыплят от ястреба.

– Руки прочь, Брек! – закричала она. – Я только что вышла замуж и пока не хочу становиться вдовой!

– Что ты, у меня и в мыслях не было... – сдавленным голосом начал я, нервно ощупывая кольты, как обычно делал в минуты сильного расстройства.

Стоявшие между мной и Блинком, начали торопливо освобождать площадь, и тогда Блинк быстро-быстро заговорил:

– Дело было так, Брек. Когда я совершенно неожиданно стал богачом, то сразу известил об этом Долли, чтобы она приехала сюда и здесь вышла за меня замуж – она обещала мне в тот вечер, когда ты уезжал в Явапайю, помнишь? Так вот. Я действительно, как и говорил, хотел сегодня вывезти золото, чтобы после свадьбы спокойно отправиться вместе с Долли в Сан-Франциско и там провести медовый месяц. Но тут я узнал, что за мной следят шпионы из банды Гаррисона – об этом ты тоже знаешь. Понимаешь, с одной стороны, я хотел поскорее избавиться от золота и переправить его в безопасное место, а с другой – мне надо было избавиться от тебя, чтобы, когда Долли с дядей прибудут дилижансом из Бизоньего Хвоста, ты не спутал бы нам карты. Потому и соврал, будто преподобный Рембрандт должен ехать дилижансом на Вапетон. И это была единственная ложь, которую ты от меня услышал.

– Ты еще говорил, что возьмешь девушку в Тетоне! – яростно уличил я его.

– Так и беру ее замуж в Тетоне! Разве нет? Знаешь, Брек, в любви и на войне все средства хороши.

– Ну будет, будет вам, мальчики, – заговорил преподобный Рембрандт – тот, настоящий. – Дело сделано: девушка замужем, а значит, конец вражде и нечего точить зубы друг на друга. Ну? Пожмите руки и будьте друзьями.

– Согласен, – с трудом выдавил я. – Никто не скажет, что Элкинсы не умеют проигрывать. – Измена резанула меня по живому, но я глубоко спрятал свое кровоточащее сердце.

По крайней мере, я сделал все, чтобы не показать вида. А те, кто утверждает, будто я умышленно покалечил Блинка Уилтшоу, злодейски воспользовавшись первой же возможностью, просто нагло врут, и я буду сметать такими вралями дороги родного штата всякий раз, как поймаю. Дело в том, протягивая Блинку руку, я вдруг увидел выражение лица Глории Макгроу при известии об очередной моей неудаче. Мои пальцы конвульсивно сжались, и Блинк заорал дурным голосом. И нет никаких оснований для разговоров, что причиной последующих событий явился новый удар, нанесенный мне Долли, – плевательницей по голове. Когда я представил, с каким наслаждением Глория Макгроу сдерет с меня живого кожу, я словно тронулся умом и в панике рванулся к выходу. И если что-то оказывалось у меня на дороге, я расчищал путь, не любопытствуя, что это поставлено тут и зачем. Откуда мне было знать, что тот, кого я по рассеянности вышвырнул в окно, окажется дядей Долли – преподобным Рембрандтом? Кое-кто также жаловался, что их сбили с ноги вдавили в пол подошвами. Урок не будущее – пусть впредь не торчат у меня на дороге, чтоб им провалиться!

Уже подъезжая к дому, смирившийся с поражением и почти что умиротворенный, я, вдруг задумался: а вообще, любил ли я Долли? Ведь сейчас меня волновало одно: как обрадуется этой моей промашке Глория Макгроу!

Глава 10. Пещерный житель

Говорят, что смертельно раненный зверь заползает в свою берлогу и там умирает. Наверное, по этой причине, из Тетон Галча я напрямик направился на Медвежью реку: я уже столько натерпелся от очагов цивилизации, что большего вынести был не в силах.

Но чем ближе подъезжал к Медвежьей реке, тем чаще мне на ум приходила Глория Макгроу со своим колким язычком. Меня бросало в холодный пот от одной мысли, что она скажет при встрече – и это после того, как я нарочно известил ее с одним из подвернувшихся под руку Брэкстонов, что собираюсь явиться на Медвежью реку под ручку с Долли Риксби в качестве миссис Элкинс.

От всех этих мыслей у меня до того распухла голова, что, проезжая развилку на Рваное Ухо, по рассеянности свернул не туда, куда следовало. Я не подозревал об оплошности, пока через несколько миль не повстречал ковбоя и тот не растолковал мне, куда я еду, а еще поведал о большом родео, которое затевалось в Рваном Ухе. Я сразу смекнул, что грех упускать такую возможность сорвать шальные деньги, к тому же это был вполне приличный предлог, чтобы оттянуть встречу с Глорией. Да только не учел, что на пути к богатству обязательно напорешься на кого-нибудь из родственников.

Тут нелишне пояснить, что единственной причиной моего отвращения к тарантулам, змеям и скунсам является их сильное сходство с тетушкой Лавакой Гримз. Мой дядя Джейкоб Гримз женился на ней в минуту помрачения рассудка, будучи уже преклонных годах, когда у старика стала сдавать голова.

Стоит мне слышать голос этой женщины, зубы начинают клацать сами собой. То же происходит и с зубами Капитана Кидда, в котором инстинкт самосохранения пробуждается лишь во время урагана, никак не раньше. Вот почему, когда проезжал мимо дома, а она высунула голову из двери, да как завопит: «Брекенри-и-дж!», капитан подскочил так, как если бы ему всадили в брюхо острый кол, и, естественно попытался поскорее от меня избавиться.

– Прекрати мучить бедное животное и поди сюда! – приказала тетушка Лавака, будто не замечая фокусов Капитана и мою отчаянную борьбу за жизнь. – Как всегда, только бы покрасоваться перед народом! Никогда не видела такого непочтительного, испорченного, никчемного...

Она не останавливалась ни на секунду, а я тем временем уломал Капитана Кидда смирить свой нрав, отвел его к дому и привязал к перилам крыльца. А потом повернулся к тетушке и покорно так говорю:

– Чего вы хотите, тетушка Лавака?

Она презрительно фыркнула, уперла руки в бока и уставилась на меня с таким видом, словно на дух не переваривала мое присутствие.

– Я хочу, чтобы ты отыскал своего беспутного дядюшку Джейкоба и доставил домой, – наконец-то изрекла она. – На него гурьой находит идиотская страсть к золотоискательству, и сегодня, до рассвета, прихватив гнедого жеребца и выючного мула, он улизнул в горы Призрака. Какая жалость, что я тогда не проснулась – уж я то сумела бы его остановить! Если поторопиться, успеешь нагнать дядюшку Джейкоба по эту сторону ущелья, что на подходе к горе Шальной Удачи. Приведи его, если даже для этого придется связать дядюшку лассо и приторочить к седлу. Трухлявый пень! Нет, как вам это нравится? Охотится за золотом, когда, столько работы на поле люцерны! Говорит, что он, видите ли, не рожден для фермерства! Ха! Думаю, еще успею привить ему вкус к земле! Ступай, да пошевеливайся!

– Но у меня нет времени лазить по горам и искать дядюшку Джейкоба, – сделал я слабую попытку отговориться. – Я еду на родео в Рваное Ухо и надеюсь выиграть приз.

– На родео! – язвительно воскликнула она. Капитан нервно переступил ногами – Прекрасное времяпровождение, нечего сказать! Делай что велят, никчемный бездельник!

Не убивать, же мне целый день на бесплодные споры с недорослем вроде тебя. Из всех ничтожных, нахальных, и тупоголовых...

Когда тетушка Лавака заводит обвинительную речь, самое разумное – поскорее убраться подальше. Она способна пилить несчастную жертву, не останавливаясь, три дня и три ночи без перерыва на завтрак, обед и ужин, все больше повышая голос, пока тот не достигнет такой громкости и пронзительности, что начинают лопаться барабанные перепонки. Уже я свернул на тропу к горе Шальной Удачи, уже и сама тетушка давно скрылась из глаз, а до меня все еще доносился ее возмущенный крик. Бедный дядюшка Джейкоб! Ему никогда особо не везло по части золота, но все равно – путешествовать в компании жеребца и мула несравненно приятнее, чем выслушивать нотации тетушки Лаваки. Рев осла кажется серенадой по сравнению с ее голосом.

Спустя несколько часов я уже поднимался по извилистой горной тропке, ведущей к ущелью, а когда сверху слышалось «б-бах!» и с меня слетела, шляпа, стало ясно, что «старая лысина» где-то поблизости. Я быстро свернул за густые заросли кустарника, потом взглянул вверх и увидел заднюю часть мула, торчащую среди, нагромождения валунов.

– Это ты в меня стрелял, дядюшка Джейкоб? – загремел по скалам мой голос.

– Стой где стоишь! – В раздраженных интонациях старика сквозил воинственный дух. – Я знаю – тебя Лавака за мной послала. Я наконец-то занялся серьезным делом и не потерплю, чтобы мне мешали!

– Ты о чем? – спрашиваю.

– Еще шаг – и продырявлю! – пообещал он. – Я ищу Затерянную россыпь за горой Шальной Удачи.

– Да ты ее уже пятьдесят лет ищешь! – фыркнул я.

– На этот раз, считай, она у меня в кармане, – говорит дядюшка Джейкоб. – Я купил в Белой Кляче у пьяного мексиканца карту. Один из его предков был индейцем – из тех, кто заваливал вход в пещеру с золотой россыпью. ,

– Почему же тогда он сам не нашел пещеру и не забрал золото?

– Он до смерти боится привидений, – ответил дядюшка Джейкоб. – Все мексиканцы страшно суеверны, тяжелы на подъем, и к тому же дня не могут прожить без выпивки. В этой пещере золота на миллионы долларов. Предупреждаю: я скорее убью тебя, чем дам затащить обратно домой. А теперь решай: или мирно отправишься восвояси, или я беру тебя в долю. Ты можешь пригодиться на тот случай, если вдруг заартачится вьючный мул.

– Еду с тобой! – воскликнул я, огушенный неожиданной перспективой. – Может, из твоей затеи что-нибудь да получится. Убери винчестер.

Он выступил из-за скалы – поджарый, с дубленой кожей, с резкими чертами лица – и опасно произнес:

– А как быть с Лавакой? Если ты не вернешься со мной, она сама сюда притащится. У нее ума хватит.

– А ты черкни ей пару слов, чтоб не беспокоилась.

Он обрадованно заулыбался:

– Ага, конечно. У меня и карандашик припасен в седельной сумке.

Тогда я ему говорю:

– Мы напишем ей записку. Раз в неделю через ущелье по пути к Рваному Уху проходит Джой Хопкинс. Сегодня как раз его день. Мы привяжем записку к дереву так, чтоб было заметно. Он возьмет ее и доставит по назначению.

Я оторвал этикетку от консервной банки с томатами, которую нашел в сумке дядюшки Джейкоба, он достал свой огрызок и написал под мою диктовку следующее:

«Дорога тетушка Лавака! Я с дядюшкой Джейкобом подался дальше в горы.
Не пытайтесь нас отыскать – это бесполезно. Мне нужно золото.

Б р е к е н р и д ж .»

Мы свернули записку, и я сказал дядюшке Джейкобу, чтобы сверху он приписал:

«Дорогой Джой. Пожалуйста, доставь записку миссис Лаваке Гримз, что живет у дороги на Рваное Ухо.»

Нам повезло, что Джой разбирал буквы. Я заставил дядюшку Джейкоба прочитать написанное вслух и остался доволен – сработано было точно. Образование тоже, знаете ли, может порой пригодиться, только оно никогда не заменит здравого смысла.

Я привязал записку к ветке ели, и мы стали продолжать подъем. Он уже, наверное, в сотый раз пустился рассказывать мне о Затерянной россыпи: мол, давным-давно жил-был один старый золотоискатель, который лет шестьдесят назад набрел на пещеру, а стены в ней из чистого золота, а пол усыпан всяких размеров самородками, да так густо, что ступить некуда, кроме как на золото. Но индейцы выследили его, долго преследовали и наконец загнали куда-то в совершенную пустыню, где он чуть не помер от голода, жажды и в конце концов тронулся. Потом он вышел к поселку и там через некоторое время пришел в себя. Тогда он собрал группу золотоискателей и повел их на то место, но ничего не нашел. По словам дядюшки Джейкоба, индейцы завалили вход камнями, насыпали на том месте земли, насадили кактусов – короче, так замаскировали пещеру, что даже примет не осталось. Я спросил, откуда ему известны такие подробности, на что он ответил, что такие вещи всякий знает, а еще добавил, что в этой стране и самый распоследний идиот, пожалуй, кроме одного, осведомлен о проделках индейцев по части маскировки.

– Золота пещера, – захлеб рассказывал дядюшка Дженкоб, – выходит в Скрытую долину, расположенную между хребтами высоко в горах. Сам-то я долину никогда не видел, хотя, кажется, облазил всю округу вдоль и поперек. Никто не знает эти горы лучше меня, разве что старый Джошуа Брэкстон. Но он считает в разные дни по-разному – что пещеру или нельзя найти, или в ней уже кто-нибудь побывал. По карте выходит, что долина лежит сразу за каньоном Дикой Кошки. Среди белых немного найдется таких, кто его знает. Туда мы и едем.

За разговорами мы не заметили, как миновали ущелье и выехали к подножию величественной скалы, резко выдававшейся вперед. Обогнув выступ, мы увидели две фигуры верховых, двигавшиеся вдоль другого склона в одном с нами направлении, так что наши пути неизбежно должны были пересечься. Глаза у дядюшки Джейкоба запылали недобрым огнем, и он потянулся за винчестером.

– Кто это? – рыкнул он.

– Громила Билл Глэнтон, – отвечаю. – Второго никогда не видел.

– И никто не видел, кроме любителей балагана лилипутов, – проворчал дядюшка Джейкоб.

И впрямь спутник Громилы Билла походил на забавного теленка-несмышленища. На ногах у него были шнурованные башмачки, на голове – пробковый шлем, а на носу сидели огромные очки. Он раскачивался в седле, будто сидел в кресле-качалке, а поводья сжимал так, как если б держал в руках удилище.

Глэнтон окликнул нас. Родом он был из Техаса, поэтому его речь звучала грубовато и была обильно приправлена перцем, зато мы всегда отлично понимали друг друга.

– Куда это вы направляетесь? – подозрительно осведомился дядюшка Джейкоб.

– Я – профессор ван Брок из Нью-Йорка. – Незнакомец приподнял пробковый шлем. – Я нанял мистера Глэнтонна – вот он, рекомендую проводником в здешних горах. Мы ищем следы загадочного племени, которое согласно многочисленным свидетельствам обитает в этих горах с незапамятных времен.

– Неужто обитает? – дядюшка Джейкоб аж раскраснелся от возмущения. – Ну так вот что я тебе скажу, четырехглазый коротышка: из местных своей брехней ты не надуешь даже лошадь!

– Уверяю вас, у меня и в мыслях не было надувать лошадь! – говорит ван Брок. – Я

путешествую по стране в интересах науки и случайно услышал легенду, которую только что имел честь вам пересказать. В поселении с весьма своеобразным названием Рваное Ухо я говорил с пожилым старателем уверявшим, будто видел дикаря в одежде из шкур и вооруженного дубиной. Когда дикаря заметили, он издал ни на что не похожий пронзительный крик и скрылся в расселине между скалами. Я убежден, что это был один из представителей доиндейской расы, и намерен во что бы то ни стало исследовать данный феномен.

– Такие твари здесь не водятся.– Дядюшку Джейкоба аж перекошило от презрения к умнику с Восточного побережья.– Вот уже пятьдесят лет, как я лазаю по этим горам, а никакого дикаря не видел.

– Похоже, что-то сверхъестественное в этих местах все же бывает,– вступил в разговор Глэнтон.– Я тоже слышал байки на эту тему. Никогда не думал, что доведется самому участвовать в охоте на дикаря, но тех пор как моя любительница джина удрали с заезжим торговцем, я рад любому случаю затеряться в горах, чтобы только забыть о женском вероломстве. А вы – то чем занимаетесь? Золото, небось, ищите? – И он бросил взгляд на инструменты, которыми был нагружен наш мул.

– Да что ты! – заторопился дядюшка Джейкоб.– Так просто – время убиваем. Да в этих горах никогда и не бывало никакого золота.

– Люди говорят, где-то здесь должна быть Затерянная россыпь, – сказал Глэнтон.

– Сплошные враки! – фыркнул дядюшка Джейкоб, покрываясь потом,– Нет здесь никакой россыпи. Ладно, Брекенридж, поторопимся. Нам надо затемно добраться до пика Антилопы.

– А разве мы уже не едем к каньону Дикой Кошки? – спросил я, а он окинул меня свирепым взглядом и говорит:

– Ну да, я и говорю – к пику Антилопы! Вперед! Пока, джентльмены!

– Пока! – ответил Глэнтон, и мы расстались.

Мы свернули с прежнего курса почти под прямым углом. Совершенно сбитый с толку, я безропотно следовал за дядюшкой. Когда мы отъехали на порядочное расстояние и другая пара скрылась из глаз, он развернул лошадь и приблизился.

– Когда природа лепила из тебя верзилу, Брекенридж,– начал он,– она забыла наделить эту гору мускулов,– тычок винчестера мне в грудь, – хотя бы каплей мозгов! Ты что же, добиваешься, чтобы каждый проходимец знал, куда и зачем мы едем?

– Да ладно тебе, – говорю. – Парни дикаря ловят, а ты крик поднимаешь.

– Дикаря, как же! – ощерился он.– Им можно было бы не забираться дальше Рваного Уха – в день полочки там столько дикарей, что хоть лопатой гребь! Меня не проведешь! Золото – вот что им нужно! Я своими глазами видел, как через час после того, как я купил карту, Глэнтон чесал лясы с этим мексиканцем из Белой Клячи. Уверен, что он либо нащупывал пути к россыпи, либо выведывал о карте, либо то и другое вместе.

– Что же нам теперь делать?

– Поедем к каньону Дикой Кошки, но другой дорогой,– говорит он. Так мы и сделали, и благодаря упрямству дядюшки Джейкоба, не останавливались всю ночь, пока не достигли цели. Каньон был глубокий и совершенно дикий. По сторонам его высились неприступные скалы, изрезанные провалами, лощинами и оврагами. В ту ночь мы в каньон не спускались, а расположились лагерем на плато. Дядюшка Джейкоб определил, что поиски начнем на рассвете. Он сказал, что в каньоне полно пещер, и за свою жизнь он заглянул в каждую из них. Правда, он там ничего не обнаружил, если не считать медведей, кугуаров и гремучих змей, но твердо убежден, что одна из них прорезает скалу насквозь и другим концом выходит в Скрытую долину. Там, он считает, и следует искать пещеру с золотом.

На следующее утро меня разбудил дядюшка Джейкоб. Он неистово тряс меня за плечи, а кончики его усов от гнева закрутились кверху.

– Что случилось? – потребовал я объяснений, разлепляя глаза и нащупывая колыты.

– Они здесь! – вопил он.– Дьявольщина! Недаром я их подозревал! Вставай, верзила,

живо! Что ты сидишь идиотом с кольтами в руках?! Говорю тебе – они здесь!

– Да, кто они – то?

– Этот чертов приезжий и техасский громила, – рычал от злобы дядюшка Джейкоб. – С первыми лучами солнца я был уже на ногах и скоро заметил струйку дыма, поднимающуюся из-за большой скалы на другом краю плато. Я подкрался поближе и увидел обоих: Глэнтон поджаривал бекон, а ван Брок прикидывался, будто рассматривает через стекло цветочки, – маскировался сукин сын. Он не профессор. Готов поставить что угодно, он самый настоящий пройдоха! Они следили за нами и наверняка хотят прикончить, чтобы завладеть картой.

– Брось! – говорю. – Глэнтон на это не пойдет. А дядюшка в ответ:

– Заткнись! Когда пахнет золотом, человек на все способен! Черт побери, делай же что-нибудь! Так и будешь сидеть здесь увальнем, пока тебя не прикончат?

Вот в этом и заключается сложность положения самого крупного члена семейства: прочие родственники все время норовят взвалить на ваши плечи самую неприятную работенку.

Я натянул сапоги, и мы отправились через плато. Всю дорогу у меня в ушах звенели боевые песни дядюшки Джейкоба, но я так и не заметил, чтобы он прикрывал своим винчестером мои тыл, как обещал.

На плато повсюду росли одинокие деревья. И вот где-то на подступах к вражескому лагерю из-за такого дерева вдруг появилась знакомая фигура и, глядя перед собой горящими глазами, направилась в мою сторону. Это был. Глэнтон.

– Ты тоже здесь, ручной гризли, – дерзко заявил он. – А собирался ведь к пику Антилопы, или забыл? А может быть, заблудился? О-о, я тебя насквозь вижу!

– Что ты несешь? – Мне очень не понравился его тон. Со стороны подумать так это он имеет все права возмущаться, а не я.

– Сам знаешь не хуже меня! – закричал он, брызжа слюной. – Когда ван Брок вас вчера заподозрил, я ему не поверил, хотя вели вы себя странно – дальше некуда! Но сегодня утром я разглядел в кустах задницу этого дурня, твоего дяди, и понял, что тот шпионит за нами. Значит, ван Брок был прав. Значит, вам, нужно то же, что и нам, только приемы у вас подлые. Или станешь отрицать, что явились сюда за тем же?

– Не стану! – отвечаю я в лоб этому наглецу. – У дядюшки Джейкоба на него больше прав, чем у вас обоих. А раз ты утверждаешь, будто мы используем запрещенные приемы, то ты самый распоследний брехун, вот и все!

– Хватит! – рявкнул он. – К оружию!

– Мне не хотелось бы делать из тебя решето, – проворчал я.

– И я не горю желанием положить конец твоей земной карьере, – согласился он. – Но в этих горах вдвоем нам будет тесновато. Поэтому предлагаю снять пояса и сразиться врукопашную. У меня хватит сил выбить из тебя ослиное упрямство Элкинсов.

Я расстегнул пояс с кобурами и повесил на ветку, он положил свой на землю, а после въехал мне кулаком в живот, и в ухо, и по носу, и лихо смазал по челюсти, и выбил при этом мне зуб. Это вывело меня из равновесия, и я ухватил его за шею и бросил на землю, да так сильно, что чуть было не вытряхнул Биллову душу. Затем уселся ему на грудь и принялся колотить башкой о счастливо подвернувшийся булыжник, а Билл орал так, что жутко было слушать.

– Если бы ты вел себя как белый человек, – втолковывал я ему, – то получил бы свою долю золота.

– О чем ты болтаешь?! – прохрипел он, силясь дотянуться до рукоятки ножа за голенищем.

– О Затерянной россыпи, о чем же еще? – И я с удовольствием снова вцепился ему в уши.

– Постой-ка! – запротестовал он. – Ты хочешь сказать, что вы ищете золото? И больше ничего?

Я так удивился, что даже выпустил его лопухи.

– Ну да! А разве вы следили не за тем, чтобы завладеть картой дядюшки Джейкоба, на которой обозначена россыпь?

– Слезь с меня! – Глэнтон даже свистнул с досады и, воспользовавшись моим состоянием, спихнул со своей груди на землю. – Черт подери! – Он поднялся и стал выколачивать пыль из штанов. – Мог бы догадаться, что мой приятель всю жизнь витает в облаках. Видишь ли, после вчерашней встречи, а в особенности, когда ты упомянул каньон Дикой Кошки, он заявил, будто вы следите за нами, а кирки да лопаты – это, мол, так, для маскировки. Еще он заявил, что вы, без всякого сомнения, работаете на конкурирующее научное общество, хотите нас опередить и сами изловить дикаря.

– Что-о? Неужто ты думаешь, что под сплетнями вокруг дикаря и впрямь что-то кроется?

– Я на этот счет так полагаю, – научным тоном заявляет Билл. – Тот золотоискатель порассказывал мне о каньоне Дикой Кошки изрядно всякой чертовщины. Сначала над ним посмеивался, но он извел столько пороха, что под конец я уже готов был поверить всему. Вот почему я здесь в проводниках у чужака, и, кстати сказать, далеко не уверен, что ты с твоим дядюшкой тратите время с большей пользой.

– Когда сегодня утром, – продолжал Билл, – я наблюдал в кустах сначала физиономию, а после – задницу старого Джейкоба, я убедился в правоте, слов ван Брока. Вы и не думали отправляться к пику Антилопы. И чем больше я прикидывал и так и эдак, тем больше убеждался в мысли, что вы за нами следите, чтобы выкрасть нашего дикаря. Вот и решил раскрыть карты.

– Прекрасно, – подвел я черту. – Мы пришли к взаимопониманию: вам не нужна наша россыпь, а нам, понятное дело, ни к чему ваш дикарь. Лично мне этих дикарей хватает среди родственников на Медвежьей речке. Тащи вак Брота в наш лагерь и там объясним все ему и моему слабоумному дядюшке.

– Идет! – согласился Глэнтон, застегивая пояс с кольтами, и вдруг: – Эй! Что там еще?

Откуда-то снизу, из каньона, донесся вопль: «Сюда! На помощь!»

– Это ван Брок! – заорал Глэнтон. – Он в одиночку спустился в каньон! Скорее!

Рядом с лагерем находился овраг, спускавшийся на дно каньона. Мы скатились по нему вниз и оказались у отвесной скалы. Неподалеку в стене чернела расселина – вход в пещеру, а у самой расселины, запинаясь, ходил по кругу ван Брок и визжал, точно собака, которой прищемили хвост.

Потерявший прежнюю правильную форму пробковый шлем валялся на земле, и там же лежали очки. Голову профессора украшала шишка величиной с репу, а сам он, не переставая, исполнял то ли пляску привидений, то ли еще что-нибудь в том же роде.

Без очков со зрением у профессора было совсем худо: когда он нас заметил, из его груди вырвался пронзительный вопль и он наладился дать стрелкача по дну каньона видно, принял нас за новых врагов. Не желая устраивать скачки по жаре, Билл, стянув сапог, запустил им в ван Брока, и тот упал с воплем о помощи.

– Ко мне! – верещал он. – Мистер Глэнтон! На меня напали! Помогите!

– Да хватит вам орать, – проворчал Билл. – Здесь Глэнтон. Все в порядке. Брек, подай ему очки. Ну, рассказывайте, что тут стряслось?

Профессор несколько раз хватанул ртом воздух, нацепил очки и расширенными от ужаса глазами оглядел нас раза три с головы до ног. Потом он с трудом поднялся и, ткнув дрожащей, рукой в сторону пещеры, простонал:

– Дикарь! Сегодня я решил провести исследования в качестве частного лица, и только спустился в каньон, как сразу увидел его. Великан в шкуре кугуара, а в руке огромная дубина. Когда я попытался его задержать, он обрушил мне на голову убийственный удар и скрылся в расселине. Его обязательно надо поймать!

Я заглянул в пещеру. Там, царил полный мрак, и маломальскую наводку могла бы дать разве что сова. Тогда Глэнтон потуже затянул оружейную упряжь и говорит:

– Что-то там все-таки есть, Брек. Что-то ведь ударило профессора по голове. Об этом

каньоне рассказывают страшные вещи, сам не раз слышал. Пущу-ка я туда добрый заряд и...

– Нет, ни за что! – взвился ван Брок. – Науке он нужен живым!

– Что за крик? – неожиданно раздался голос неподалеку, и, повернув головы, мы увидели приближающегося дядюшку Джейкоба с винчестером в руке.

– Все в порядке, дядюшка Джейкоб, – говорю я ему. – Дикаря ловим. Им, оказывается, не нужна твоя Затерянная россыпь. Они и в самом деле охотятся за дикарем, а вот сейчас загнали его в эту пещеру.

– В порядке, говоришь? – Он недоверчиво помотал головой. – А мне вот кажется, что вместо того чтобы убивать время на всякого рода глупости, ты должен помогать мне искать мою пещеру. Тоже мне, помощничек!

– Ах, так! Ты лучше скажи, где тебя черти носили, пока мы с Биллом спорили до хрипоты!

– Я не сомневался, что ты возьмешь верх, и потому, не теряя времени, занялся каньоном, – не моргнув глазом, ответил дядюшка. – Ну ладно, хватит. У нас есть дела поважнее.

– А как же дикарь?! – воскликнул ван Брок. – Ваш племянник мог бы оказать неоценимую помощь в деле поимки и дальнейшей транспортировке сего великолепного экземпляра. Подумайте! Речь идет о науке! О прогрессе! О...

– О полосатом скунсе! – находчиво ввернул дядюшка Джейкоб. – Брекенридж, идешь ты или нет?

– Все, – говорю, – Теперь помолчите – оба! Я уже устал от ваших пререканий. Сделаем так: я войду в пещеру и выгоню дикаря наружу. Билл, как только появится, стреляй ему в заднюю ногу, тогда мы его живо скрутим.

– Но ты оставил на плато оба кольта вместе с поясом, – возразил Глэнтон.

– Они и не понадобятся. Ты же слышал – ван Брок запретил убивать дикаря. А если в темноте палить начну, то запросто могу его укокошить.

– Ладно, – говорит Билл, взводя курок. – Я вижу, тебе любой дикарь по плечу.

Так вот, вошел я, значит, в пещеру, а кругом тьма, хоть глаз выколи. Я ощупью двигался вперед и скоро обнаружил, что лаз разделяется надвое. Выбрав тот, что попросторнее, я скоро ткнулся в нечто крупное и мохнатое. Послышалось глухое «Вумп!», и кто-то сгреб меня в мощные объятия.

Я так и понял, что передо мной дикарь и что он не иначе как на тропе войны. Я накинута на него, он – на меня, и, сцепившись в неделимое целое среди кромешного мрака, мы топтались по неровному каменистому полу, кусались, мяли и рвали друг друга на части. Медвежья речка недаром славится борцами, и надо ли говорить, кто среди них наилучший, но все же этот чертов дикарь задал мне работенку! Он оказался самым крутым и самым волосатым парнем из всех, к кому я когда-либо прикладывал руку, а укусов и тумачков у него было припасено для меня столько, что с избытком хватило бы на троих. Он исступленно грыз меня, лапал по всему телу и с таким усердием возил по полу, что мне аж поплохело.

На какой-то миг показалось, что душа моя расстается с телом, но тут же я представил себе, каким унижениям подвергнутся мои родственники на Медвежьей речке, когда в округе прознают, что их чемпиона до смерти загрыз в пещере какой-то дикарь.

Мысль о небывалом позоре пробудила во мне зверя, мозг захлестнули кровожадные инстинкты, силы удвоились. В следующую минуту я отвесил этому типу такого тумачка, который уложил бы на месте любого – неважно, дикий он или ручной, да в придачу, размахнувшись хорошенько, от души лягнул противника в живот, да еще боднул несколько раз в нух, после чего он ослабил объятия и часто-часто задышал. Не теряя времени, я нащупал на его голове, то, что больше всего походило на ухо, запихнул в рот и упоенно принялся перемалывать челюстями.

И вот, не выдержав моего последнего аргумента, дикарь издал рычание, в котором не было ничего человеческого, отпрянул от меня и, разбитый наголову, ринулся к выходу, должно быть, зализывать раны на солнышке.

Я поднялся и, спотыкаясь на каждом шагу, побрел следом. Снаружи донесся единодушный. вопль, но выстрела не последовало. Впереди замаячил просвет, и скоро я показался в расселине пещеры – в крови, с головы до ног, вместо одежды одни лохмотья.

– Где он?-хрипло выкрикнул я. – Неужели упустили?

– Кого? – спрашивает Глэнтон, выходя из-за валуна, пока дядюшка Джейкоб и ван Брок спускались с дерева, росшего чуть поодаль.

– Дикаря, конечно, черт бы его... – прорычал я.

– Никакого дикаря мы не видели, – заявляет Глэнтон.

– Да? А кого же я тогда выгнал из пещеры?

– Мы только гризли и видели, – говорит Глэнтон.

– Ага, – осклабился дядя Джейкоб. – Это и был дикарь ван Брока. А сейчас, Брекенридж, если ты уже наигрался с медведем мы...

– Нет-нет! – испуганно завопил ван Брок, подпрыгивая от возбуждения. – Без сомнения, это был человек, я имею в виду то, что ударило меня по голове и скрылось в норе. Это не медведь! Он все еще там, если только из пещеры нет другого выхода.

Дядюшка Джейкоб заглянул в пасть пещеры и говорит:

– Да нету там никого. Даже дикарь не посмел бы забраться в логово гризли, а если бы и посмел, то остался бы там нав... У-а-у-у-у!

Из мрака пещеры со свистом вылетел камень и ударил дядюшку Джейкоба в живот. Дядюшка Джейкоб переломился надвое и ткнулся головой в землю.

И тут вспомнил.

– Ага! – воскликнул я. – Все ясно! – Потом взял у Глэнтона шестизарядник, взвел курок и говорю им: – В пещере есть развилка. Я выбрал не тот ход. Стойте здесь, только освободите перед дырой чуток места. На сей раз он от меня не уйдет!

С этими словами я ринулся в пещеру и, не обращая внимания на рой камней в воздухе, углубился в узкий ход. Было темно, как в запечатанной консервной банке, но, похоже, я не ошибся в расчетах – впереди слышался топот босых, ног по каменному полу. Я наддал ходу и тут заметил слабый свет. В следующий момент я завернул за угол и очутился в небольшом гроте. Из узкой. бреши в стене на высоте нескольких ярдов от пола падал солнечный луч. В неверном свете я увидел фантастическое существо, которое делало отчаянные попытки удержаться на крохотном выступе перед брешью.

– А ну слазь! – загремел по гроту мой голос.

Он словно не слышал. Тогда я подпрыгнул, одной рукой ухватился за край выступа, подтянулся и мертвой хваткой вцепился ему в ногу. Ощувив на своей лодыжке железные пальцы, существо дико взвыло и опустило мне на голову дубину. Удар был настолько силен, что под рукой обломился кусок скалы, и поскольку я не захотел расстаться с его лодыжкой, то со стены слетели мы оба. К счастью, я упал на камни головой и отделался шишкой, в то время как наиболее важные части скелета – ребра, например, – вообще не пострадали. Моему напарнику повезло меньше: он заехал макушкой мне в челюсть и потерял сознание.

Я тут же поднялся, ухватил пленника под мышки и потащил на божий свет, где нас дожидались остальные. Я свалил его перед ними на землю, и все вылупились на трофей, словно не веря своим глазам. Дикарь был великолепен: мужчина огромного роста со спутанными волосами и усами длиною в фут. Чресла дикаря прикрывала шкура кугуара.

– Белый человек! – От научной удачи ван Брок совсем ошалел. – Натуральный кавказец! Это величайшее открытие наших дней! Доисторический дикарь доиндейской эпохи! Потрясающий вклад в антропологию! Дикарь! Самый настоящий дикарь!

– Дикарь?! Черта с два! – встрял в излияния профессора дядюшка Джейкоб. – Это ж старина Джошуа Брэкстон, который всю прошлую зиму волочил за престарелой девицей, учительшей из Рваного Уха, да так и не уговорил ее выйти замуж.

– Это я-то ее уговаривал?! – взвился старина Джошуа, к которому вдруг вернулся дар речи. – Все хорошо, что хорошо кончается. Я боролся за свою свободу, как иные не борются за свою жизнь! Это она со своей родней пыталась женить меня на себе и превратила мою

жизнь в кромешный ад. Я все терпел, пока они не замыслили меня похитить и женить насильно. Тут у меня сдали нервы, и я удрал подальше ото всех. А чтобы отпугнуть людей, время от времени шатаюсь по горам в шкуре и с дубиной на плече. Единственное, чего я жажду,— это покоя, тишины и чтобы ни одной женщины поблизости, гори они все ясным пламенем!

Поняв, что надежды на дикаря рухнули, ван Брок не выдержал и разрыдался. А дядюшка Джейкоб снова завел свою песню:

— Поскольку идиотская выдумка насчет дикаря благополучно разрешилась, не пора ли нам заняться более важными делами? Джошуа, ты эти горы знаешь даже лучше меня. Помоги найти Затерянную россыпь, и я возьму тебя в долю.

А старина Джошуа и отвечает:

— Этой россыпи нет вовсе. Она просто привиделась полоумному золотоискателю, когда тот бродил по пустыне.

— Но у меня есть карта, купленная у мексиканца в Белой Кляче! — загорячился дядюшка Джейкоб.

— Дай-ка взглянуть,— говорит Глэнтон,— Черт возьми! Так и есть! Тебя надули. Сам видел, как мексиканец рисовал эту карту, а еще он сказал, что собирается продать ее одному старому ослу за бутылку виски.

Дядюшка Джейкоб уселся на обломок скалы и принялся накручивать усы.

— Все пропало,— еле слышно прошепел он. — Конец мечте! Надо возвращаться домой к супруге.

— Как видно, ты в отчаянном положении, если дело дошло до такого,— сочувственным тоном проговорил старина Джошуа. — Оставайся — ка лучше здесь. Правда, здесь нет золота, так зато нет и женщин.

— Бабы — это сплошь силки да капканы,— согласился Глэнтон.— Пусть ван Брока проводит кто-нибудь другой, а я останусь с Джошуа.

— Вам всем должно быть стыдно за такие слова о дамах,— я решил как-то приободрить этих разочарованных жизнью,— Я настрадался от дамского непостоянства даже больше, чем вы, змееловы несчастные, однако не держу зла на всю их породу. И что же еще, — продолжал я, все больше распаляясь в ораторском раже, — что еще в нашем паршивом беспокойном мире, нашпигованном кольтами, ножами, тарантулами и медведями, что еще, спрашиваю вас, джентльмены, может сравниться с женской лаской, красотой, с женской нежностью, которая...

— Вот он, негодяй-и-и!!! — взрезал воздух до боли знакомый скрежет ржавой пилы. — Не давайте ему уйти! Вздумает бежать — стреляйте!

Мы повернули головы. В пылу спора мы не заметили, как по оврагу в каньон спустилась кучка людей. Это были тетушка Лавака, шериф из Рваного Уха, а с ним еще человек десять. В руках все держали по дробовику, и все дула смотрели на меня.

— Не рыпайся, Элкинс,— предупредил шериф, явно нервничая. — Или получишь залп крупной дробы вперемешку с десятицентовыми гвоздями. Я достаточно о тебе наслышан, а потому принял крутые меры. Ты арестован за похищение дяди Джейкоба.

— Ты что, совсем спятил? — спрашиваю я его.

— А ты как думал?! — взвизгнула тетушка Лавака, размахивая в воздухе клочком бумаги.— Похитил бедного старого дядюшку, чтобы содрать за его шкуру выкуп! Чего тарачишься? Все прописано на этой самой бумаге, а внизу — твое имя. А еще написано, что ты отправляешься с дядюшкой Джейкобом дальше в горы и предупреждаешь, чтобы я вас не преследовала, то есть в открытую мне угрожаешь! Впервые в жизни я сталкиваюсь с подобной наглостью! Как только недотепа Джой Хопкинс передал мне твою дерзкую писульку, я, не медля ни секунды, побежала за шерифом. Джошуа Брэкстон! А ты с чего это вдруг вырядился в шкуру? Мой Бог! Куда мы идем! Эй, шериф! Что стоишь дурак дураком? Почему не надеваешь на него наручники, цепи, кандалы? Или испугался этого простофили?

— Все! — говорю. — Хватит! Здесь какая-то ошибка. Я и не думал никому угрожать.

- А где тогда Джейкоб? – спрашивает она. – Подавай его мне сейчас же, не то.
- Он укрылся в пещере, – сказал Глэнтон.
- Тогда я сунул голову в расселину и заорал в темноту:
- Дядюшка Джейкоб! Или ты выйдешь сам к своей половине, или я тебе помогу! – Он сразу вылез наружу – такой весь кроткий да пришибленный, что больно смотреть. Я ему говорю:
- Растолкуй ты этим идиотам, что я никакой не похититель.
- Все правильно, – отвечает, дядюшка. – Я сам взял его с собой.
- Черт бы вас всех побрал! – взорвался шериф. – Можно подумать, у меня нет других дел, кроме как устраивать бешеную погоню по горным тропам, да еще впустую! – Будь я проклят, если хотя бы еще раз послушаю женщину!
- Заткни пасть! – дикой кошкой взвыла тетушка Лавака. – Тоже мне, шериф называется!
- И все-таки, Джейкоб, чем занимался здесь с тобой дылда Брекенридж?
- Понимаешь, Лавакочка, он помогал мне искать Золотую россыпь.
- Помогал – тебе? – заверещала тетушка. – Так ведь я ж послала его доставить тебя домой! Брекенридж Элкинс! Знай, я обо всем расскажу твоему папаше. Такие ленивые, опустившиеся, отпетые, бесчестные...
- Заткнись ты! А-а-а-а! – заревел я дурным голосом, доведенный до белого каления ее красноречием. Сказать по правде, я редко распускаюсь настолько, чтобы орать во все горло, но сейчас был как раз такой случай. По каньону прокатилось громоподобное эхо, закачались деревья, с сосен градом посыпались шишки, а по склонам гор запрыгали камешки. С криком возмущения тетушка Лавака отодвинулась от меня подальше.
- Джейкоб! – заскрипела она. – Неужели ты позволишь этому бандиту разговаривать со своей супругой подобным тоном? Немедленно вышиби мозги из башки негодяя, чтоб впредь ему неповадно было так обращаться с женщиной.
- Ну, ну что ты, Лавакочка, – решил было успокоить супругу дядюшка Джейкоб. Но та не поддавалась на уговоры, а с размаху заехала ему кулаком в ухо, и дядюшкина голова нырнула промеж ног, к заднице. Видя такое дело, ван Брок, шериф и вся шерифова команда с такой поспешностью бросились в отступление вверх по оврагу, точно сам дьявол дышал им в затылки.
- Глэнтон отгрыз от пачки табака хороший кус и с ухмылочкой обернулся ко мне.
- Ну? Ты вроде бы хотел еще что-то сказать насчет дамских нежностей и ласки? Продолжай, мы слушаем.
- Нет, ничего! – отрезал я. – Женское общество не для меня. Решено: остаюсь с Джошуа, с тобой и с нашим приятелем-гризли!

Глава 11. Страсть к просвещению

Мы с Биллом, Глэнтоном и Джошуа Брэкстоном стояли на краю каньона и слушали удаляющийся голос тетушки Лаваки Гримз. По мере того как она все дальше от нас уводила дядюшку Джейкоба к домашним заботам, поток ругани становился глуше, а резкие, интонации смягчались.

– Полюбуйтесь, джентльмены, – кисло улыбнулся Джошуа, – вот идет самый несчастный подкаблучник гор Гумбольдта. К таким я испытываю лишь жалость, густо замешанную на презрении. Тот, кто боится женщин, не достоин иметь собственной души.

– А кто же мы тогда, интересно знать? – И в запальчивости Глэнтон швырнул оземь свою шляпу. – Какое мы имеем право осуждать Джейкоба, если сами из страха перед женщинами хоронимся в этих проклятых горах? Ты здесь, Джошуа, потому что боишься престарелой девы-учительницы, Брек – потому что ему сделала ручкой девчонка из Бизоньего Хвоста, а я – из-за обиды, нанесенной мне благоверной любительницей джина!

– Вот что я вам скажу, джентльмены, – серьезным тоном продолжал Билл. – Ни одной

женщине я не позволю сломать себе жизнь! Глядя на старого Джейкоба, я многому научился. Я не стану чахнуть в горах в компании закисшего отшельника и томящегося без любви гризли. А лучше отправлюсь-ка я в Бизоний Хвост, грабану кассу казино «Желтая собака» и махну с деньжатами в Сан-Франциско! Вот где отдохну душой! Яркие огни влекут меня, джентльмены. Мне надоело жить с оглядкой на шерифа. А вам советую набраться мужества и вернуться в родные стойла.

– Только,– говорю,– не я. Если я вернусь на Медвежью речку без невесты, Глория Макгроу сдерет с меня шкуру своим острым язычком.

– Что до моего возвращения в Рваное Ухо,– забурчал старина Джошуа,– то до тех пор, пока по соседству будет обретаться эта перезревшая девица, я предпочту одиночество и жизнь дикаря, хоть бы и до конца дней своих. А ты, Билл Глэнтон, поступай как знаешь.

– Да, чуть не забыл,– вдруг заявляет Глэнтон.– День, знаете ли, выдался такой суматошный, что никак не мог выкроить время, чтобы передать тебе: твоей перезрелой подружки больше нет в Рваном Ухе. Три недели назад она укатила в Аризону.

– Это новость! – Джошуа выпрямил стан и отбросил в сторону дубину.– Выходит, я могу спокойно вернуться и занять свое место среди людей? Хотя постой,– и он снова поднял дубину.– Что, если вместо одной отыщется другая карга? Эта школа, сляпанная недавно в Рваном Ухе, – сущий рассадник заразы! Язва на теле добропорядочного города! Благодаря ей нам теперь вовек не избавиться от юбок, стреляющих за мужчинами. Пожалуй, я все-таки останусь.

– Не волнуйся, – ответил Билл.– Я видел новую учительницу, определенную на место твоей мисс Старк, и могу тебя заверить, что такая молоденькая, да ладная, да симпатичная девушка никогда не позарится на хорька вроде тебя.

Я вдруг ожил.

– Постой-постой, как ты сказал – молоденькая и симпатичная?

– И ладная, что твоя бутылка из-под виски,– говорит он.– Впервые за годы жизни узнал, что учительница может быть моложе сорока и иметь лицо, отличающееся на вид от лежалой брюквы. Она прибудет в Рваное Ухо завтра утром восточным дилижансом, и насколько мне известно, ее собираются встречать весь город. Мэр даже произнесет речь, если, конечно, сможет достаточно твердо сидеть в седле, а потом замышляют веселье с танцами.

– Черт бы их всех побрал! – рявкнул Джошуа. – Никогда ничему не учился и не жалею об этом!

– Как знать? – говорю.– Вот мне иногда жалко, что я не умею читать и писать.

– Подумай, ну что в наших местах читать? Разве что этикетки на бутылках?

– И старина Джошуа довольно захихикал.

– Все равно – уметь читать должен каждый! – решительным тоном заявил я.– Жаль, что у нас на Медвежьей речке никогда не было школы.

– Просто диву даешься,– сказал Билл,– как смазливая мордашка может изменить у некоторых взгляды на жизнь. Помнится, мисс Старк как-то спросила тебя, как жители Медвежьей речки посмотрят на то, если она будет приходить к вам и учить ваших детей. Ты взглянул ей прямо в лицо и ответил, что это идет вразрез с принципами Медвежьей речки: подвергать мирное течение жизни ее обитателей воздействию развращающего образования. И тогда вы все как один встали против подобного кощунства.

Я не стал возражать, а ответил так:

– Я вижу свой долг перед подрастающим поколением Медвежьей речки в том, чтобы привнести в нашу жизнь зачатки культуры. У нас никогда не было школы, но – дьявол меня задери! – она у нас будет, даже если для этого мне придется уделывать всех тупоголовых ослов в горах Гумбольдта. Я сам построю дом под школу.

– А где возьмешь учительшу? – спрашивает меня старина Джошуа.– Кроме девчонки, что катит сейчас в Рваное Ухо, другой в округе не предвидится. А Рваное Ухо тебе ее не отдаст.

– Надо будет – уделаю и Рваное Ухо, – ответил я. – Не отдадут добром – возьму силой! Пусть у меня руки будут по локоть в крови, но я донесу грамоту и культуру до Медвежьей реки. Все! Время не ждет! Моя истомившаяся душа жаждет просвещения. Вы со мной?

– Хоть к черту на рога! – воскликнул Билл. – Моим разболтанным нервам не повредит небольшая встряска, а когда ты рядом, я всегда могу на это рассчитывать. А ты как, Джошуа?

– Вы оба психи, – проворчал Джошуа. – Но я недаром здесь жил, питаюсь орехами и заворачиваясь в шкуру кугуара, – я окончательно уверовал в свою святость. А. кроме того, чтобы переубедить Элкинса, надо сперва его убить, а у меня есть сильные сомнения, смогу ли я повернуть такое дельце, даже если и захочу. Веди нас! Я сделаю все возможное, чтобы отвратить от Рваного Уха угрозу образованности. Нет доверия учителям! – главный принцип моей жизни.

– Тогда, – говорю, – одевайся, да поживее.

– А у меня, кроме шкуры кугуара, ничего нет, – ответил Джошуа.

– Но ты же не можешь показаться в городе в таком одеянии!

– Могу и покажусь, – ответил на это старик. – В шкуре кугуара я смотрюсь не менее благопристойно, чем ты в своей рванине, оставленной медведем. А сейчас пойду и приведу лошадь – она у меня спрятана в соседней пещере. Итак, Джошуа сходил за своей лошадью, Глэнтон привел свою, я – Капитана Кидда, и сразу пошли неприятности. Капитан Кидд, похоже, принял Джошуа за какую-то новую разновидность кугуара. Всякий раз, когда старик оказывался неподалеку, Капитан срывался в погоню и загонял его на дерево, и стоило Джошуа спуститься, как конь немедленно вырывался у меня из рук и загонял моего компаньона обратно.

От Билла помощи так и не дождался – тот только хохотал без удержу, точно пятниста гиена, до тех пор, пока Капитан Кидд не почувствовал раздражение от этого гогота и не лягнул его копытом в брюхо. Билл улетел в чащу ельника и там прилег. Когда я вытащил его оттуда, выяснилось, что половина одежды осталась на ветвях, а прочая свисала с тела лохмотьями, так что вид у него стал не менее достойный, чем у меня. Мы так и не нашли его шляпу, поэтому он стащил с себя остатки рубашки и обмотал вокруг головы на манер индейцев апачей. В общем, тройка дикарей да и только! Внезапно меня обожгла ужасная мысль: ведь пока мы тут наслаждаемся жизнью, несчастное население Медвежьей реки продолжает прозябать в невежестве! Вот почему, когда Капитан в очередной раз встрепенулся, завидев Джошуа, я тут же привычно угостил его промеж ушей рукояткой кольта, и это произвело на него некоторое впечатление.

И вот наконец мы выступили. В арьергарде, сидя на попоне вместо седла, ехал на своей мосластой пегой кляче старина Джошуа. Оружия при нем не было, если не считать знаменитой дубины, с которой он наотрез отказался расставаться. Билла поставил между собой и Джошуа, чтобы держать по возможности подальше от зубов и копыт Капитана соблазнительную шкуру. Но каждый раз, когда ветерок доносил до ноздрей Капитана пикантный запах, он разворачивался всем телом и кусал Джошуа, правда чаще попадая по лошади Билла, иногда – по самому Биллу, и мне тяжело было слушать слова, которыми мои попутчики осыпали бедное животное.

Но, так сказать, в недолгих перерывах между раундами мы все же продвигались дальше по тропе, и в конце концов ранним утром, за несколько миль от города, выехали на дорогу, ведущую к Рваному Уху. Первым, кто нас заметил, оказался парнишка на гнедом, жеребце. Он с ходу повернул коня и, громко вопя, так рьяно запылil к городу, словно сам дьявол припечатал ему копытом под зад.

– Давайте догоним его и расспросим, приехала ли учительница! – предложил я друзьям, и мы бросились в погоню.

Но напрасно мы кричали этому дурню остановиться – он лишь прищипоривал гнедого. В разгар скачки полоумная кобыла Джошуа вырвалась вперед, в ноздри Капитану удазил запах кугуарьей шкуры, и, закусив удила, тот погнал чертову кобылу в сторону от дороги через

кусты, овраги, перелески, и прежде чем я сумел его остановить, мы отмахали мили три. Разумеется, когда мы вернулись на дорогу, и парня, и гнедого уже и след простыл. Тогда мы возобновили, свой поход к Рваному Уху. Как ни странно, завидев нас, люди, живущие при дороге, со всех ног мчались к домам, запирали засовы, а иные так и постреливали из окон. Пуля, отлитая не иначе как на бизона, отстрелила Глэнтону кусочек уха, и тот раздраженно заметил:

– Черт возьми! Они словно предчувствуют, что мы намерены лишить их школьной учительницы!

– Да откуда им знать! – говорю. – Бьюсь об заклад, пока мы пропадали в горах, между Рванным Ухом и Бизоньим Хвостом разразилась война.

– Тогда за каким чертом они стреляют в меня? – выразил удивление старина Джошуа. – В отличие от вас, мальчики, я не держу сторону Бизоньего Хвоста. Я сам из Рваного Уха.

– Сомневаюсь, чтобы они признали тебя, заросшего и в шкуре, – ответил я. – Эй, что там такое?

Перед нами на дороге показалось быстро приближающееся облако пыли. Сомнения скоро рассеялись: дико вопя и размахивая винчестерами, на нас мчалась толпа всадников.

– Ого! – воскликнул Глэнтон. – Что бы там ни затевалось, но будет лучше, если мы посторонимся. По всему видать, что джентльмены вышли на тропу войны и жаждут чьей-то крови.

– Спрячемся в кустах, – предложил я. – Но все равно пусть на меня нашьют чуму, торнадо, всех следопытов штата, но я доберусь сегодня до Рваного Уха!

Мы свернули в заросли, освободив дорогу, так что и слепой проехал бы, да только зря старались: всадники, человек сорок-пятьдесят, вломились в кусты следом за нами. Ведомые стариной Джошуа, мы то и дело сворачивали, петляли, брали напрямки, всячески запутывая след, и в результате к тому времени, когда объявились в Рваном Ухе, наши преследователи все еще плутали в зарослях. Вокруг никого не было, город словно вымер. Все двери были закрыты, ставни на окнах домов, магазинов и салунов опущены. Подозрительное дело.

Мы выехали на площадь. И тут из ближайшего дома послышалось – трах! – и добрый заряд дробы прошелся по усам старины Джошуа. При виде такого глумления над старостью я не выдержал: подъехал к дому, достал из стремени ногу и пинком высадил дверь. Внутри кто-то заорал и попытался выпрыгнуть в окно, но был остановлен карающей рукой Глэнтон. Приглядевшись, я узнал в барахтающемся человечке Исайю Барлоу, одного из коренных жителей городка.

– Что, черт вас всех раздери, означает такой нелюбезный прием? – зарычал на него Билл.

– Неужто ты, Глэнтон? – раскрыл рот Барлоу, часто-часто моргая глазами.

– А кто ж, по-твоему?! – рявкнул Билл. – Или ты принял меня за индейца?

– Ага, о-о! Я хочу сказать, что не сразу узнал тебя в тюрбане, – ответил Барлоу. Он огляделся, – Или я сплю, или передо мной Джошуа Брэкстон и Брекенридж Элкинс.

– А то! – фыркнул Джошуа. – Мы самые и есть!

– Ну и дела, – говорит тогда Исайя, потирая свою шею. – Не знаешь, что и подумать! – Тут взгляд его остановился на шкуре кугуара. Протерев глаза, он снова посмотрел на Джошуа, с сомнением качая головой.

– Где все? – спросил Джошуа.

– Видишь ли, – говорит Исайя, – некоторое время назад в город на взмыленной лошади влетел этот сопляк Дик Линч и принародно поклялся, что только что чудом избежал смерти от рук отъявленных злодеев, самых диких, кровожадных и свирепых, какие когда-либо спускались с гор.

– Парни, – во всеуслышание объявил Дик, – это не индейцы и не белые. Это те самые звероподобные дикари, о которых нам толковал профессор из Нью-Йорка! Один из них будет покрупней взрослого гризли, а конь под ним что твой лось, только раза в два побольше. Другой, чуть меньше первого, весь в рванине и безобразнее самого черта. На

голове у него убор индейца апачи. А на третьем так вообще ничего нет, кроме, шкуры кугуара на заднице, в руке огромная дубина, а волосы свисают аж до плеч! Как только они меня заметили,— продолжал, захлебываясь, Дик,— завопили так, что куда там дюжине чертей! — и поскакали следом, точно целая орда индейцев! Я — то, не будь дураком, тут же развернулся и поскакал в город, а по дороге всех предупреждал, чтобы прятались в домах и не высывались.

— Ну и только он, это сказал,— продолжал Исая Бардоу, — как все мужчины, которые на этот час находились в городе, вскочили на коней,— кроме меня, поскольку у меня на важной части тела вскочил прыщ,— и умчались встречать банду за городом, чтобы не допустить уличных боев.

— В жизни не видал таких дураков,— усмехнулся я. — Послушай-ка, а где ваша нова школьная учительница?

— Еще не приехала, — ответил Исая.— Она должна прибыть ближайшим дилижансом, и мэр с оркестром выехал ее встречать у переправы, через Желтую речку, чтобы потом, в сопровождении почетного эскорта, доставить. в город. Они отправились незадолго до того, как Дик Линч переполошил округу.

— Прекрасно! Вперед, друзья! — обернулся я к своему войску.— Мы тоже будем участвовать во встрече!

Мы нещадно погнали лошадей по дороге и скоро услышали впереди раскаты музыки, приветственные вопли толпы и беспорядочную пальбу — то есть все, что полагается слышать по случаю большого праздника. Видно, дилижанс уже прибыл.

— Что будем, делать? — спросил меня Глэнтон, и тут за нашими спинами раздался какой-то шум. Я оглянулся и вдалеке увидел все ту же банду психов из Рваного Уха. Они резво пылили по дороге, размахива винчестерами. Я сразу смекнул, что миром это дело не уладить: парни издаലെка нащипгуют нас свинцом и лишь потом посмотрят, кого это они так удачно подстрелили.

— Вперед! — заорал я.— Если ее увезут в город, нам их не одолеть, и мы никогда не получим учительши! Выход один — отбить силой! За мной!

Мы еще пуще припустили по дороге, миновали поворот и тут увидели дилижанс — на козлах сидели охранник с возницей, а рядом гарцевал мэр на лошади. Шляпу мэр держал в руке, а из всех его карманов и седельных сумок торчали горлышки бутылок виски. Мэр во все горло орал приветственную речь, пытаюсь перекричать грохот оркестра: труб всевозможных размеров, барабанов и волюнок. От этого тарарама лошади вздрагивали, прыдали ушами и то и дело порывались встать на дыбы. И через весь бедлам прорывался хриплый голос мэра:

— ... и мы сердечно рады приветствовать вас, мисс Девон, и приглашаем вступить в нашу тихую обитель, где жизнь, подобно ручейку, течет спокойно, без тревог, где души людей, возвращенных на хлебе, молоке и меде...

И тут из-за поворота вылетаем мы и ураганом врываемся в мирный ход торжественной процессии, а вслед за нами, в облаке пыли и порохового дыма, с проклятиями и гиканьем несется еще целая орава!

Не прошло и минуты, как на месте чинной встречи завертелось такое, что и вообразить невозможно: лошади сбрасывали седоков и дико ржали, все беспорядочно палили во все стороны, а упряжка дилижанса сорвалась с места и понесла, по пути выбив из седла некстати подвернувшегося мэра. Кроме свинца, неприятель пытался ошеломить нас гнутой медью, проверяя ею на прочность наши головы. А тут еще подоспели наши преследователи! На всем скаку врезавшись в гущу событий, разгоряченные погоней, они не стали отделять зерна от плевел, а пошли крушить и правых, и виноватых. Тем временем старина Джошуа наотводил душу, молотя дубиной направо и налево, Глэнтон пустил по головам рукояти длинноствольных кольтов, а я давил в лепешку всякого, кто заступал мне путь к дилижансу!

Глупые лошади развернули дилижанс и понеслись обратно — напрямик к Атлантическому океану, и никто — ни возница, ни охранник не могли их образумить. Но

Капитан Кидд в десять прыжков нагнал экипаж, и я, не замедля бешеного галопа, перепрыгнул из седла на козлы. Охранник сделал попытку продырявить меня из винчестера, но я перехватил ружье за ствол и зашвырнул в гущу ольховых деревьев, а так как он не успел вовремя отцепиться от приклада, то улетел вместе с винчестером. Не мешкая, я вырвал вожжи из рук возницы и развернул дурных лошадей мордами на запад. Повозка резко накренилась, и какое-то время казалось, что мы вот-вот опрокинемся, но все обошлось, дилижанс загромыхал вверх по дороге, и через миг мы вновь очутились в дыму и пыли сражения.

Примерно к этому времени до меня стало доходить, что сидящий рядом возница силится втиснуть мне промеж ребер нож, да такой огромный – не иначе как из мясной лавки. Вот почему мне пришлось спихнуть его с козел. Кстати, я считаю, что неразумно было с его стороны шататься потом по салунам и грозиться, будто он засадит меня за решетку. Ведь если человек, к примеру, вознамерился вспорхнуть с козел несущегося дилижанса, ему для начала следует хотя бы присмотреть себе подходящее местечко для посадки – тогда семерым, мужчинам не придется потом вытаскивать его голову из медного раструба бас-геликона.

А кроме того, почти убежден, что мэр также не отказался бы попенять мне при случае, а иначе он не орал бы благим матом после того, как меня угораздило проехаться по нему всеми четырьмя колесами. Нет моей вины и в том, что по нему протопал Капитан Кидд – просто мой конь следовал за дилижансом, на котором ехал его хозяин. Кстати, любой конь на месте Капитана вышел бы из равновесия, запнувшись об орущее человеческое тело, а потому не удивительно, что тот нарочно задержался, чтобы цапнуть мэра за ухо.

Что до прочих парней, которых зацепило, сбило с ног или по которым я проехался на дилижансе, то лично против них я ничего не имел, а всего лишь оказал поддержку Джошуа и Биллу, на которых навалилось человек по двадцать на каждого. Более того, я оказал населению Рваного Уха неоценимую услугу: еще немного – и вместо рукоятей кольтов Билл пустил бы в ход стволы, а это кончилось бы настоящим побоищем, Глэнтон вообще весьма невыдержанный парень.

К моменту моего вторичного появления на поле брани они с Джошуа вывели из строя невиданное количество неприятеля, однако битва не стихала. Дилижанс врезался в толпу. Я еще издали обратил внимание на груды тел и, проезжая мимо, нагнулся, запустил туда руку и извлек за шею старину Джошуа, которому яростно прореживала усы и баки по меньшей мере дюжина храбрецов из Рваного Уха. Раздумывать особо было некогда, и я забросил старика на багажную площадку дилижанса. Не успел перевести дух, как мы срезали фланг обширной свалки, центром которой был Глэнтон. Поравнявшись с Биллом, я словно клещами вцепился ему в ногу и выдрал его из мясорубки. Но трое парней не захотели расстаться с добычей, и мне пришлось усадить рядышком всех четверых. Затем я перехватил вожжи в одну руку, а другой принялся соскребать этих идиотов с тела Билла, как вычесывают клешей из шкуры коровы, и стряхивать под ноги преследующей толпы. Люди и лошади за дилижансом быстро спутывались в огромный клубок. Капитан Кидд старался от нас не отставать и копытами вносил свою лепту в общую сумятицу. В результате к тому времени, когда впереди, замаячили городские домики, противник остался далеко позади.

Окруженные плотным облаком пыли, мы прогромыхали по главной улице. Женщины и дети, осмелевшие за наше отсутствие, завопили и вновь бросились запираť двери, хотя мы не подали к тому ни малейшего повода. Эти, из Рваного Уха, вечно опасаются неизвестно чего.

Когда город скрылся из глаз и мы выехали на дорогу к Бизоньему Хвосту, я передал вожжи Биллу, а сам, перегнувшись назад, сунул головой в стекло дилижансовой двери.

Там в углу трогательным комочком сжалась девушка, такая хорошенькая, что и сказать нельзя. Ее личико покрывала смертельная бледность, в широко раскрытых глазах застыл ужас, и по всему было видно, что она, того и гляди, хлопнется в обморок я слышал, девушки из восточных штатов имеют такую склонность.

– О, пощадите! – воскликнула она, в мольбе простирая ко мне руки. – Пожалуйста, не снимайте с меня скальпа! Я не знаю вашего языка, но если вы понимаете по-английски, умоляю, сжальтесь надо мной...

– Все в порядке, мисс Девон, – говорю я ей. – Я не индеец какой и не дикарь. Я белый и мои друзья – тоже. Да любой из нас и мухи не обидит. Вы даже не поверите, насколько мы все здесь добросердечные, благовоспитанные люди и... – Но в этот момент дилижанс, наехав колесом на пенек, резко подскочил, и я прикусил язык. Боль была такая, что я в раздражении зарычал: «Билл, так тебя растак, сын такой сякой гигиены, чтоб тебе на том свете черти, гм-гм..., отъели. Останови лошадей, пока я не свернул твою разэдакую шею!»

– Сам попробуй, тогда и ори, башка с куриными мозгами! – запальчиво ответил он, но натянул вожжи, и через некоторое время лошади встали. Я снял шляпу и открыл дверцу дилижанса. Билл и Джошуа, сойдя на землю, заглядывали мне через плечо.

– Мисс Девон, – учтиво обратился я к девушке, – Прошу извинить за несколько сумбурную встречу, но вы видите перед собой человека, чье сердце истекает кровью при мысли о родных и близких, погруженных во мрак невежества. Меня зовут Брекенридж Элкинс с Медвежьей речки, где сердца чисты, помыслы благородны, но образование – ни к черту.

– Вы видите перед собой человека, – продолжал я, все сильнее распаляясь, – который вырос в невежестве. Я даже не в состоянии ни прочесть, ни написать собственного имени. Джошуа, тот, что в шкуре кугуара, тоже не может, не может и Билл, который...

– Вот и врешь! – вдруг заявляет Билл. – Я умею читать и даже... у-а-у-у! – Это я двинул ему локтем в живот, чтобы не высовывался и не смазывал впечатления от речи.

– Невежество людей вроде нас еще можно объяснить, – продолжал я. – В нашу бытность щенками о школах в здешних горах и не слыхивали. Уберечь свой скальп от ножа индейца почиталось куда большей заслугой, нежели умение покрывать каракулями грифельную доску.

Но времена изменились. И когда я вижу, как свежая поросль пребывает в том же невежестве, что и вековые дубы, сердце мое саднит от жалости к ним. Прежние оправдания уже не годятся. Большинство индейцев оставили эти места, и на пороге маячит эпоха просвещения и культуры.

– Мисс Девон, – пора было брать быка за рога, – почему бы вам не обосноваться на Медвежьей речке, чтобы учить уму-разуму наших детишек?

– Но... – попробовала возразить она, – я приехала на Запад, чтобы обучать детей в местечке под названием Рваное Ухо, хотя, правда, еще не успела подписать контракт.

– И сколько эти змееловы намеревались вам платить? – спросил я ее.

– Девяносто долларов в месяц.

– Мы на Медвежьей речке будем платить вам все сто, квартира и стол бесплатно.

– Но что скажут на это люди из Рваного Уха?

– Ничего! – отрезал я. – Я с ними уже договорился. Они настолько горячо воспринимают интересы Медвежьей речки, что и не подумают вмешиваться в дело, если за ним стоит имя Элкинса. Теперь их и упряжкой быков не затащишь на Медвежью речку!

– Ну, не знаю. – опять засомневалась она. – Все это так неожиданно. Мне, право, кажется...

Но я не дал ей закончить:

– Вот и чудесно! Замечательно! Прекрасно! На том и остановимся! Вперед!

– А далеко еще? – спрашивает она, и видя, что я взбираюсь на козлы, снова хватается обеими руками за край сиденья.

– Для начала, – говорю, – в Бизоний Хвост. Мне надо приодеться и нанять для вас смирную лошадку, потому как не сделано еще такое колесо, что доедет до Медвежьей речки. А после-прямоком домой! Н-но, лошадки! Свет культуры въезжает в горы Гумбольдта!

Ну так вот. Через пару дней мы с учительницей уже неторопливо ехали по горной тропке на Медвежью речку, а следом семенил мул с ее пожитками. Картина была

потрясающая: на мне покупная одежда и шляпа с пером, и башмаки, и мало ли чего еще! А под девушкой дамское седло – первое дамское седло в горах Гумбольдта! Она была просто прелесть, и всякий раз, когда я бросал взгляд на ее ладную фигурку, мое сердце начинало неистово биться от тяги к просвещению!

Я нарочно свернул с тропы, чтобы проехаться мимо ключа, из которого Глория Макгроу дважды в день брала воду. Сейчас как раз было ее время, и, конечно же, она была на месте. Заслышав стук копыт, Глория резко выпрямилась и что-то быстро заговорила, но вдруг ее взгляд упал на мою элегантную спутницу, глаза округлились, речь оборвалась на полуслове, а соблазнительный ротик так и остался распахнутым. Я придержал коня, снял шляпу и, взмахнув ею в воздухе, – жест, позаимствованный у одного шулера из Бизоньего Хвоста, – сказал:

– Мисс Девон, позвольте вам представить мисс Глорию Макгроу, дочь одного из самых почтенных граждан округа. Мисс Макгроу, это мисс Маргарет Девон из штата Массачусетс, наша будущая школьная учительница.

– Как поживаете? – вежливо так спрашивает мисс Маргарет, но Глория словно воды в рот набрала. Она стояла как вкопанная, глядя, на нас во все глаза. Ведро выскользнуло из ее руки и с плеском упало в ручей.

– Позвольте, я вам помогу, – учтиво сказал я и нагнулся в седле, чтобы поднять ведро, но Глория вздрогнула, словно ее кто ужалил, и заговорила неестественным, напряженным голосом:

– Не прикасайся к ведру! Не смей трогать мои вещи! И вообще отстань от меня!

Не отвечая на выпад, мы проехали дальше. Через некоторое время мисс Маргарет заметила:

– До чего красивая девушка! Вот только вела себя как-то странно.

Погруженный в свои мысли, я промолчал. Мне показалось, что на этот раз я сумел таки основательно задеть за живое Глорию Макгроу. Похоже, она наконец убедилась, что не напрасно я грозился привезти на Медвежью речку красавицу невесту. Но странное дело: я не испытывал и тени радости от своей долгожданной победы.

Глава 12. Война на Медвежьей речке

Папаша выковырял из моего плеча девятнадцатую по счету дробицу и сказал:

– Послушай меня, мой мальчик. Один единственный боров может внести в размеренную жизнь общины больший разлад, чем скандалы, разводы и запои отцов семейств, вместе взятые. К тому же – он замолчал на время, пока правил кривой нож о мой обожженный скальп. – К тому же, когда в сообщниках у свиньи выступает молодая леди – школьная учительница, чужак англичанин и свора наших кровожадных родственников, прочее мирное население не может безучастно наблюдать за событиями. А сейчас не дергайся – Бакнер будет пришивать тебе ухо.

Папаша, как всегда, говорил правду. Во всем, что случилось, не было моей вины. Джозел Гордон потерял свои зубы благодаря собственной небрежности, завирается и Эрат Элкинс, болтая всюду, будто я нарочно помял ему грудную клетку. В свою очередь, если бы дядюшка Джеппард Гримз не имел привычки совать свой нос в чужие дела, никому и в голову бы не пришло напигивывать этому почтенному старцу зад мелкой дробью. И уж совсем странно слышать, что, мол, только по моей лишь вине дотла сгорел дом двоюродного брата Билла Кирби. Мне также непонятно, почему я должен нести ответственность за ухо Джима Гордона, если его прострелил Джек Гримз? Я так полагаю, что любой в этой истории заслуживает порицания гораздо большего, чем я, а если кто не согласен, так я всегда готов подмести таким любую дорогу штата.

Но, кажется, забегаю вперед. Позвольте вернуться к тем дням, когда культура, впервые возвысила свой голос среди бесхитростного населения Медвежьей речки.

Я не врал, говоря о своем искреннем убеждении, что образование – вещь для подрастающего поколения, необходимая позарез. Поэтому немедленно по прибытии домой я собрал на поляне народ и догадался расположить людей подальше от мисс Девон, чтобы уберечь девушку от доводов толпы и избежать излишних опасений за ее блестящую будущность. Затем я изложил соплеменникам свой взгляд на вещи.

Как нередко бывает в свободном обществе, мнения резко разделились. Но по мере того как оседала пыль, а ветер относил в сторону пороховой дым, все больше выяснялось, что значительное большинство мыслит по-моему. И все же некоторые, были настроены резко против. Они орали, что из чтения книжек все равно ничего путного не выйдет, и мне стоило немалого труда убедить их в обратном. Пришлось даже повалять по поляне шестерых-восьмерых, пока у тех не наступило просветление мозгов и они не додумались до простой мысли, что учение – это не так уж и плохо, как кажется на первый взгляд. После этого они согласились рискнуть допустить мисс Маргарет до своих медвежат и лосят.

Дальше стоял вопрос об оплате. Когда я сообщил, что мы сошлись на ста долларов в месяц, все разом взвыли и завопили, что таких денег на Медвежьей речке и за год не сыскать. Но я устранил и это препятствие, сказав, что каждая семья внесет в общую копилку то, что сможет: мед, медвежьи шкуры, кукурузную водку, еще что-нибудь, а я ежемесячно буду спускаться в Бизоний Хвост и обращать товары в наличные. И еще добавил, что, так и быть, возьму на себя труд в конце месяца лично напоминать каждому о его долге, чтобы никто не чувствовал себя обойденным.

Потом поднялся спор о том, в каком месте ставить школу. Я хотел построить ее между папашиним домом и нашим загоном, но тут неожиданно восстал сам папаша и заявил, что надо быть последним идиотом, чтобы разрешить строить школу рядом с собственным жилищем, и что только сумасшедший согласится иметь под боком орущий и визжащий выводок, от которого разбежится вся съедобная дичь на несколько миль вокруг. И добавил, что если школу все-таки построят на расстоянии меньше мили от его дома, это будет означать лишь одно: у кого-то палец на курке сработал быстрее его, папашиного, и зорче оказался глаз. После жаркого спора, в ходе которого пять наиболее уважаемых граждан потеряли представление о месте и времени, было решено построить школу возле поселка на горе Апачей. К тому же по всей Медвежьей речке не нашлось более густонаселенного места. А мой двоюродный братец Билл Кирби согласился в счет своей доли предоставить учительнице стол и квартиру. Конечно, для меня было бы гораздо удобнее, если бы школа находилась рядом с моим домом, а мисс Маргарет столовалась бы у нас, но все равно, я был очень доволен – ведь и так смогу навещать ее в любое время, когда захочу. Так я и делал каждый день, и раз от разу она казалась мне все красивей.

Недели мелькали одна за другой и все шло как нельзя лучше. Во время визита она усаживала меня за стол и учила грамоте. Правда, ученик из меня получился неважный, и образование продвигалось со скрипом, чего нельзя было сказать – как мне тогда казалось – о делах сердечных. Но внезапно мирное течение нашего романа натолкнулось на корягу в образе породистого свинтуса по имени Дэниел Уэбстер.

Все началось с того, что по тропе из Бизоньего Хвоста появился некий самозванец, а с ним – Тэнк Уиллогби. Вообще-то, у Тэнка в башке мозгов не больше, чем полагается законопослушному гражданину Штатов, но на этот раз он проявил редкую башковитость, ибо, доставив британца по назначению, не остался погостить, как обычно, а напротив – развязавшись с поручением, заспешил обратно к себе в долину.

Почтительно держа в руке сомбреро, он безмолвно протянул в одной руке письмо, другой указал на незнакомца.

– Что ты тычешь в него лапой? – раздраженно спросил я, а Тэнк отвечает: – Я обнажил голову в память об ушедших. Привезти на Медвежью речку типа вроде этого – все равно что сунуть кролика в стаю голодных волков. – Он глубоко вздохнул и, покачивая головой, водрузил шляпу на место. – Псинас кошку разодратос.

– Какого дьявола ты там бормочешь? – спросил я.

– Это латынь, – ответил ! Тэнк. – По-нашему так будет – упокойся в мире.

И с этими словами он помчался вниз по тропе и скрылся в облаке пыли, оставив меня наедине с незнакомцем, который все это время глазел на меня, словно я чудо какое или теленок с двумя головами.

Я кликнул сестрицу Очиту, чтобы та прочитала письмо – читать ее уже выучила мисс Маргарет.

А было в том письме вот что:

«Дорогой Брекенридж!

Я представляю тебе. мистера Дж. Пемброка Пембертона, спортсмена из Англии, с которым познакомился недавно во Фриско. Он сказал, что разочаровался в Америке, потому как не нашел здесь опасностей и приключений, и уже собрался было отчалить в Африку, пострелять там слонов и львов, но я убедил его поехать со мной. Я сказал, что на Медвежьей реке он за неделю огребет больше передрыг, чем во всей своей задрипанной Африке за целый год. Но в тот самый день, когда мы нацелились в Бизоний Хвост, я наткнулся на старого знакомого из Техаса, и хоть о мертвых плохо не говорят, но мне очень хотелось бы, чтобы этот скунсов сын вогнал свою пулю куда-нибудь в другое место, а не в мою левую ляжку, где и без его стараний к тому времени их уже сидело три штуки. Короче, я валяюсь ныне пластом и никак не могу сопровождать Дж. Пемброка Пембертона на Медвежью реку. Ты обяжешь меня по гроб жизни, если сходишь с ним на медвежью охоту, покажешь прочие ваши забавы, заодно оградив от своих родственников. Я понимаю, что взваливаю на тебя тяжкую задачу, но речь идет о чести страны. Прошу как друг,

твой Уильям Гаррисон Глэнтон, ЭСКВАЙР».

Я осмотрел Пемброка с головы до ног. Среднего роста, да и сложением он мало походил на спортсмена. У него были желтые волосы, а щеки розовые, как у девушки. В тот день я впервые в жизни увидел настоящие джинсы и специальные, из дубленой кожи, башмаки для верховой езды. На нем висело забавное пальто с карманами, свой пояс он называл патронташ, а на голове, что твой гриб, сидела пробковая шляпа, перевязанная красной лентой. К седлу была привязана вьючная лошадь, нагруженная всевозможным хламом, среди которого я разглядел пять-шесть дробовиков и ружей разного калибра.

– Так вы, значит, и есть Пемброк? – сказал я ему, и парень радостно закивал в ответ.

– Ну да! А вы, без сомнения, тот человек, которого мистер Глэнтон отрекомендовал мне как Брекенриджа Элкинса?

– Он самый, – говорю. – Слезайте с лошади и пройдемте в дом. Сегодня у нас на ужин медвежатина с медом.

– Послушайте-ка, – начал он, едва успев встать на ноги. – Прошу меня заранее извинить за некоторую фамильярность, старина, но могу я узнать, не является ли впечатление, которое, несомненно, производит на окружающих ваш великолепный торс, в некотором роде уникальным?

– Не знаю, – говорю. А я и в самом деле ровно ничего не понял из того, что он тут намолотил. – Сам я всегда голосую за демократов. Он опять завел про свое, но в этот самый момент, привлеченные нашими голосами, из дома повылазили папаша с братцами Джоном, Биллом, Джимом, Бакнером и Гарфильдом. Сгрудившись у дверей, они принялись разглядывать гостя. Увидев их, гость слегка побледнел и произнес:

– Пардон. По-видимому, гиганты в здешних краях не исключение, а правило.

– Папаша говорит, что со времен его юности народ порядком измельчал, – объяснил я ему, – но нами он доволен.

За столом Пемброк навалился на жаркое, а когда я сказал, что завтра мы пойдем с ним на медведя, он спросил, сколько дней пути до медвежьей берлоги.

– Вот еще! – я даже фыркнул, услышав эдакую чушь. – У нас за медведем далеко не

ходят. У нас, если на ночь не запретить дверь, утром запросто можешь проснуться в обнимку с гризли. Того, что мы едим, сестрица Элеонора завалила прошлой ночью в свинарнике за домом.

– Мой Бог! – воскликнул гость и с интересом посмотрел на сестру. – А могу я спросить, уважаемая мисс Элкинс, какого калибра оружие вы при этом использовали?

– Я дала ему по голове оглоблей, – ответила Элеонора, и гость, замотав головой, пробормотал себе под нос: «Потрясающе!»

После ужина Пемброк занял мою кровать, а я расположился на полу.

С первыми лучами солнца мы уже были на ногах и готовы к походу за медведем. Пока Пемброк суетился с ружьями, из дома вышел папаша, покрутил усы и, покачав головой, с сомнением произнес:

– Слов нет, парень он воспитанный, но, боюсь, слабоват здоровьем. Я угостил его из своего кувшина, так он даже глотка не сделал, лизнул только, а уж так закашлялся, что, того и гляди, концы откинет. Ты смотри там с ним в лесу – поаккуратнее.

– Ладно, – говорю, а про себя подумал, что не стоит судить человека по тому, как он относится к папашиней водке. Для кукурузной водки с Медвежьей речки нужны местные же потроха.

– Будем надеяться на лучшее, – вздохнул папаша. – Но все же печально видеть, как молодой парень падает после доброго глоточка на дорогу. Куда ты его поведешь?

– К горе Апачей, – отвечаю. – Позавчера Эрат наткнулся там на гризли-переростка.

– Х-м-м-м, – промычал мой родитель, – Школа стоит на склоне той же горы, или это только совпадение, а, Брекенидж?

– Может, совпадение, а может, и нет. – Меня задели его прозрачные намеки, и едва Пемброк взобрался на лошадь, я сразу тронул поводья, не удостоив ответом саркастическое замечание, которое папаша проорал нам вслед:

– А может, есть связь между учебой и охотой на медведя? Или я ошибаюсь, сынок?

Пемброк оказался неплохим наездником, вот только седло под ним было престранное – вообще без луки. Зато ружье оказалось ни к черту: двустволка такая огромная, что запросто разнесла бы небольшую гору – по его словам, нарочно для охоты на слонов. Увидев, что я не захватил ружья, он вскинул брови и спросил, что я, собственно говоря, намерен делать, повстречайся мы с медведем. На это я ответил, что медведя оставляю ему, а на крайний случай у меня припасена пара отличных шестизарядных кольтов.

– Мой Бог! – воскликнул он тогда. – Уж не хотите ли вы сказать, что можно уложить гризли из колта?

– Не всегда, – говорю. – Порой возникает необходимость добавить еще и кулаком по башке! После этого мой спутник долгое время ехал, не проронив ни звука.

Мы подъехали к пологому склону горы Апачей, привязали лошадей в ложбине и пешком отправились через молодой лесок. Место для медведей было самое привольное – они частенько заглядывали сюда полакомиться свининой дядюшки Джеппарда Гримза, вольготно разгуливающей по склонам горы.

Но, как нарочно, в тот день все медведи точно провалились сквозь землю.

Вечер застал нас неподалеку от тех мест, где жили семейства Кирби, Гримзов и Гордонов. С полдюжины семей поставили свои дома на расстоянии не более мили друг от друга – ума не приложу, что хорошего они находят в эдакой тесноте? На их месте я давно бы уже задохнулся от недостатка воздуха, но папаша говорит, что у нас свободная страна и каждый имеет право сходить с ума по-своему.

Дома были скрыты деревьями, зато школа стояла совсем рядом, и я предложил Пемброку:

– Вы посидите здесь – вдруг да медведь мимо пройдет, а я загляну к мисс Маргарет Девон. Она учит меня читать и писать, а сейчас как раз время урока.

Я оставил Пемброка сидеть на бревне в обнимку со слоновьим ружьем, а сам направился напрямик через кусты и вышел к речке, рядом с которой стояла школа. Занятия

только что закончились, дети с визгом разбегались по домам, а в бревенчатом здании школы меня поджидала мисс Маргарет.

Прежде чем войти, я снял широкополую шляпу и сильно нагнулся, чтобы не трахнуться головой о дверную притолоку. Вид у девушки был несколько утомленный и растерянный. Поэтому я спросил:

– Что, мисс Маргарет, детишки опять бузили?

– О нет, – быстро ответила она. – Они очень вежливые, здешние дети! Я вообще склонна думать, что в обхождении жители Медвежьей речки гораздо вежливее прочих, за исключением тех случаев, когда они стреляют друг в друга. Я даже привыкла к тому, что мальчишки приходят на занятия с кольтами и кривыми ножами. Но здесь все настолько отличается от моей прежней жизни, от моих привычек, что прямо руки опускаются. Хочется бросить все и уехать.

– Ну что вы, еще привыкнете, – утешил я ее. Вот увидите – стоит вам только выйти замуж за какого-нибудь честного парня из местных, на которого можно опереться в трудную минуту, как все разом и переменится.

Она бросила на меня испуганный взгляд и прошептала:

– Выйти замуж? Здесь, на Медвежьей речке?!

– Конечно, – говорю, не замечая, как сами собой расправляются мои плечи. – Все только и гадают, на какой день выпадет событие. А сейчас давайте-ка займемся чтением. Знаете, а ведь я выучил все слова, что вы мне вчера понаписали.

Но она меня словно не слышала, а все продолжала о своем:

– Скажите, вы не знаете, почему вот уже несколько дней меня не навещают мистер Джозел Гримз и мистер Исая Гордон? До недавнего времени кто-нибудь из них непременно заглядывал вечером к мистеру Кирби отужинать.

– Да вы о них особо не волнуйтесь, – ответил я. – Джозелу, правда, придется еще недельку попрыгать на костылях, зато Исая может уже обходиться без посторонней помощи. С родственниками я всегда аккуратен.

– Вы с ними подрались?! – воскликнула она в ужасе.

– Да нет. Просто дал им понять, что вас тяготит их назойливость. – Я широко улыбнулся. – Вообще-то парень я покладистый, но соперников не потерплю.

– Соперников?! – Глаза ее раскрылись до невозможных пределов, и она посмотрела на меня, словно увидела впервые. – Вы хотите сказать, что вы... что я... что...

– Ну да, – говорю, скромно опустив очи долу. – Все на Медвежьей речке ждут не дождутся, когда вы назначите день нашей свадьбы. Видите ли, обычно девушки в здешних краях недолго ходят незамужними. Эй, что это с вами? – Я не на шутку перепугался, потому что мисс Маргарет вдруг смертельно побледнела, будто отведав чего-то такого, с чем никак не справится желудок.

– Ничего, – еле слышно ответила она. – Значит... значит, все думают, что я хочу выйти за вас замуж?

– Попробовали бы они думать иначе!

Она прошептала что-то весьма похожее на «Господи помилуй!», кончиком языка облизала губы и посмотрела, на меня так, точно вот-вот свалится в обморок. Я подумал, что не каждой девушке выпадает счастье, услышать предложение от самого Брекенриджа Элкинса, а потому не стал корить ее за такое поведение.

– Вы всегда были очень добры ко мне, Брекенридж, – слабым голосом начала она, чуть оправившись, – но... так сразу... все так неожиданно... я, даже не думала... мне и в голову не могло прийти.

– Я вас не тороплю, – сказал я. – Давайте подождем. До понедельника еще уйма времени. А я пока поставлю дом и...

«Б-б-бах!» – послышался выстрел, слишком сильный для винчестера.

– Элкине!!! – это орал Пемброк откуда-то сверху. – Элкинс! Сюда!

– Кто это? – воскликнула девушка, подпрыгнув так, точно ей на ноги плеснули ледяной

воды.

– Да ну его! – отмахнулся я. – Какой-то придурковатый англичанин, которого навязал мне Билл Глэнтон. Должно быть, медведь отдал ему ногу. Пойду гляну.

– Я с вами! – заявила девушка. По тому, как вопил Пемброк, я заключил, что мешкать не следует, и когда взлетел к уступу, где оставил в засаде гостя, мисс Маргарет не одолела еще и половины подъема.

Навстречу мне из рощицы выскочил сам Пемброк, что-то возбужденно выкрикивая на бегу.

– Я ранил его! – вопил он. – Уверен, что задел злодея! Но он скрылся в подлеске, и не решился его преследовать, ведь раненый зверь свиреп и коварен. Один мой друг вот такого же ранил в Южной Африке, так тот...

– Медведя? – спрашиваю.

– Какого медведя?! – заорал он. Кабана! А этот – самая свирепая тварь из всех, что попадались мне на мушку! Он удрал вон в те кусты.

– Странно, я не встречал здесь никаких кабанов. Ладно, стойте здесь, а я схожу посмотрю, что вы там подстрелили.

На траве цепочкой алели капли крови, и я понял, что кого-то пуля все-таки задела. Я прошел уже несколько сот шагов и совсем потерял Пемброка из виду, как вдруг напоролся на дядюшку Джеппарда Гримза.

Чтоб вы знали, если я не успел сообщить об этом прежде, дядюшка Джеппард один из первых среди переселенцев пришел в горы Гумбольдта. И сейчас точно так же, как пятьдесят лет назад, он носит одежду из выделанных шкур, обшитую бахромой, а на ноги не признает ничего, кроме мокасин. Одной рукой дядюшка нес кривой нож, а другой яростно размахивал в воздухе, зажав в ней нечто вроде штандарта. Из рта его вперемишку с проклятиями вылетали клочья пены.

– Проклятый живодер! – верещал он. – Нет, ты видишь? – Он ткнул мне под нос свой штандарт. – Точнехонько по хвосту бедняги Дэниеля Уэбстера, лучшего из беконовых хряков, топтавших когда-либо траву в горах Гумбольдта! Твой свихнутый приезжий покусился на его жизнь! Отстрелил хвост начисто, под самый корень! Ну да ничего! Я покажу ему, как уродовать моих скотинок! Я вырву сердце из его груди!

И он исполнил пляску войны с кручением свиного хвоста, разогревая себя на подвиг американской, испанской и индейской руганью.

– Остынь, дядюшка Джеппард, – строгим голосом сказал я. – Этот парень слегка тронутый, вот он и принял Дэниеля Уэбстера за дикого кабана вроде тех, что водятся в Англии, Африке и прочих странах. Он не замышлял ничего плохого.

– Ничего плохого, говоришь?! – дядюшка так и кипел от злости. – А как же насчет Дэниеля Уэбстера, у которого теперь хвост короче, чем у кролика? Это как, а?

– Хорошо, – говорю. – Вот тебе золотая монета в пять долларов – плата за хвост твоего борова, чтоб он сдох! И оставь Пемброка в покое!

– Золотом не купишь оскорбленной чести – гордо ответил дядюшка, однако цапнул монету, что голодный бифштекс. – Так и быть, на этот раз я не стану смывать обиду кровью. Но знай, что отныне я не спущу глаз с этого маньяка и в случае чего позабочусь, чтобы он больше не калечил мои окорока! – И с этими словами дядюшка Джеппард зашагал прочь, невнятно бормоча угрозы себе в бороду. А я поспешил обратно к Пемброку. Я застал его за оживленной беседой с мисс Маргарет, которая только что одолела подъем. Судя по всему, прогулка пошла ей на пользу: щеки учительницы разругались, в глазах поблескивали живые огоньки. Давненько я не видел свою невесту в таком приподнятом настроении.

– Невероятно! – говорил Пемброк, – В эдакой глуши встретить такую девушку!

– Не более, чем встретить здесь такого джентльмена, как вы, – несколько взволнованно отвечала, она.

– Ну, для спортсмена забираться в дебри – дело обычное.

Они были так заняты друг другом, что не замечали ничего вокруг. Поэтому мне

пришлось вмешаться:

– Все в порядке, Пемброк. Я не нашел вашу дичь, зато видел ее хозяина.

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом и говорит:

– Дичь? Какую такую дичь?

– Кабана, – говорю, – которому вы из своего слоновьего ружья отстрелили хвост. И когда в следующий раз вам попадется как бы дикий кабан, то имейте в виду, что в горах Гумбольдта они не водятся и что у вас на мушке беконный хряк дядюшки Джеппарда. Так что лучше не стреляйте.

– О да, разумеется! – рассеянно ответил он и снова повернулся к мисс Маргарет.

Я поднял его ружье, по недомыслию брошенное шагах в пяти, и сказал:

– Ну ладно, Пемброк, уже поздно. Пора идти. К темноте до папашиного дома нам не добраться, так что остановимся у дядюшки Сола Гарфильда.

Я уже говорил, что на горе Апачей люди понатыкали свои жилища чуть не друг на друга. Дом дядюшки Сола стоял у самого подножия, но от него до Билла Кирби, где жила и столовалась мисс Маргарет, не было и трехсот ярдов. Прочие дома облепили речку выше по течению.

Я предложил Пемброку и мисс Маргарет спуститься в селение, а сам отправился за лошадьми.

Я догнал их уже у дверей Кирби. Мисс Маргарет вошла в дом, и я увидел, как в ее комнате зажегся свет. Она привезла с собой масляный светильник – вещь, доселе невиданную на Медвежьей речке, мы как-то привыкли обходиться свечами и сосновыми лучинами. А еще она навесила на окна куски материи, называя их занавесками. Представляете? Говорю вам, у этой девушки были такие шикарные повадки, что и вообразить нельзя!

Мы прошли дальше, к дому дядюшки Сола: я вел в поводу лошадей, Пемброк – рядом. Вдруг слышу, он глубоко вздохнул и говорит:

– Изумительное создание!

– Вы о Дэниеле Уэбстере?

– Да нет же! – говорит. – С чего вы взяли? Я о мисс Девон.

– Это вы в самую точку, – говорю. – Она будет мне прекрасной женой.

Он повернулся ко мне так, точно я пырнул его ножом, в сумерках отчетливо выделялось его бледное перекошенное лицо.

– Вашей женой? – хрило выдавал он. – Вашей женой?!

– Ну да, – говорю я, рдея от гордости. – Правда, она не сказала еще последнего слова, но ставлю что угодно, своим сердцем уже не владеет.

– О-о! О-о-о! – застонал он, как от зубной боли. Потом утихомирился и нерешительно так меня спрашивает: – А что бы вы могли предпринять, если, предположим, просто предположим, знаете ли, что найдется еще один соискатель на ее несравненные достоинства?

– Вы хотите сказать, если какой-нибудь грязный скунсов сын задумает украсть мою девушку?! –И я так круто повернулся к гостю, что тот аж отскочил от неожиданности.

– Украсть мою девушку?! – взревел я. От одной этой мысли мои глаза застил красный туман. – Да я... Да я...

Слова повыскакивали у меня из головы. Я вырвал с корнем молодую сосенку, переломил ее об колено, а обломки забросил за реку.

– Вот самое малое, что я с ним сделаю! – прорычал я, тяжело дыша.

– Благодарю вас, – слабым голосом промолвил гость. – Теперь у меня имеется четкое представление о последствиях. – Больше он не сказал ни слова, и остаток пути мы проделали в гробовом молчании. Наконец впереди показался дом дядюшки Сола. Хозяин стоял на пороге в желтом свете, падавшем из открытой двери, и пятерней перелопачивал черную бороду.

На следующее утро Пемброк уже не проявлял к медведям прежнего интереса. Он заявил, что от долгого сидения в засаде, хождения и беготни по горе Апачей у него

разболелись мускулы ног. Сам я никогда прежде о таких штуках не слышал, но к тому времени уже порядком насмотрелся на всяких чужаков и разучился удивляться их выходкам. Просто на земле обитает такое особое племя неженков – и все. Я спросил, может быть, он хочет пойти порыбачить, и парень ответил, что хочет, и мы пошли.

Но не минуло и часа, как он заявил, что лучше вернется в дом дядюшки Сола и вздремнет пару часиков, причем идти захотел непременно один. А я остался и наловил здоровенную кучу форели.

Вернулся я ближе к полудню. На мой вопрос, проснулся ли Пемброк, дядюшка Сол ответил:

– О чем ты? Я не видел его с самого утра, когда вы оба отправились вниз по реке. Постой-ка, вон он идет сюда, только с другой стороны.

Пемброк не стал рассказывать, где он провел целое утро, а сам я его не спрашивал, ведь неженки все делают наобум, не подумав, потому и спрос с них невелик.

Мы пообедали форелью, а потом он, прихорашиваясь со всех сторон, достал из сумки дробовик и заявил, что сегодня ему хотелось бы поохотиться на диких индюшек. Честное слово, сколько живу на свете, не видал, чтобы на индюшек ходили с дробовиком, но я смолчал и на этот раз – от неженков иногда, знаете ли, еще и не такое услышишь. Итак, мы отправились вверх по склону горы Апачей. Возле школы я сделал остановку, чтобы предупредить мисс Маргарет, что, к сожалению, с уроком, у нас сегодня ничего не получится, а она и говорит:

– Знаете, пока я не повстречала вашего друга мистера Пемброка, я понятия не имела, как сильно отличаются такие люди, как он, от... ну, в общем, от жителей Медвежьей реки.

– Само собой! – говорю. – Но вы о нем, плохого не думайте. Он сам порой не ведает, что творит, а натура у него добрая. Нет, правда, нельзя же ожидать, чтобы каждый походил на меня. И знаете, я бы попросил вас об одном одолжении: вы уж будьте с дурачком помягче, как-никак он приятель моего друга Билла Глэнтона из Бизоньего Хвоста.

– Я постараюсь, Брекенридж, – тронутая моим благородством, взволнованно ответила она. Я от души поблагодарил ее, а в моей груди неистово забилось большое сердце истинного джентльмена.

Мы с Пемброком углубились в чащу леса. Очень скоро я почувствовал, что за нами следят. Несколько раз до моего уха долетал треск сухих веток под, чьими-то осторожными шагами, а однажды мне почудилось, будто за широкий куст юркнула неясная тень. Однако, когда я подбежал к нему, там никого не оказалось, а на сосновых иголках, плотным ковром устлавших землю, не осталось следов. В любом другом месте такие штучки заставили бы меня изрядно понервничать, потому как по земле ходит немало людей, которые не отказали бы себе в удовольствии пустить мне пулю в спину, но я твердо знал, что ни один из них не осмелится показаться на моей территории. Получалось, если кто нас и выслеживал, так наверняка кто-нибудь из родственников, а значит, не было оснований опасаться за шкуру, ведь не станут же они стрелять по своим без предупреждения! Но в конце концов мне это надоело. Я оставил Пемброка в середине небольшой поляны вместо приманки, а сам скользнул обратно в лес. Я решил сделать крюк по лесу вокруг поляны и посмотреть, что это за тип крадется за нами. Но только Пемброк скрылся за деревьями, как раздался выстрел.

Я изготовился было бежать обратно, как вдруг прямо на меня, вопя во все горло, вылетел сам Пемброк:

– Попал! Попал! Я ранил дикаря! – Продираясь сквозь кусты, он нагнул голову. Ничего не видя и не слыша от возбуждения, гость ткнулся башкой прямо мне в живот, да так, что отлетел, будто резиновый мячик, и, описав диковинными башмаками дугу в воздухе, приземлился в кустах.

– На помощь, Брекенридж! – взвыл он. – Скорей распутайте меня! Они уже идут по следу!

– Да кто «они-то»? – спрашиваю я его, выдергивая за ногу из цепких объятий кустарника.

– Индейцы! – взвизгнул он, прыгая передо мной, как сумасшедший, с дымящимся ружьем. – Проклятые краснокожие! Одного я подстрелил! Я вовремя заметил, как он крадется в кустах! Сам видел его ноги! Ей-богу, индеец, и на ногах не сапоги, как у белого, а настоящие индейские мокасины! Тихо! Слышите, как орет?

– Индеец не может так ругаться, – сказал я. – Скорее всего, вы подстрелили дядюшку Джеппарда Гримза. Наказав гостя не двигаться с места, я помчался через кусты на дикие вопли. Рядом с поляной, у самой кромки леса, я увидел дядюшку Джеппарда, катающегося по земле. Обе руки он крепко прижимал к тому, что находится ниже спины. Роскошные кожаные штаны на нем еще дымились, а слова повергли бы в ужас любого богохульника.

– У вас неприятности, дядюшка Джеппард? – участливо так поинтересовался я. Это вызвало новый приступ воя.

– Мое тело разрывает страшная боль, – проговорил он сквозь зубы, безжалостно коверкая слова, – а ты стоишь и потешаешься при виде моей агонии! И это родная кровь! Ах ты... жопа!!! – закончил он в ярости.

– Бросьте! – возразил я ему. – Из его ружьишка и блохи-то не застрелишь. Дробь не могла уйти глубоко под вашу дубленую шкуру. – Я вытащил нож и начал править его о подошву. – Ложитесь-ка на брюхо, дядюшка Джеппард, сейчас все выковыряю.

– Не прикасайся ко мне, отступник! – злобно зашипел он, с трудом поднимаясь на ноги. – Где мой винчестер? А теперь я требую, чтобы ты притащил этого британского потрошителя сюда. Я должен всадить в него ответный заряд! Запятнана честь Гримзов, а кроме того, испорчены мои новые штаны. Теперь только кровь может смыть позор, нанесенный фамильной чести!

– Да ладно вам! – попытался я его урезонить. Сами виноваты. Нечего было нас выслеживать.

Тут из дядюшки вырвался душераздирающий вопль.

– Это еще почему?! – бушевал он, брызжа слюной. – Неужели человек не имеет права защитить свою собственность? Я присматривал, чтобы ему опять не пришла охота отстреливать хвосты у моих свинок, а он, сукин сын, подстрелил меня, да еще в то же самое место! Знаешь что? Он – суший дьявол в человеческой шкуре, твой британец, чудовище, которое рыщет по нашим горам и алчет крови невинных жертв!

– Вовсе нет. Просто Пемброк принял вас за индейца.

– А Дэниеля Уэбстера – за кабана, – ехидно усмехнулся дядюшка Джеппард. – Да если его не остановить, он перебьет население Медвежьей реки от мала до велика и все по ошибке, а, ты его будешь защищать, да, чего доброго, еще и поможешь! Вот когда дома твоих родичей обратятся в пепел, а пепел обагрится кровью родных и близких, – вот тогда, надеюсь, ты поймешь, как допускать к мирным селениям, заморского убийцу!

Здесь чувства дядюшки Джеппарда хлестнули через край, и, запустив в рот усы, он принялся ожесточенно их пережевывать. Потом вытащил золотой, полученный за хвост Дэниеля Уэбстера, и швырнул монету к моим ногам

– Возьми назад свой презренный металл. – Он гордо вскинул голову. – День возмездия маячит у тебя под носом, Брекенридж Элкинс, и томагавк войны справедливо покарает тех, кто в роковую минуту отступился от своих кровных братьев!

– В какую минуту? – спрашиваю, а он мне в ответ только рыкнул и, прихрамывая, скрылся меж деревьев, проскрежетав через плечо:

– На Медвежьей реке еще найдутся люди, способные встать на защиту поруганной старости! А до этого англичанина-убийцы я все равно доберусь, даже если потом мне уже больше ничего не придется совершить в жизни. Ты еще сильно пожалеешь, что водил с ним компанию, дубина ты стоеросовая!

Я вернулся к насмерть перепуганному Пемброку, похоже, всерьез ожидавшему, что вот сейчас из кустов выскочит целое племя индейцев и отберет у него скальп. Я раздраженно сказал недотепа:

– Пошли. Завтра я отвезу вас куда подальше, и вы сможете свободно палить во все

стороны, не опасаясь угодить в призового борова или древнего бандита с упрямством осла. Когда дядюшка Джеппард заходится настолько, что начинает швыряться деньгами, самое время хорошенько смазать винчестеры и затянуть пояс с парой добрых кольтов.

– При чем здесь кольты? – спрашивает он. – Где индейцы?

– Да не было никаких индейцев, черт бы вас всех побрал! На Медвежьей реке о них не слыхали самое малое лет пять или шесть. Они... а, черт! Дюжина чертей! Вперед! Становится жарко! В следующий раз, как приметите что-то необычное, не торопитесь с пальбой, а лучше позовите меня. И запомните: чем больше в мишени будет сходства с волосатым дикарем, тем скорее перед вами один из достойнейших граждан Медвежьей реки!

Уже совсем стемнело, когда, мы вышли к дому дядюшки Сола. Пемброк взглянул вверх на тропу, ведущую к селению, и воскликнул:

– Мой Бог! Это что же – политический митинг? Посмотрите – натурально факельное шествие!

Я тоже посмотрел и говорю:

– А ну, живо! Спрячьтесь в дом, да не высовывайтесь!

Парень аж побелел весь, однако возразил:

– Если существует опасность, я настаиваю на...

– Настаивайте хоть на водке, хоть на виски, – говорю, – но оставайтесь в доме. Я сам все улажу. Дядюшка Сол, пригляди-ка за ним.

Дядюшка Сол был человеком дела. Крепко сжав зубами трубку, он положил одну руку Пемброку на холку, другой взялся за штаны пониже талии и зашвырнул англичанина в дом. Потом закрыл дверь и сел на крылечко.

– Лучше бы ты, дядюшка Сол, оставался в стороне, – предложил я ему.

– У тебя есть недостаток, Брекенридж, – ответил он, – туго соображаешь. Но ты приходишься сыном моей любимой сестре. И потом, я не забыл того колченогого мула, которого в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году Джеппард подсунил мне под видом здорового, да еще и содрал за него три шкуры. Пусть приходят!

И они пришли и расположились все перед домом: сыновья Джеппарда – Джек, Бак, Исайя и Джошуа, а еще Пол Каунти. Кроме этих пришли Эрат Элкинс и целый выводок, Гордонов, и куча Бакнеров и Полаков. Все приходились мне какой-никакой родней, кроме Джоэла Брэкстона, который затесался сам по себе. Но этот тоже имел на меня зуб, потому как строил свои планы относительно мисс Маргарет. Некоторые из парней держали факелы, а Пол Каунти Гримз – так тот даже веревку с готовой петлей. Дядюшки Джаппарда среди них я так и не заметил.

– Куда это вы с лассо на ночь глядя? – строго спросил я и загородил собою тропку.

– Говори, где этот негодяй? – выкрикнул Пол Каунти, воинственно крутя над головой веревкой. – Подавай сюда заморского громилу, который стреляет по беконным свиньям и беззащитным старикам!

– И что вы с ним сделаете? – спрашиваю.

– А мы его повесим! – заорали они, искренне веселясь.

Дядюшка Сол выбил пепел из трубки, встал и не спеша потянулся – точь-в-точь старый дуб с корявыми узловатыми ветвями. Он презрительно усмехнулся в черную бороду, как фыркает матерый волк, и нехотя произнес:

– А где же мой двоюродный братец Джеппард? Почему он сам за себя не скажет?

– Когда мы уходили, он доставал из шкуры двадцатую дробину, – пояснил Джим Гордон. – Обещался скоро быть. Брекенридж, нам не хотелось бы с тобой связываться, но без англичанина мы не уйдем.

– Так вот, – говорю я этой своре, – вы его не получите. Мне его препоручил Билл Глэнтон, и я обязан вернуть все в целости – и голову, и руки, и...

– И охота тебе тратить время на болтовню, Брекенридж! – мягко упрекнул меня дядюшка Сол. – Ты, что ли, не знаешь, что убеждать в чем-то отпрысков торговца хворыми

мулами – дело дохлое?

– Что же ты предлагаешь, старик? – осклабился Пол Каунти.

Дядюшка Сол одарил его благожелательной улыбкой и душевно произнес:

– Попробую обойтись нравоучением, а начну вот с чего... – и с этими словами он так лихо врезал Полу Каунти в челюсть, что тот перелетел через дворик и, удачно угодив головой в дождевую бочку, остался лежать там среди обломков, пока его не привели в чувство несколько часов спустя.

Уж если дядюшка Сол встает на тропу войны, остановить его нет никакой возможности. Только он отделался от Пола Каунти, как, издав боевой клич, подпрыгнул футов на пять, а когда вернулся на землю, держал в каждой руке по шее: в левой – Исайи Гримза, в правой – Джоэла Брэкстона. Как видно, под рукой у него не оказалось доброй метелки, так он почистил двор этими двумя.

Это послужило сигналом. Сколько ни ищи, в целом свете не найдешь другой потасовки, в которой увечь наносились бы с такой легкостью и охотой, как при выяснении отношений между родственниками на Медвежьей речке.

Пол Каунти еще не врезался в свою бочку, а Джек Гримз уже ткнул мне в лицо дулом кольта. Он выстрелил, но я успел шлепнуть ладонью по его руке, и пуля, пролетев мимо, прострелила ухо Джиму Гордону. Опасаясь, что своей легкомысленной стрельбой Джек, чего доброго, заденет еще кого-нибудь, я легонечко сунул ему кулаком, уж не помню куда, и никак не ожидал, что от такого пустячка, его челюсть съедет набок. Да только Джим, всерьез решив, что в несчастье, с ухом, кроме меня, винить некого, испустил сумасшедший вопль, вскинул дробовик и пальнул сразу из обоих стволов. Я нагнулся как раз вовремя, чтобы уберечь голову, зато принял большую часть заряда себе в плечо. Остаток изрешетил штаны Стива Кирби напротив задницы. Всегда обидно, когда на тебя с пеной у рта наваливаются твои же родичи, но я пытался держать себя в руках, а потому ограничился тем, что забрал у Джима ружье и разбил приклад в щепки об его же голову. А тем временем Джоэл Гордон и Бак Гримз, выбрав каждый по ноге, вцепились в меня мертвой хваткой, всеми силами стараясь повалить на землю. Джош Гримз повис на правой руке, двоюродный братец Пекос Бакнер молотил со спины по голове, а спереди, с кривым ножом, подбирался Эрат Элкинс. Я нагнулся и достал левой рукой до шеи Бака Гримза. Затем, махнув правой, отделался от Эрата Эдкинса. Правда, до того мне пришлось приподнять с земли липучего Джоша и крепким ударом спровадить подальше, а иначе он ни за что бы не согласился отпустить мою руку. Так что Элкинсу не очень-то и досталось: благополучно пролетев между заборными жердями, он приземлился на грядке с морковкой.

И тут я замечаю, что моя левая нога уже не занята – оказывается, Бак Гримз уже потерял сознание. Я выпустил его шею и стал лягаться вновь обретенной ногой направо и налево, вперед-назад, и не моя беда, что шпора запуталась в усах дядюшки Джонатана Полака и выдрала добрую их половину. После того как я стряхнул с руки Джима и управился с Эратом, я отобрал у Пекоса топор – тот размахивал им с такой небрежностью, что запросто мог поранить кого-нибудь, и я просто в толк не возьму, с чего это Пекос так настроен сейчас против меня – ведь черепушку-то он проломил себе сам, ударившись о дерево. Я так полагаю, что если ты наметил перелететь, скажем, из одного конца двора в другой, так не худо бы сперва научиться облетать препятствия. И, кстати, не упорствуй Джоэл Гордон в желании искушать мою ногу, он не оставил бы свои зубы в голенище моего сапога.

У меня руки были связаны мыслью, как бы не зашибить кого из родственников, а те, напротив, вконец обезумели от желания меня пришить, так что, несмотря на всю осторожность, число увечий нарастало с быстротой лавины. Одно это отрезвило бы любого, но только не жителей Медвежьей речки. Больших упрямцев не сыскать во всем свете! Трое или четверо снова налипли мне на ноги, словно не знали, что таким способом меня не свалить. А тем временем Эрат Элкинс, отдохнув на морковной грядке, снова пошел на меня с ножом.

Тогда я понял – как ни крути, а придется применить силу, и начал с того, что сгреб

Эрата Элкинса в братские объятия – вот почему у того вмялись пять или шесть ребер, после чего он перестал со мной разговаривать. Честное слово, не встречал второго парня, который так глубоко таил бы обиду на житейские пустяки.

А вот если бы он перестал дуться и пораскинул скудным умишком, то сразу оценил бы, насколько по – родственному мягко я с ним обошелся. И впрямь – урони я его под ноги, его непременно затоптали бы, потому как я раздавал удары ногой без разбора всем желающим. Вот почему, слегка подержав, я осторожно выбросил Эрата из толпы, и он врет всякий раз, когда утверждает, будто я нарочно швырнул его на вилы Озарка Гримза – мне вообще недосуг было разглядывать инвентарь, который они с собой притащили.

И в этот самый момент кто-то отсек мне топором ухо. Вот уж когда я не выдержал и начал понемногу выходить из себя. Вдобавок четверо или пятеро родичей лягали, кусали и дубасили меня все скопом и этим своим недостойным поведением вконец истощили мой природный запас мягкости и самообладания. Диким ревом, сорвавшим листья с ближних осинок, я выразил им свое недовольство и пошел махать руками, точно мельница. Через минуту мои невоспитанные родичи усеяли двор, как хурма устилает землю после внезапных заморозков. Затем я вцепился в лодыжки Джоша Гримза и принялся лупить им по головам тех ненормальных, кто еще держался на ногах, а Джош орал так, что со стороны подумать – так вроде с ним непотребно обращаются. И вот, когда двор принял вид настоящего поля боя, дверь дома вдруг распахнулась и целый потоп кипятка вылился на головы враждующих сторон!

На мою шею пришелся примерно галлон, и я не обратил на него особого внимания, зато прочие мгновенно приостановили военные действия и начали кататься по земле, и вопить, и ругаться, а дядюшка Сол, поднявшись среди кучи Бакнеров и Гримзов, возмущенно проревел:

– Женщина! Что ты себе позволяешь?!

В дверях дома с огромным чайником в руке стояла тетушка Завалла Гарфильд.

– Да прекратите вы изничтожать друг друга, идиоты вы этикие, – сказала она. – Англичанина давно уже и след простыл, Стоило начаться драке, как он выбежал через заднюю дверь, оседлал свою лошадку – и был таков! А сейчас, олухи, дети и внуки олухов, угомонитесь вы, наконец, или мне повторить?.. Господи Боже! Что это там за свет?

Со стороны поселка доносились крики, и мне показалось, что для нескольких факелов зарево что-то слишком уж сильное. И тут из леса выбегает Медина Кирби, одна из девчонок Билла, завывая на бегу, точно дикая индианка.

– Наш дом горит! – разобрал я в промежутках между воплями. – В окно влетела шальная пуля и угодила в масляную лампу мисс Маргарет!

С отчаянным криком я оставил поле битвы и помчался к дому Билла, следом бросились все, кто еще был в состоянии передвигаться. За время драки неоднократно разгоралась бешеная пальба, и, должно быть, одна из пуль долетела до окна комнаты мисс Маргарет. Семья Кирби успела вытащить во двор большую часть пожитков, кто-то таскал с реки воду, но когда я прибежал, крыша дома пылала огромным костром.

– Где мисс Маргарет?! – рявкнул я.

– Ой, она там – внутри! – заверещала миссис Кирби. – С потолка упала балка и легла как раз поперек двери в ее комнату! Мы не смогли ее открыть и...

Я схватил спасенное из огня одеяло, окунул его в бочку с водой и, подхватив под мышку, нырнул в огонь. Из главной комнаты на половину учительницы вела только одна дверь, заблокированная огромным брусом. Возиться с ним было некогда, и поскольку я слишком хорошо знал, что для моих плеч любое окно покажется узким, то наклонил голову и со всей силы протаранил стену. Несколько бревен сдвинулись с места, образовав достаточно широкую дыру, чтобы можно было пролезть в комнату.

Комната была вся полна дыма, и я чуть не ослеп от слез, однако разглядел неясную фигуру, ощупью пробиравшуюся к окну. С потолка, оторвался язык пламени, и огонь, кровожадно урча, лизнул мне голову, за шиворот просыпалось с ведра горящих угольев, но

этого даже не почувствовал.

Дым стоял такой, что хоть топор вешай. Ободрав кожу об головешки кровати, я схватил мисс Маргарет и, завернув в одеяло, поднял на руки. Как ни странно, мисс Маргарет оказала бешеное сопротивление: она норовила, лягнуть меня ногой, извивалась угрем, и хотя голос под одеялом звучал невнятно, я разобрал несколько таких словечек, каких меньше всего ожидал услышать от школьной учительницы. Правда, при истерике бывает всякое. Похоже, она уже начала привыкать к сапогам и даже нацепила шпоры – я это понял после первых же пинков.

К этому времени пламя охватило всю комнату сверху донизу; потолок прогибался все сильнее, и вздумай я пробираться обратно тем же ходом, то непременно превратил бы в жаркое и себя, и девушку. Я снова нагнул голову и мощным ударом проложил путь сквозь пылающую наружную стену, опалив при этом остатки волос, ресницы и брови. Обожженный, пошатываящийся, с драгоценной ношей на руках, я вышел прямо из огня и упал на руки милых родственников.

– Спасена! – прохрипел я, задыхаясь. – Снимите одеяло! Вы спасены, мисс Маргарет!

– Чтоб-ты... – донесся из-под одеяла глухой голос мисс Маргарет.

Дядюшка Сол запустил руку в сверток и резко выдернул обратно.

– Черт меня задери! – Он был явно обескуражен. – Если это школьная учительница, то со времени последней встречи она отрастила изрядные усищи!

Он сорвал одеяло, и нашим глазам предстала физиономия дядюшки Джеппарда Гримза с ополовиненными усами! Я аж взвыл с досады:

– За каким чертом ты туда полез, облезлый койот?!

– Я пришел свершить суд Линча, тупоголовый осел! – огрызнулся он. – А когда увидел, что горит Биллов дом, то влез в окно, чтобы спасти мисс Маргарет. В комнате ее не было, зато я нашел записку. И только нацелился обратно в окно, как ты, полоумный маньяк, сграбастал меня в одеяло.

– Где записка?! – взревел я дурным голосом. – Медина! Поди сюда, прочти!

В записке оказалось следующее:

«Дорогой Брекенридж. Мне очень жаль, но я не могу дольше оставаться на Медвежьей речке. Меня всегда смущали здешние нравы, а ваше желание непременно на мне жениться переполнило чашу. Я всегда видела, от вас только хорошее, но выйти замуж за гризли – это уж слишком. Если сможете, пожалуйста, простите меня. Сейчас, когда я пишу эти строки, со мной рядом находится мистер Дж. Пемброк Пембертон. Мы любим друг друга и, чтобы избежать неприятностей, выберемся через окно в задней стене дома, а потом уедем на его лошади. Передайте мой сердечный привет детям. Медовый месяц мы думаем провести в Европе.

С уважением, Маргарет Девон.»

– Ну, что ты на это скажешь? – дядюшку Джеппарда так и распирало злорадство.

– Где мой конь?! – заревел я, быстро теряя остатки разума. – Я догоню их и покажу кое-кому, как обходиться со мной по-подлому! Я сниму с него скальп, даже если придется отправиться в Европу или к черту на рога! Прочь с дороги!

Я уже расшвырял половину толпы, как вдруг по медвежьей хватке почувствовал, что на мне повис сам дядюшка Сол.

– Ну, ну, Брекенридж, – принялся он меня увещевать, стараясь пристроить также и ноги, болтавшиеся в разные стороны. – Не стоит им мешать, оставь их в покое. Девчонка сама сделала выбор, а ты...

– Отцепись от меня! – рыкнул я и стряхнул его, как спелое яблоко с дерева. – Никто не сможет меня остановить! Моя жизнь не будет стоить и цента, когда вся истори дойдет до Глории Макгроу, а потому я просто обязан вытряхнуть душу из шкуры вероломного британца! Дорогу оскорбленной чести! Да, и принесите мне мое ухо!

Глава 13. Как Медвежья речка вышла из берегов

Не помню, сколько миль промчался я той ночью, пока красная пелена перед глазами не начала понемногу рассеиваться, и я смог, наконец, оглядеться. Я знал, что все это время, не сворачивая, гнал по дороге в Бизоний Хвост. А еще я знал, что кроме как в Бизоний Хвост беглецам податься было некуда, и что, невзирая на фору во времени, по тропе Капитан Кидд догнал бы их в два счета. Но по мере того как исчезала пелена, ко мне постепенно возвращался рассудок. Это походило на пробуждение от ночного кошмара. Я придержал коня на гребне холма. Дальше тропа спускалась в лощину, вновь поднималась и терялась за гребнем другого холма. Начинало светать, и в серой дымке легкого тумана не было слышно ни звука. Я посмотрел на тропу – в пыли четко виднелись следы подков пемброковой лошади. След был совсем свежий – нас разделяло не более трех-четырех миль, и я мог бы словить их в течение часа. Но я подумал: «А чего ради я так стараюсь? Или у меня в голове совсем уже не осталось мозгов? В конце концов, девчонка имеет право выскочить за кого ей вздумается, и если у нее хватило ума выбрать не меня, а Пемброка, не стоит становиться у них на пути. Я не посмел бы коснуться и волоса на ее голове, а вот собираюсь резануть по сердцу, убив ее избранника. Ну и скотина же я в таком случае!» От этих мыслей мне стало до того стыдно и до того жалко себя – хоть волком вой!

– А, катитесь вы! Благословляю! – с чувством напутствовал я вероломную парочку и потряс им вслед кулаком. Потом повернул Капитана Кидда и поехал восвояси.

Я не собирался надолго оставаться дома и ждать, пока Глория Макгроу затеет меня свежевать, но надо было переменить одежду. От той, что еще на мне болталась, после драки и пожара остались одни обгоревшие лохмотья. Ко всему прочему, я потерял шляпу, а дробь, засевшая в плече, то и дело давала о себе знать осиными укусами.

Проехав с миллю, я пересек дорогу, ведущую из Лапы Кугуара к Ручью Гризли. Хотелось пить и есть, и я свернул к таверне, выстроенной недавно на берегу Мустангова потока в полсотне ярдов от перекрестка.

Солнце еще не взошло, когда я натянул поводья у коновязи, слез с седла и вошел в таверну. При виде меня бармен дико вскрикнул, попятился и, упав спиной прямо в лохань с водой и пустыми бутылкам и, громкими воплями начал звать на помощь. Я увидел, как к двери бара подошел какой-то человек и пристально посмотрел на меня. Что-то в его обличье показалось мне знакомым, но признал я его не сразу.

– Заткнись и живо вылезай из лохани, – нетерпеливо сказал я бармену. – Чего вылупился? Ну да, я это! Дай-ка выпить чего-нибудь.

– Извини, Б-брекенридж, – почти не запинаясь, ответил тот, поднимая грузное тело из хлябей лоханых. – Теперь-то я тебя узнал. Только человек я нервный, и ты не представляешь, даже, как сильно ты меня напугал: вдруг появляешься в дверях, а у самого обгорели и волосы, и брови, и ресницы, и вся одежда, да еще шкура черная от сажи. Какого черта ты...

– Хватит судачить о моей внешности, лучше поскорее налей виски, – рыкнул я на него, будучи не в настроении для легкомысленной болтовни. – И растолкай повара, да скажи ему – пусть нажарит побольше яичницы с бетоном.

Бармен поставил на стол бутылку виски, а после просунул голову в кухонную дверь и гаркнул:

– Нарезь свежего бекона да набей на сковородку побольше яиц! Брекенридж Элкинс требует корма!

Потом повернулся, и я спросил его:

– Кто это выглядывал вон из той двери?

– Ах, тот, – говорит. – Да это чуть ли не такая же знаменитость, как и ты, – Дикий Билл

Донован. Не доводилось встречаться?

– А как же, – усмехнулся я, наливая в стакан. – Он пробовал хапнуть у меня Капитана Кидда еще в мою бытность теленком. Пришлось помочалить его как следует, прежде чем парень внял голосу разума.

– Из всех, кого я видел, – говорит бармен, – этот – единственный, кто не уступит тебе в размерах. Хотя у него не такая широкая грудь и руки будут чуть покороче. Давай-ка я за ним схожу: вы поболтаете друг с другом, припомните добрые старые времена, а может, и...

– Не болтай ерунды, – проворчал я. – Грязный койот, которого ты мне навязываешь в компанию, годится разве что для доброй порции тумачков.

От таких слов бармен, похоже, порядком струхнул. Он снова отгородился от меня стойкой и принялся старательно начищать рукавом пивные кружки, пока я с мрачным достоинством на лице и рваниной на теле поглощал свой завтрак. Мне все-таки пришлось оторваться от еды и попросить задать корма Капитану Кидду. Не менее трех слуг со всех ног кинулись исполнять поручение. Не решаясь подвести к кормушке самого Капитана, они, засыпав побольше овса, додумались поднести ее к морде коня – вот почему копытом в брюхо досталось лишь одному. Когда моего коня берутся обихаживать люди мелкие, у них все получается на удивление нескладно.

Пока я кончал с завтраком, эти работнички вкапывали поглубже столбы новой коновязи и перетаскивали к ней кормушку, а когда закончили, я отвел к ней уже порядком изголодавшегося Капитана. Потом вернулся к бармену и говорю:

– Знаешь, у меня нет с собой денег, чтобы заплатить за себя и за Капитана Кидда, но сегодня вечером, в крайности ближе к полуночи, я загляну в Бизоний Хвост, раздобуду там денег и перешлю тебе. Сейчас я вконец разбит, но быть разбитым подолгу не в моих правилах.

– Хорошо, – говорит он, а сам глаз не сводит с моего опаленного черепа и эдак сокрушенно покачивает головой. – Если бы ты только знал, Брекенридж, до чего престранно ты выглядишь со своим лысым кумполом и...

– Заткнись! – рявкнул я. Мы, Элкинсы, очень болезненно переносим недостатки во внешности. – Это неудобство временное, и с ним придется смириться. Сделай одолжение – чтобы я об этом больше не слышал. А если какой-нибудь вонючий хорек вроде тебя рискнет проехаться насчет моих ожогов, я пушу ему пулю в лоб, чтобы впредь он учился держать язык за зубами. Запомнил?

Я намотал на голову остатки рубашки, взобрался на Капитана Кидда и отправился домой. На Медвежью речку прибыл где-то около полудня. Вся семья сбегалась ко мне, и каждому нашлась работа: кто выковыривал дробины из-под шкуры, кто смазывал ожоги, а братец Бакнер с помощью испытанного средства – сапожной дратвы – приладил на место ухо. Прочие исполняли всякую мелкую работу.

Мамаша заставила всех братьев поделиться одеждой и, подгоняя под меня, немного наставила рукава и штанины.

– Хотя вряд ли тебе ее хватит надолго, – посетовала она. – Никто на Медвежьей речке не относится к своей одежде с такой небрежностью, как ты, сынок. Если ее не сожгут прямо на тебе, так наверняка изрежут ножом, в крайнем случае – изрешетят дробью.

– Мальчики – всегда мальчики, мамочка, – успокоил ее папаша. – Просто наш Брекенридж полон жизни, кровь его играет, а душа то и дело взбрыкивает. Или я не прав, сынок?

– Суд по хриплому дыханию, – подала голос сестрица Элеонора, – душа в нем, кажется, добрыкалась.

– Как раз сейчас меня одолела тоска и напрасные сожаления, – мрачно ответил я. – Культура и образование на Медвежьей речке приказали долго жить, а вместе с ними и моя вера в людей. У себя на груди я пригрел змею с британским выговором, которая меня же и ужалила. Все, хватит! Я по горло сыт плодами просвещения и сердечной тоской! Пусть Медвежья речка возвращается к невежеству и кукурузной водке, мне же остается одно:

зализывать саднящие раны безответной любви!

– Что ты намерен делать? – сдвинув брови, спросил папаша, на которого моя речь произвела впечатление.

– Поеду в Бизоний Хвост. Не оставаться же дома, чтобы Глория Макгроу всякий раз доводила меня до помешательства своими насмешками. Удивительно, что она до сих пор не заглянула поиздеваться надо мной.

– У тебя же нет денег.

– Не беда, – говорю, – заработаю. Неважно как, но деньги достану. Уеду немедленно. Не хочу ждать, пока Глория навалится на меня со своим сарказмом.

И как только смыл с себя копоть, так сразу и отправился в Бизоний Хвост, одолив у Гарфильда стетсоновскую шляпу. А чтобы, мой лысый кумпол не пугал людей, нахлобучил ее на голову поглубже.

Закат застал меня в нескольких милях от таверны, где я завтракал, и не успел еще погаснуть последний луч, как меня окликнул какой-то субъект весьма необычной наружности.

Это был долговязый, неуклюжий парень ростом с меня, но весом не более ста фунтов. Руки высовывались из рукавов фута на три, из воротника торчала журавлиная шея с огромным кадыком, а над головой вместо нормальной стетсоновской шляпы возвышалась черная труба. На плечах незнакомца висело длиннополое пальто, штанины болтались пониже башмаков, но что меня сразило, так это его посадка: стремена были так коротки, что он, раскачиваясь, сидел в седле буквой N – колени едва не задевали плеч! Вообще, более странной личности я в жизни не встречал. Заметив его, Капитан Кидд издал презрительное фырканье и пожелал лягнуть престарелого гнедого в брюхо, однако я не позволил.

Но вот костлявое привидение, открыло рот:

– Не вы ли будете, – заговорило оно, – Брекенридж Элкинс – гроза медведей и кугуаров в обширных просторах гор Гумбольдта?

– Ну, Брекенридж Элкинс, – ответил я с подозрением на подвох.

– Значит, угадал! – ухмыльнулся тот. – Я проделал длинный путь ради этой встречи, Элкинс. Послушайте-ка, мой рыкающий гризли с горных хребтов: на небе может сиять только одно солнце, и только один чемпион может быть в штате Невада. Это я!

– Да неужто? – огрызнулся я, издали почуяв запах схватки. – Должен вам сказать, мистер, что насчет одного солнца и чемпиона я понимаю точно так же. Для крупных ставок вы слишком уж сухопары и долговязы, но я не намерен отказывать вам в драке, раз вы явились за этим издали. Слезайте с лошади, и я с превеликим удовольствием сделаю из вас отбивную! Нет ничего приятнее, чем вспахать несколько акров родной земли носом заезжего нахала, засеять его костями, а потроха развесить гирляндами по окрестным вершинам. Я к вашим услугам, мистер!

А он и отвечает:

– Вы ошибаетесь, мой язвительный друг. Я не имею в виду физический бой. Бесспорно, в драке вас не одолеть. Нет-нет, мистер Элкинс, поберегите вашу энергию для окрестных медведей и медвежатников. Мой вызов совершенно иного сорта! Напрягите память, мой великолепный орангутанг, у славы длинные ноги. Я Джадкинс Бездонное Брюхо, и мой талант в том, что я пью, не пьянея. От дубрав виргинского побережья залива, – продолжал ораторствовать он, – до прожаренных на солнце бочек, из того же дуба в Монтане я еще не встречал никого, кто в поединке со мной не упился бы вдрызг за время от восхода до заката. Меня вызывали на состязание знаменитейшие пьяницы гор и прерий, и все они, пропитавшись ромом, кончали бесславным поражением. И вот как-то раз, за много миль отсюда, я услышал ваше имя. Люди судачили о том влиянии, какое вы имеете на жителей округа, например, с какой легкостью меняете им черты характеров и физиономий, но сильнее всего они восхваляли ваши успехи по части истребления кукурузной водки. Итак, я пришел, чтобы бросить к вашим ногам перчатку.

– Ах, так, – говорю я, начиная прозревать. – Значит, вам хочется устроить поединок, кто

кого перепьет?

– Хочется – слишком слабо сказано, мой увесистый друг, – ответила эта жердина в цилиндре. – Я требую поединка!

– Тогда вперед, в Бизоний Хвост, – предложил я. – Там, постоянно околачиваются достойные, джентльмены, готовые ставить по крупному.

– К черту презренный металл! – скривился на мою мысль Джаджкинс. – Я – виртуоз стакана, мой массивный друг, и я плюю на деньги. Незапятнанная репутация – вот что волнует меня превыше всего.

– Ну, тогда. – я впервые столкнулся с таким щепетильным подходом к столь заурядному делу, как выпивка, – здесь рядом, на Мустанговом потоке, есть таверна. Может быть, там...

– Чтоб ей сгореть! – отрезал он. – Мой объемный друг, я презираю низкопробные забегаловки и дешевые таверны, где высокое искусство питья обращают в вульгарный балаган. Есть тут неподалеку одно местечко, где найдется все необходимое. За мной!

Он свернул с тропы, и примерно с милую я продирался за его лошадью сквозь куста, пока мы не выехали к небольшой пещере в утесе, узкий вход в которую прикрывали густые заросли. Он забрался в пещеру и тут же вылез, сжимая в руке горлышко галлонового кувшина с водкой.

– У меня в этой пещерке припрятан добрый запасец горячительного, – довольно объявил он. – Это надежное укромное местечко, куда никто не заглядывает. Здесь нам никто не помешает выяснить отношения, мой мускулистый самец с головой в кулачок!

– А на что будем, спорить? – спросил я, рассматривая свой кулачище. – У меня с собой ни цента. Вообще-то, я собирался в Бизоний Хвост поискать там какую-нибудь поденщину, чтобы сколотить деньжат на начальную ставку в покере, но ...

– А как насчет того, чтобы продать гигантское животное, на котором вы ездите? – И он метнул в меня пронзительный взгляд.

– Ни за что! – воскликнул я и для вящей убедительности показал ему предмет, с которым он сравнивал мою голову.

– А я и не настаиваю, – ответил тот. – Черт с ними, со ставками. Пусть это будет дело чести, славы и ничего более! Да свершится воля Божья!

И мы начали. Сначала он сделал глоток, потом: я, потом снова он, и едва я приложился к горлышку в четвертый раз, как кувшин показал дно и ему пришлось снова лезть в дыру. Так же быстро мы покончили и со вторым кувшином, и с третьим. Запасы Джаджкинса, похоже, были неисчерпаемы. После десятого кувшина я проникся уверенностью, что он доставил их сюда не иначе как с помощью каравана вьючных мулов. Я никогда прежде не видел, чтобы человек лакал водку в таких количествах, как лакал ее этот обтянутый кожей скелет. Я не спускал с него глаз, но всякий раз, сделав глоток, он опускал кувшин, и по бегающему вверх-вниз кадыку я убеждался – игра ведется честно. По мере того как мы закачивали в себя все больше и больше жидкости, его живот раздувался и в конце концов достиг совершенно немыслимых размеров. Вид его на фоне общей крайней худобы вызывал смех. Пальто на животе натянулось до предела. Еще кувшин – и во все стороны пулями брызнули пуговицы. Я вам не стану говорить, сколько мы выпили все равно не поверите; скажу лишь, что к полуночи полянка перед пещерой сплошь была усеяна пустой посудой, а руки Джаджкинса до того натрудились, что он едва шевелил пальцами. Луна, поляна, деревья – все уже вертелось вокруг меня в дикой пляске, а мой соперник даже не спотыкался. Правда, вид у Бездонного Брюха был бледный и изнуренный, а однажды до меня долетело: «Никогда бы не поверил, если бы не видел собственными глазами!», но все это мало помогало делу – он продолжал дуть водку, будто простую воду. Разумеется, я от него не отставал, потому как не мог же я допустить, чтобы какой-то проходимец, само воплощение нелепости, заткнул бы меня за пояс по части честного единоборства. Его живот раздувался все сильнее, и я уже не на шутку стал опасаться, что вот сейчас тот лопнет и окатит меня с головы до ног водкой или что там еще могло быть.

Прошло еще какое-то время, и вновь я слышу, как Джаджинс, отворачиваясь в сторону, бормочет: «Черт знает что такое! Да это и не человек вовсе! Остался последний кувшин, если и он этого медведя не свалит, то дело дрянь, значит, его ничем не прошибешь.»

До меня так и не дошло, что он имел в виду, а он протянул мне кувшин и сладеньким таким голоском спрашивает:

– Ну как, мой бездонный друг, найдется еще местечко?

– Давай кувшин! – пробормотал я, последним усилием воли пытаюсь распутать ноги и взять себя в руки, отхлебнул большой глоток – и больше уже ничего не помнил.

Когда проснулся, солнце уже высоко стояло над деревьями. Рядом пощипывал травку Капитан Кидд. Джаджинс исчез вместе с лошадей и пустыми кувшинами. Мой противник словно растворился в воздухе, не оставив никаких следов. Правда, во рту ощущался некий привкус, но я его описывать не берусь, поскольку есть такие слова, до употребления которых настоящий джентельмен опуститься не может. Скажу лишь, что я пребывал в таком состоянии души, словно сам себя высек по заднице – очень уж было обидно, что меня побил заезжий мешок с костями! Впервые в жизни я нализался до потери сознания, и даже честь родного округа не могла служить оправданием для превращения человека в свинью. Я оседлал Капитана Кидда и в сквернейшем настроении отправился в Бизоний Хвост, а по пути свернул к ручью и единым духом выхлебал пять-шесть галлонов воды. Почувствовав некоторое облегчение, я тронулся дальше, но не успел выехать на тропу, как услышал громкий рев. Я сразу придержал коня и скоро наткнулся на человека, который, оседлав пенек, выл так, что, того и гляди, сердце разорвется от жалости!

– Что случилось? – спросил я его, а он сморгнул слезы и воззрился на меня снизу вверх с самым скорбным и безутешным видом. Этот тоже оказался худосочным и носил не по размеру длинные, усы.

– Вы наблюдаете перед собою существо, – заговорил он, то и дело всхлипывая, – утопшее в водовороте несчастий. Жестокий рок водил моей рукой, когда я тянул карту из колоды судьбы. О, горе мне! – И он опять залился в три ручья.

– А ну, хватит! – говорю. – Наверняка могло быть и хуже! Да, черт подери!

– На мен нахлынула первая волна раздражения, а это дурной признак, – Хватит разводить сырость! Объясните толком! – что с вами стряслось. Я Брекенридж Элкинс и, может быть, сумею вам помочь.

Прошло еще какое-то время. Наконец рыдания стихли, и парень заговорил:

– Я вижу, вы человек благородных побуждений и доброго сердца, – утерев рукавом лицо, начал он. – Меня зовут Джефет Джелэтин. Случилось так, что в молодости нажил себе врага в лице богатого и влиятельного, но не слишком разборчивого в средствах, человека. Он огульно обвинил меня в мошенничестве и упрятал в полицейский участок, но я сумел вырваться на свободу и под вымышленным именем добрался до западных штатов. Ценой тяжких трудов и лишений я скопил немного денег, которые намеревался отослать своей страдалнице жене и невинным крошкам дочуркам. Но прошлой ночью я случайно узнал, что меня опознали и по моим следам уже идут полицейские ищейки. Мне удалось от них оторваться, но теперь вынужден бежать в Мексику, а моя бедная семья так и не получит денег. О! – продолжал он, блестя мокрыми глазами. – Если б нашелся внушающий доверие человек, которому можно было бы на время оставить мои денежки! Я бы написал своей горячо любимой женушке, кто является хранителем моих скудных сбережений, и она смогла бы прислать за деньгами надежного человека. Но страшусь довериться случайным людям. Ведь невыдержанный может проболтаться, и тогда кровожадные псы закона снова начнут преследовать меня день и ночь.

В отчаянии он посмотрел на меня и возопил:

– Юноша, у вас доброе, честное лицо! Не возьмете ли вы эти деньги на сохранение, чтобы потом передать для моей супруги?

– Хорошо, – ответил я голосом, исполненным благородства, – я сделаю это для вас!

От радости мой новый знакомый вскочил на ноги и быстрее ветра помчался к лошади,

привязанной неподалеку. Там он стащил с седла приличных размеров кожаный мешочек, на плече принес обратно и сунул мне в руки.

– Подержите денежки у себя, пока не прибудет посланец супруги, – сказал он. – Только обещайте, что с вашего языка ни слова не сорвется о том, где, от кого и когда вы их получили.

Я пообещал, а еще добавил:

– Если Элкинс дает слово, то будьте уверены – не нарушит его до конца своих дней. Теперь даже дюжиной мустангов не вытянуть из меня вашу тайну.

– Благослови вас Господь, юноша! – с жаром воскликнул он, вцепился в мою руку обеими клешнями и ну трясти вверх-вниз, точно воду помпой качал. А потом – прыг на коня и был таков.

Я подумал: «Бывают же на свете чудачки!», затолкал мешок в седельную сумку и продолжил путь в Бизоний Хвост. Тут я почувствовал, что голоден, и решил первым делом заглянуть в таверну. Но едва конь вышел на тропу, как сзади раздались крики:

– Стой!

– Именем закона!

Я повернул голову и увидел группу всадников, быстро приближающуюся со стороны Бизоньего Хвоста. Впереди всех скакал шериф, а чуть поодаль нахлестывали лошадей мой старик, дядюшка Джон Гарфильд, дядюшка Билл Бакнер и дядюшка Медведфильд Гордон. Как-то раз один образованный проезжий назвал эту четверку патриархами Медвежьей речки. Не знаю, что он там имел в виду, но только они вступают в дело тогда, когда законная власть выпускает поводья и уже не в состоянии поспевать за событиями. За шерифом, папашей и дядюшками пылили еще человек тридцать жителей Рваного Уха, то есть определенно не из моих друзей. Там же, к своему удивлению, я увидел и Дикого Билла Донована с ниспадающими на плечи черными лохмами. Бок о бок с ним скакали три весьма неприветливые личности.

Люди из Рваного Уха держали в руках дробовики и винчестеры, что было не совсем понятно – похоже, эта орава явилась сюда за тем, чтобы меня арестовать, а я ничего плохого за собой не числил – ну, разве что перехватил у них недавно школьную учительницу. Но то были дела минувших дней, и если бы они решились меня арестовать, то уж будьте уверены – не стали бы тянуть с расплатой.

– Вот он! – заорал шериф, тыча в мою сторону винчестером. – Руки вверх!

– Не валяй дурака! – зарычал папаша и выбил ружье из рук шерифа. – Или хочешь, чтобы тебя с твоей командой перерезали, как скотину? Давай сюда, Брекенридж, – крикнул он, и я подъехал, слегка обескураженный. Мой старик выглядел явно обеспокоенным: хмурый на вид, он постоянно дергал себя за бороду. Лица моих дядюшек оставались каменно-бесстрастными, точно лица краснокожих.

– Что за тарарам вы подняли? – осведомился я.

– Сначала сними шляпу, – приказал шериф.

– Слушай ты, скунсов хвост, – с чувством говорю я ему, – если думаешь содрать с меня скальп, то позволь сперва заметить, что...

– Он шутит, – хмыкнул папаша и повернулся ко мне. – Сними шапочку!

Ничего не подозревая, я послушался, и сразу тройка спутников Билла и еще один из Уха подняли крик:

– Это он, тот самый человек! На нем была маска, но когда он снял шляпу, все увидели, что голова у него безволосая. Ну, конечно, это он! Другого и быть не может!

– Элкинс, – говорит мне шериф, – ты арестован за ограбление дилижанса на дороге в Рваное Ухо.

Мои руки судорожно метнулись к рукояткам кольтов. Движение было машинальное, я даже не сознавал, что делаю, но шериф страшно заорал и плашмя бросился на землю, его люди вскинули винчестеры, и папаша поспешил оказаться между нами.

– Стволы вниз! Живо! – зарычал он, один шестизарядник наставив на меня, другой – на

команду шерифа.— Первый, кто посмеет спустить курок, захлебнется собственной кровью!

— Да не собираюсь я никого убивать! — в отчаянии от всеобщей глупости взвыл я.— Вы мне, только одно скажите — что здесь, черт подери, происходит?!

— Можно подумать, он не знает! — ухмыльнулся один из парней.— Строит из себя невинного бэби! Эй! Ой-ой!

Это мой старик, привстав в стременах, съездил насмешнику по голове стволом кольта. Охотник до шуток мешком повалился на землю и пополз. Из рассаженной макушки нехотя сочилась струйка крови.

— Еще есть охотнички позубоскалить? — рыкнул папаша, окидывая людей шерифа разъяренным взглядом. Как видно, у остальных пропало настроение, потому что все вокруг присмирели. Тогда папаша повернулся ко мне, и я увидел капли пота, выступившие у него на лице. Мне это показалось странным — ведь погода стояла не слишком жаркая.

— Брекенридж, — заговорил он, — вчера поздним вечером в нескольких милях от Рваного Уха остановили и ограбили дилижанс. Негодяй, сделавший это, не только забрал деньги, часы и кой-какие вещи пассажиров, но, что самое скверное, стрелял в кучера, старика Джима Хэригана, причем по-глупому, безо всякого повода, и вот старина Джим: лежит сейчас в Рваном Ухе с простреленной ногой.

— Эти придурки думают на тебя,— продолжал папаша. — Еще до рассвета они заявили к нам на Медвежью речку — впервые в жизни я столкнулся с такой наглостью — и мне с твоими дядюшками стоило немало усилий удержать наших от побоища. Вся Медвежья речка прямо пеной исходит. Вот эти неклеимые телята, — папаша ткнул пальцем в четверку, узнавшую меня,— ехали в том дилижансе. Ты знаешь Неда Эшли, самого крупного торговца из Рваного Уха. Остальные — все народец пришлый. Говорят, их зовут Харли, Джексон и Слейд. А еще говорят, что у них грабнули солидную сумму.

— Так оно и было! — зашумел Джексон.— У меня негодяй отнял кожаный мешочек, битком набитый золотым песком и самородками. Говорю вам — вот этот и отнял! — И он указал на меня. Мой старик обернулся к Неду Эшли:

— Что скажешь, Нед?

— Знаешь, Билл,— нехотя ответил тот,— мне чертовски неприятно, но я не вижу никого, кто бы еще мог это сделать. Размерами грабитель — в аккурат твой Брекенридж, а ты ведь знаешь, что таких крупных парней не часто встретишь. Правда, под ним был не Капитан Кидд, а большой гнедой коняга, и лицо скрывала маска, но, отъезжая, он снял шляпу, и при ясной луне и твердой памяти мы хорошо разглядели его голову. Волос на ней вообще не было — точь-в-точь как сейчас у Брекенриджа. Причем впечатление такое, что ворюга не по природе лысый, а то ли опалил свои волосы, то ли недавно обрил голову.

— Значит, так, — подвел итог шериф. — Если парень не докажет свое алиби, я его арестую.

— Брекенридж, — снова вступил папаша,— где ты был вчера поздно вечером?

— Валялся в лесу вдрызг пьяный.

По толпе всадников прошелся шумок недоверия.

— Надо же,— говорит папаша.— Вот не думал, что в одном месте может оказаться столько виски, чтобы хватило свалить тебя с ног. Что-то на тебя не похоже. А с чего вдруг? Или все не можешь забыть ту соплюшку?

— Да нет,— говорю.— Просто я повстречал джентельмена с трубой на голове по имени Джадкинс Бездонное Брюхо, и мы поспорили, кто больше выпьет кукурузной водки.

— Ты, конечно, выиграл? — быстро спросил папаша.

— Нет, — от стыда я был готов провалиться сквозь землю. — Проиграл.

Мой старик скривил физиономию и что-то презрительно забормотал себе в бороду.

Тут за дело снова взялся шериф:

— А мог бы ты сказать, куда потом направился этот проходимец Джадкинс?

— Не знаю. Он уехал, когда я еще спал.

— По-моему, все это звучит весьма неубедительно,— встрял Дикий Билл Донован,

любовно оглаживая пятерней черные лохмы и сплевывая на землю.

– Кому здесь интересно, что ты думаешь? – взъярился я, метнув в него убийственный взгляд. – Что ты все вынюхиваешь в горах Гумбольдта? Снова хочешь оттягать у меня Капитана Кидда?

– Да и думать забыл о той скотинке, – ответил он. – Не в моих правилах подолгу вострить зуб на ближнего. Просто я случайно ехал по дороге из Рваного Уха, и когда мимо промчался шериф с командой, из чистого интереса поехал за ними.

– Будешь меня подзуживать, огребешь такой интерес – до утра не дотянешь! – пообещал ему.

– Хватит! – вновь заговорил, папаша. – Брекенридж, даже я вынужден признать, что твое алиби выглядит очень уж бледным. Подумать только: чтобы некто с дурацким прозвищем Бездонное Брюхо и трубой на голове перепил самого вместительного из Элкинсов! С ума можно сойти! Ну да все равно мы постараемся разыскать этого олуха, и если тот подтвердит твои слова, то...

– Он запихнул мое золото в седельную сумку! – крикнул Джексон. – Я сам видел. А у этого седло точно такое же! Надо заглянуть в его сумки, уверен – золото там!

– Валяй, смотри, – великодушно позволил я, и шериф с превеликой неохотой направился к Капитану Кидду, пока я сдерживал рвущееся наружу желание коня вышибить шерифовы мозги. Он стал запускать руку во все сумки по очереди, и я никогда не забуду, как вытянулось папашино лицо, когда на свет появился кожаный мешочек Джефета Джелэтина. А я то про него совсем забыл!

– Ну, что ты теперь скажешь? – воскликнул шериф.

Я ничего не ответил. Никогда, даже под виселицей, Элкинс не нарушит данного слова!

– Это мое золото! – завопил Джексон. – На мешке должны быть оттиснуты мои инициалы, «Д.Д.», то есть – Джуда Джексон!

– Вот они, – объявил шериф. – Д. Д., Джуда Джексон, все правильно.

– Буквы означают другое имя, – возразил я. – Они означают... – я вовремя прикусил язык: ведь назовия имя Джефета Джелэтина, получилось бы, что я нарушил слово и выдал чужую тайну. – Это не его золото, – пробормотал я, – и я его ни у кого не крал.

– Тогда откуда оно у тебя? – спрашивает шериф. А я угрюмо так отвечаю:

– Это мое дело, вас оно не касается.

Папаша снова поспешил вмешаться. Капли пота на, его лице слились в ручейки.

– Черт возьми! Да скажи ты хоть что-нибудь! – В его рычании угадывалось беспокойство. – Не сиди столбом! Еще ни одного Элкинса не обвиняли в краже, но если это твоих рук дело, лучше признайся честно! Я требую, чтобы ты сказал, откуда у тебя это золото! Если оно не с дилижанса, почему ты не ответишь прямо?

– Я дал слово, – тихо ответил я.

– Тысяча чертей! – взорвался папаша. Похоже, ты и впрямь ограбил дилижанс! Какое грязное пятно на репутации Медвежьей речки! Но даже если ты и совершил кражу, эти тупоголовые горожане не упрячут тебя в свою паршивую тюрьму! Ты мне прямо скажи: «Я сделал это!», и если понадобится, мы живо раскидаем это сборище!

Я увидел, как дядюшки за папашиной спиной стали сбиваться плотнее и уже поднимают винчестеры, но от всей этой неразберихи голова у меня пошла кругом, и я никак не мог сосредоточиться.

– Да не грабил я ваш чертов дилижанс! – Тут уж поневоле медведем заревешь. – Не могу сказать, у кого взял золото, но я и в глаза не видел ваш золотушный дилижанс!

– Так, выходит, ты не только вор, а ко всему еще и лгун?! – воскликнул папаша и отпрянул от меня, как от зачумленного. – Вот уж не думал, что доживу до этого дня.

– Отныне, – он погрозил кулаком в мою сторону, – ты мне больше не сын! Отказываюсь от тебя! И не вздумай приползти на Медвежью речку, когда тебя выпустят из тюрьмы! Мы люди простые и грубые, мы частенько без особых раздумий хватаемся за ножи и кольты, но еще не было случая, чтобы кто-нибудь на Медвежьей речке, был замечен в

краже или во лжи. Я еще простил бы кражу... может быть... Может быть, даже простреленную ногу старика Джима Хэзригана. Но ложь я простить не могу. Нам здесь больше нечего делать, парни. Поехали. И папаша вместе, с дядюшками повернулся ко мне спиной. Они поскакали прочь по тропе на Медвежью речку, устремив взгляд прямо перед собой и держа спины неестественно прямо, точно каждый проглотил по осиновому колу. Пораженный, я не сводил с них глаз, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Впервые в жизни я видел, чтобы жители Медвежьей речки отвернулись от своего соплеменника!

— Итак, все ясно,— изрек шериф, протягивая мешочек с золотом Джексону, и тут я очнулся. Будь что будет,— решил я,— по крайней мере, не дам жене Джефета Джелэттина провести остаток своих дней в нищете! Одним махом я подлетел к шерифу, выхватил из его рук мешочек и дал коню шпоры. Капитан Кидд сделал мощный прыжок, лошадь под Джексонем, разбросав ноги в стороны, растянулась на земле, и, перескочив через них, мой верный конь помчался по лесу, пока парни из команды шерифа лихорадочно нащупывали колыты. За спиной дробно рассыпалась густая брань, гораздо реже — пули, но еще миг — и мы с Капитаном скрылись меж деревьев. Не останавливаясь, ломая сучья и кустарник, мы продирались сквозь заросли, пока, как я и предполагал, не выехали к речке. Я соскочил с коня, отыскал на дне речушки огромный камень, вершиной торчащий из воды, и, слегка приподняв, затолкал под него мешочек с золотом, а после опустил камень на место. Здесь золото было в безопасности. Место было надежнее не придумаешь — никому и в голову не пришло бы искать его там, разве что кто-нибудь из Элкинсов, озоруя, сдвинул бы эту махину. Заслышав приближающуюся погоню, Капитан Кидд не стал мешкать, а рванул дальше в чащу. С меня еще ручьем стекала вода, когда на берег выкатилась волна преследователей. Они тут же наставили на меня ружья.

— Хватайте коня! — вопил шериф. — У него в седельной сумке золото!

— Этого коня поймать нельзя,— вновь подал голос Дикий Билл. — Я давно с ним знаком.

— А что, если Элкинс спрятал золото на себе? — заорал Джексон. — Давайте его обыщем.

Я не оказал сопротивления, когда шериф меня обыскивал, и потом — когда защелкивал на запястьях пару особо надежных наручников. Я все еще не пришел в себя от обращения, какого натерпелся от папашы и дядюшек. Хорошо еще, что догадался спрятать золото, но после этого проблиска мои мозги окончательно выдохлись.

— У Элкинса золота нет,— проворчал шериф, похлопав меня по карманам. — Давайте за конем! Не сможете поймать — пристрелите.

— Бесполезно,— говорю. — В седельной сумке золота уже нет. Я его так запрятал, что вам вовек не отыскать.

— Надо осмотреть все деревья с дуплами! — крикнул Джексон и злобно добавил: — Мы ведь можем заставить его говорить.

— Заткнись! — рявкнул шериф. — Все, чего ты добьешься таким способом, — так это выведешь его из себя, и тогда нам всем несдобровать, а сейчас он хотя бы ведет себя смирно, совсем ручной. Но я уже замечаю в его глазах живые огоньки. Надо поторопиться и доставить Элкинса в тюрьму, пока у него не переменялось настроение и он не начал украшать ландшафт нашими разбитыми головами.

— Я человек конченный,— говорю я им, скорбным голосом. — Моя семья, родственники, друзья — все отвернулись от меня. Сажайте меня в тюрьму, если вам так хочется. От кого отказались родичи, тому и в раю темно.

Один из парней, под которым оказалась достаточно крепкая лошадь, любезно уступил ее мне, шерифова команда взяла в круг, и под прицелом их винчестеров и кольтов выступил в Рваное Ухо.

Уже стемнело, когда ми въехали в поселок, однако все население высыпало на улицу полюбоваться на жертву храбрых защитников закона. В толпе я не нашел ни одного сочувствующего взгляда. Оно и понятно: с тех пор как я перехватил у них школьную учительницу, моя популярность упала ниже нуля. Я поискал глазами Джошуа Брэкстона, но кто-то сказал, что старина опять отправился мыть золото, и я совсем приуныл.

Процессия остановилась у массивной бревенчатой хижины, возле тюрьмы. Несколько человек заканчивали настилать на ней крышу.

– Вот, – с гордостью говорит мне шериф, – это твоя личная тюрьма. Нарочно для тебя старались. Как только прошлой ночью мне сказали, что ты ограбил дилижанс, так сразу и направил дюжину парней на постройку новой тюрьмы. Погоди чуток – сейчас закончим.

Сам-то я не очень верил, что за сутки можно соорудить здание, способное удержать меня внутри, но я ведь и не думал о свободе. Интерес к жизни пропал. Голову неотступно сверлило воспоминание о том, как папаша и дядюшки отказались от меня, уехали прочь, бросив на растерзание шерифу.

Наконец тюрьма была готова. Шериф пригласил меня опробовать новинку, и я вошел и сел на грубо сколоченную кровать, и услышал, как снаружи запирают дверь.

Несколько человек держали горящие факелы, и в их свете, падавшем через узкое окошко, мог убедиться, что это была добротная и прочная тюрьма. Она состояла из одного единственного помещения с дверью, обращенной к городу, и с окном в противоположной стене. Пол был настлан из дубовых плах, из таких же тяжелых дубовых бревен были сделаны крыша и стены, а в каждом углу, для усиления прочности, стояло по толстому столбу, залитому в основании бетоном! – новшество, доселе невиданное в горах Гумбольдта. Бетон еще не совсем схватился и местами проступал сквозь щели деревянной опалубки. Прутья на окне, толщиной с мужское запястье, прошивали перемычку насквозь, а концами прятались в верхнем и нижнем косяках. Дверь была сколочена из двойного ряда дубовых досок и обита железными полосами, а шарнирами служили толстые железные штыри, вставленные в массивные гнезда. Закрывалась дверь на огромный замок, а для большей надежности снаружи навешивались три бруса, вставленные в скобы в косяках.

Все, кто находился снаружи, старались протиснуться к окну, чтобы хоть одним глазком полюбоваться на несчастного узника, а я сидел на кровати, обхватив голову руками и ни на кого не обращая внимания. Я пытался обдумать свое положение, но перед глазами все плыло и сосредоточиться было невозможно. Потом шериф отогнал зевак от окна, поставил охрану и, придвинув лицо к прутьям решетки, произнес:

– Элкинс, если скажешь, куда спрятал золото, облегчишь свою участь.

– Скажу, – говорю, – но после того, как в аду похолодает и черти примутся кататься на коньках.

– Хорошо, упрямец ты этакий, – говорит он. – Если за свои подвиги ты не получишь двадцать лет каторги, считай, что я ничего не соображаю в законе.

– Уходи, – ответил я ему, – и оставь меня наедине с моим горем. Что для человека тюрьма, если от него отвернулись родичи?

Шериф убрал голову, и слышу – он кому-то говорит:

– Бесполезно. Эти дьяволы с Медвежьей речки – самые что ни на есть дикари. Менее цивилизованных людей во всем свете не сыщешь. Даже с одним невозможно сладить. Пошлю-ка я людей на то место, где он вылез из речки, пусть там поищут. Сдается мне, он засунул мешок в дупло где-нибудь неподалеку. Кстати, это походит и на медвежьи повадки: спрятал в дупле, а после окунулся в речку, чтобы сбить нас со следа. Поди доволен – думает, что всех провел и ему поверили, будто золото спрятано на том берегу. А оно, небось, лежит себе в дупле да нас дожидается. Ну да ладно, пойду, пожалуй. Самое время перекусить да поспать, а то всю прошлую ночь на ногах. Глаз с него не спускайте, а соберутся вокруг парни да начнут буяннить – кликните меня.

– Можете не волноваться, – ответил странно знакомый голос, – возле тюрьмы нет никого лишнего.

– Сейчас-то конечно, – говорит шериф. – Они подались в город и расселись по салунам лакать всякую гадость. Но у Элкинса здесь много врагов, и один черт знает, кака заваруха может приключиться до утра.

За окном прозвучали удаляющиеся шаги, и все умолкло. Только где-то совсем рядом шептались двое, но до того тихо, что ничего нельзя было разобрать. Из города доносился

шум, обрывки песен, чьи-то пьяные вопли, но, как ни странно, ружья и кольты: молчали. Моя тюрьма стояла на окраине, окном на опушку леса, но и так было ясно – в городе всюду празднуют победу!

Скоро за прутьями решетки показалась голова с черными лохмами, и в свете звезд я узнал Дикого Билла.

– Ну что, Элкинс,– сказала голова, оскалившись пригоршней зубов,– вот наконец и для тебя отыскалась подходящая тюрьма!

– Что ты все рыщешь вокруг меня, как шакал? – пробормотал я, а он, похлопав ладонью по винчестеру, говорит:

– Я и трое моих друзей приставлены тебя сторожить. Но я тебе так скажу: мне больно видеть загнанного в угол человека, который, того и гляди, отхватит лет пятнадцать отсидки. Поэтому я предлагаю сделку: ты говоришь, куда спрятал золото, и отдаешь мне Капитана Кидда, а я помогу тебе ночью смыться отсюда. Вон там, в лесу, у меня припрятана быстроногая лошадка – понимаешь, о чем я? Ты возьмешь ее, уедешь из этой страны, и никакой шериф тебя не достанет. Все, что от тебя требуется, – это золото и Капитан Кидд. Ну что, по рукам?

– Ты не получишь Капитана Кидда, – ответил я, – даже если меня задумают повесить.

– Ну что ж,– он недобро усмехнулся,–сдается мне, что ты не так и далек от истины. Той ночью я наслушался немало разговоров о суде дедушки Линча. Здешные жители порядком возмущены твоей пальбой по Джиму Хэригану.

– Да не стрелял я в него, чтоб ты сдох!

– У тебя будет чертовски много времени, чтобы доказать это,– сказал он, отвернулся и, зажав под мышкой дробовик, отправился в обход тюрьмы.

Не знаю, сколько я просидел так, сжав ладонями виски, погруженный в страдания. Шум, доносившийся из города, казался слишком далеким, едва слышимым. И мне было абсолютно все равно, линчуют меня на рассвете или в сумерках. Я совсем пал духом. Не было сил даже поковылять на луну и этим хоть как-то облегчить душу.

Потом вдруг кто-то тихо позвал: «Брекейридж!». Я поднял голову и увидел Глорию Макгроу. Она заглядывала в окно, и до чего же были хороши в лунном свете ее золотистые волосы!

– Валяй, мучай меня, терзай! – словно в оцепенении сказал я ей. – Все прочие напасти уже пережил. Не хватало только тебя.

– Но не хочу тебя мучить,– горячо зашептала она.– Я пришла помочь тебе, и мне все равно, что ты тут бормочешь.

– Поостерегись лучше, чтобы тебя не заметил Дикий Билл!

– Я уже поговорила с ним. Он не хотел подпускать меня к окну, но я пригрозила, что возьму разрешение у шерифа, и он дал десять минут на свидание. Кстати, он тебе бежать не предлагал?

– Предлагал, – говорю, – а что?

Она чуть слышно скрипнула зубами.

– Так и знала. Подлая крыса! Я приехала сюда лесом, а лошадь оставила, не доезжа сотни футов, – хотела осмотреть тюрьму издали. Так вот: неподалеку отсюда заметила привязанную лошадь, а совсем рядом, в густых зарослях, человека с обрезом, Донован всегда тебя ненавидел, с тех самых пор, как ты перехватил у него Капитана Кидда. Вот он и задумал тебя убить «при попытке к бегству». Я как только разглядела засаду, так сразу и сообразила, в чем дело.

– Как ты меня нашла? – уже мягче спросил я – девчонка, похоже, и в самом деле предлагала мне помощь.

– Я с самой Медвежьей реки ехала тайком за шерифом и нашими,– ответила она,– и слышала весь ваш разговор на тропе. А когда все уехали, поймала Капитана Кидда и...

– Постой! – воскликнул я обалдело. – Как ты сказала – «поймала Капитана Кидда»?

– Конечно,– спокойно говорит она.– Лошади нередко обнаруживают больше здравого

смысла, чем мужчины. Конь вернулся к реке на то место, где тебя бросил, и ты бы видел, какой у него был убитый вид – а все оттого, что не мог тебя отыскать. Потом отпустила свою лошадку домой, а сюда приехала на Капитане Кидде.

– Все ясно! – Безнадежно было понять эту девчонку. – Я самый лопаухий кролик во всех Соединенных Штатах!

– Не совсем, – возразила она. – Просто лошади способны отличать друзей от врагов, – и добавила, – чего, к сожалению, не скажешь о некоторых двуногих. Ладно, довольно разговоров. Брекенридж, скорее выбирайся отсюда! Раскатай проклятую тюрьму по бревнышку, и мы ускачем в родные горы! Капитан ждет нас за той дубравой. В горах тебя в жизнь не поймают!

– Спасибо, Глория, но у меня нет сил, – устало ответил я. – Все они вытекли, как виски из простреленного кувшина. Разнеси я тюрьму – что в том проку? На мне печать позора, и человек я конченный. Родичи от меня отказались, друзья бросили в беде.

– Нет, не бросили! – воскликнула она. – Я не откажусь от тебя! Я буду рядом, хоть до Второго пришествия!

– Но даже отец считает меня вруном и вором! – От отчаяния я чуть не разревелся.

– Какое мне дело до того, что о тебе думают другие? Да будь ты хоть последним негодяем, я не брошу тебя! Или не веришь?

С минуту ничего не видел – глаза словно подернулись пеленой. Я ошупью добрался до окна, нашел ее руки, сжимавшие прутья решетки, и, едва сдерживая слезы, произнес:

– Глория, прямо не знаю, что сказать. Я был таким дураком, такое о тебе навывдумывал. А ты, оказывается...

– Забудем, – великодушно ответила она. – Пойми – если ты сейчас отсюда не выберешься, придется срочно что-нибудь придумывать в твоё оправдание: чужаки

– Харли, Джексон и Слейд рыщут по городу, заглядывают во все заведения и подбивают этих слабоумных из Рваного Уха тебя линчевать. Еще немного – и из города повалит толпа. Может быть, мне-то ты скажешь, куда дел золото из сумки Капитана? Я то знаю, что оно не краденое, но если б ты назвал место, думаю, это могло бы помочь.

Я замотал головой:

– Не могу. Даже тебе. Я обещал. Элкинс не может нарушить клятвы.

– Ха! – усмехнулась Глория. – А скажи-ка: это, часом, не чужак ли какой подсунул тебе золото вместе со слезной мольбой передать его голодающей жене с детишками, да еще взял с тебя слово обо всем молчать, потому, мол, что его жизнь в опасности?

Я прямо обалдел.

– Черт подери! А ты откуда знаешь? Подслушивала?

– Ага! Значит, так оно и было?! – Она даже запрыгала от радости. – Откуда, я знаю? Да потому что я знаю тебя, мой простодушный, мягкосердечный, гризли! Ну, видишь теперь, как ловко тебя провели? Все было подстроено. А дело, думаю, было так: сначала на тебя выходит Джадкинс и вовлекает в свой дурацкий поединок, чтобы ты упился до потери сознания и не смог потом доказать свое алиби. А пока ты спал, некто, с виду очень похожий на тебя, грабит дилижанс и, чтобы накалить страсти, стреляет в ногу старика Хэрригана. Затем этот парень, как уж там его зовут, через сообщника всучивает тебе золото с дилижанса и наводит на тебя шерифа.

От стольких мыслей сразу у меня даже голова разболелась.

– Похоже на правду, – неуверенно сказал я.

– Естественно! – говорит Глория. – Иначе и быть не могло! Все, что сейчас требуется, – это найти Джадкинса, мнимого хозяина золота и гнедого, что был под грабителем. Но самое главное – найти того негодяя, что затеял эту грязную игру и упрятал тебя за решетку.

– Проще сказать, чем сделать, – задумчиво ответил я. – Невада кишит джентльменами, которые с готовностью пожертвуют ухом, лишь бы мне досадить.

– Крупный мужчина, – как бы в раздумье продолжала Глория, – достаточно крупный, чтобы его приняли за тебя, с бритой головой и большим гнедым под седлом. Хм-м-м! Кто

ненавидит тебя так, что готов на любую подлость, и в то же время достаточно хитер, чтобы подстроить такую ловушку.

И тут из-за угла с дробовиком под мышкой появляется Дикий Билл Донован.

– Уж больно ты заболталась, крошка, – сказал он. – Лучше тебе уйти. Шум в городе усиливается, и я не удивлюсь, если к тюрьме скоро заявится толпа возмущенных горожан с пеньковым галстуком для твоего дружка.

– Бьюсь об заклад, ты здорово рискуешь, если намерен защищать его, – криво усмехнулась Глория.

Билл рассмеялся, снял шляпу и ладонями разгладил черные волосы.

– А я и не думаю проливать свою драгоценную кровь ради какого-то паленого грабителя дилижансов, – сказал он. – Однако твоя мордашка мне нравится. Вот только никак не пойму: зачем тебе попусту тратить время с этим висельником, когда рядом стоит настоящий джентльмен? Ты посмотри на это чудо с репой заместо головы! И нет ни малейшей надежды, что на этой репе когда-нибудь вырастут волосы – до той поры его просто вздернут. И почему бы тебе не остановить свой выбор на достойном, красивом парне, у которого, как и положено, имеется отличная черная шевелюра? Вот как у меня, например.

– Элкинс опалил волосы, спасая из огня человека – запальчиво ответила Глория, – Он сделал то, чего никто и никогда не скажет о тебе, волосатая ты обезьяна!

– Ха-ха-ха! – оскалил зубы Билл. – А девчонка-то с характером! Но ничего, мне такие даже больше нравятся.

– Может быть, я понравлюсь тебе еще больше, если скажу, что нашла гнедого, па котором ты разъезжал прошлой ночью?

Он вздрогнул, как подстреленный, и выпалил:

– Врешь! Там место надежное, никто и не... – но вдруг осекся. Глория аж взвизгнула от восторга.

– Ага! Попался! – И не успел Дикий Билл опомниться, как Глория, вцепилась в его смоляные лохмы, дернула, и в ее цепких пальчиках остался Биллов скальп! Во как! В лунном свете засияла лысая макушка – в точности как моя!

– Так и знала – парик! Значит, это ты ограбил дилижанс! Ты нарочно обрил голову, чтобы походить на Брекенриджа.

Донован схватил ее и, зажимая рот, заорал:

– Джой! Том! Бак!

При виде Глории, бьющейся в когтях бандита, я мигом, пришел в себя. Словно гнилые нитки, разорвал цепь наручников, ухватился за решетку и вырвал ее с мясом. Косяки, куда были вставлены, концы прутьев, разлетелись в щепки. Круша все на своем пути, я полез в окно, как медведь из курятника. Донован выпустил Глорию и вскинул было винчестер, да только девушка вцепилась в ствол и повисла на нем всем телом, так что тот не смог даже его приподнять. В тот момент, когда мои ноги коснулись земли, из-за угла гурьбой выбежали приятели Донована.

Они так удивились, увидев меня снаружи, полного сил, с ясным взором что не сумели ни остановиться вовремя, ни увернуться. Я распахнул руки, и вся тройка попалась, точно рыба в сети. Я любовно прижал их к широкой груди, и вы бы слышали, как затрещали, как захрустели их кости! Обнял-то я их оптом, а расшвырял всех по одному и в разные стороны. Двое ударились черепами о тюремную постройку, а третий сломал копчик о торчащий на опушке пенек.

Видя такое дело, Донован выпустил ружье и зайцем помчался к лесу. Вскочив на ноги, Глория, выстрелила ему в спину, но Билл успел удрать так далеко, что дробины лишь слегка расковыряли ему шкуру. Из-за деревьев донесся протяжный вой. Я было кинулся следом, но Глория схватила меня за руку.

– Он бежит к своей припрятанной лошади! – тяжело дыша, выпалила она. – Скорей – на Капитана Кидда! Теперь его догонишь только верхом!

«Бах!» – раздался в чаще выстрел, а вслед за ним – яростный вопль Дикого Билла:

– Не стреляй, скотина! Я не Элкинс! Атас! Смываемся!

– А как же я?! – заорал кто-то еще – должно быть, приятель Донована, подстерегавший меня в засаде. – Моя лошадь привязана по ту сторону тюрьмы! Постой, я сяду за седлом!

– Пошел прочь! – рявкнул Донован. – Мой Делавар не вывезет двоих! – Затем последовало «бац!» – похоже, удар кольцом по голове. – Это тебе плата за удачный выстрел, чертов придурок! – и дальше только удаляющийся треск кустов и сучьев.

Тем временем мы пробежали дубравой к Капитану Кидду. Я махнул в седло, а Глория примостилась у меня за спиной.

– Я с тобой! – решительным тоном объявила она. – Не спорь, вперед! Я направил коня вслед за Донованом и в лесу увидел распростертого на земле человека с огромным дробовиком в руке и с раскроенным черепом. Даже в самый напряженный момент, когда, казалось, мной целиком, овладели ярость и жажда мести, в душе нашлось местечко для тихой радости при мысли о том, что заряд тяжелой дробы, уготованной мне, пусть по ошибке получил мой враг от своего же сотоварища. Верно сказано в Писании: «Козни грешников падут на их же черепашки!»

Донован шпарил напрямую и оставил за собой такой бурелом, что и слепой не сбился бы с дороги. Мы все время слышали, как его лошадь продирается сквозь чащу, но скоро треск затих и послышался топот копыт по твердой земле – Донован выехал на тропу. Через минуту на нее выехали и мы. В небе светила луна, но видимость ограничивала легкая дымка. Я осторожно дал Капитану шпоры, и дробный топот зазвучал отчетливее. Без сомнения, лошадка под ним была резвая, но еще минута – и Капитан оставил бы ее голову за своим хвостом.

И вдруг, мы видим – впереди, на небольшой полянке, стоит домик, а из его окон льется слабый свет. Донован вылетел из-за деревьев, кубарем скатился с лошади – и бегом к дому. Подскочил к двери да как заорет:

– Впустите меня, идиоты! Игра проиграна! Элкинс у меня на хвосте!

Дверь распахнулась, он ввалился вовнутрь и, не устояв на ногах, рухнул на четвереньки. Не вставая, он заревел дурным голосом:

– Закройте дверь! Наложите засов! Эту дверь даже Элкинсу не взломать!

А кто-то добавил:

– Потушите свечи! Я вижу его! Вон там, у кромки леса!

Защелкали выстрелы, и вокруг нас засвистели пули. Я быстренько подал назад и спрятал Капитана в безопасное место. Потом подобрал солидное, еще не сгнившее бревно и, выставив его перед собой, стал подбираться к дому. Неприятель не понял маневра – прозвучал только один выстрел, и пуля угодила в дерево. В следующий момент я с разбега ударил в дверь – бревном, конечно, да так удачно, что половину двери разнес в щепки, а остатки, сорвав с петель, вогнал вовнутрь, придавив к полу сразу четверых. Из-под разбитых досок тут же в изобилии зазвучала брань, вопли и стоны.

Потоптав остатки двери, я ринулся в дом, Свечи и впрямь были потушены, но в неверном лунном свете я разглядел перед собой с десятков темных силуэтов. Парни открыли по мне бешеную пальбу, вот только в сумерках целились неважно – их пули лишь царапнули меня по нескольким маловажным местам. Итак, я подобрался к ним и распростер объятия, и наполнил их трепещущими телами, и принялся валять их по всему дому. Разбросанные по полу люди будто нарочно лезли мне под ноги и дико верещали, когда я наступал на них. И всякий раз, почувствовав под ногами чью-нибудь задницу, я с воодушевлением пинал ее. Я понятия не имел, кто попался мне в руки, потому что лунный свет не мог пробиться сквозь густой пороховой дым. Я только чувствовал, что по размеру никто из них на Донована не потянет, а те, что вопили под подошвами моих сапог, вопили тоже не его голосом. Тогда я решил действовать методом: исключения: принялся выбрасывать врагов одного за другим за двери. И каждый раз, когда очередное тело вылетало наружу, до моих ушей доносилось звонкое «бац!» Как выяснилось позже, это, оказывается, Глория стояла за дверью и угощала всех дубиной по головам. Я опомнился лишь тогда, когда в доме не осталось никого, кроме

меня, да еще чего-то бесформенного, что вертелось перед глазами, прыгало, металось – словом, всячески выказывало свое нежелание идти ко мне в руки. Но как оно ни старалось, я возложил на нечто свои ладони, приподнял над головой и уже изготовился вышвырнуть вслед за прочими, как вдруг существо подало голос:

– Пощады, мой свирепый друг, пощады! Сдаюсь на милость победителя и требую обращения как с военнопленным!

– Пропойца!!! – завопил я.

– Он самый! – ответил Джадкинс.

– Выходи, поговорим! – прорычал я и поволок его к выходу. Но только я высунулся за дверь, как на голову обрушился такой удар, что искры сыпанули из глаз, и тут же раздался пронзительный крик Глории:

– Ой, Брекенридж! Я не тебя ждала!

– Пустяки! – сказал я и потряс у нее перед глазами своей находкой. – Ты знаешь, кого это я держу за холку? Свое алиби, Джадкинса Бездонное Брюхо! – Я установил его на ноги и, покачивая перед гнусной образиной кулачищем, сурово спросил: – Если ты дорожишь своей порочной, грязной, потасканной душонкой, то скажешь правду: где я был прошлой ночью?

– Пил со мной кукурузную водку возле пещеры в миле от тропы на Медвежью речку! – покорно отвечал тот, с ужасом глядя на неподвижные тела, усеявшие поляну. – Сознаюсь во всем! Только отправьте меня в добротную американскую тюрьму! Я пал жертвой своих дурных наклонностей. Да, я человек пропащий, но всего лишь инструмент в руках могучего ума, так же, как и те недостойные сыны порока, что лежат здесь.

– Смотри-ка, один пополз, – заметила Глория, прицелилась и нанесла не ко времени очнувшемуся парню добрую затрещину дубиной. Тот рухнул на живот и взвыл койотом. Я даже вздрогнул от неожиданности – знакомый вой! Вгляделся и:

– Джефет Джелэтин! Паршивый ворюга! Это ты наврал мне об умирающих с голоду жене и детках!

– Если разговор шел об одной жене, – с готовностью ввернул Джадкинс, – то он сильно поскромничал. Жен у него по меньшей мере три: индейская скво, мексиканка и китайская девочка в Сан-Франциско. И все, насколько мне известно, толстые, и плодовые.

Мне стало больно за человеческую природу.

– Надо мной нагло потешались! Одурачили, как. последнего сосунка, сделали из меня посмешище, сапогами растоптали мою доверчивую душу, отравили веру в людей! Такой позор можно смыть только кровью!

– Не вымещай на нас свои обиды! – взмолился Джефет. – Это все Донован придумал.

– Где он?! – заревел я, шаря по сторонам распаленным взором.

– Любой, знающий его подлую натуру так же хорошо, как я, – нерешительно заговорил Джадкинс, но вдруг замолк и слегка пошевелил вхолостую нижней челюстью, определяя число переломов. Обнаружив всего один, он, уже с большей уверенностью, продолжал, – мог бы с полным основанием предположить, что негодяй сразу же покинул поле свалки через заднюю дверь и сейчас полным ходом чешет к секретному загону, где припрятан гнедой – соучастник ограбления дилижанса, – и пропойца указал направление, в котором следует искать загон.

Глория вытащила из кобуры бандита кольт, торчавший там без дела, и сказала мне:

– Двигай в погоню, Брек, а я пока присмотрю за остальными.

Я окинул взглядом поляну. Фигуры на земле вяло шевелились и постанывали. Глории будет с ними не слишком много хлопот. Я кивнул, свистнул Капитала Кидда, и тот сразу явился на зов. Я вскочил в седло и направил коня в густые заросли за домом. Но не успел Капитан переступить и пары раз, как среди деревьев на дальней стороне поляны промелькнул всадник на гнедом жеребце.

– Стой, сунсов сын! – загремел по лесу мой голос. – Стой! И сразись со мной как мужчина! – Но я так и не дождался ответа, если не считать за ответ пули из шестизарядного.

Увидев, что такой мелочью меня не остановишь, он вонзил шпоры в бока жеребца и, как был – без седла, помчал в сторону гор.

Он был добрым конягой, этот жеребец, но против Капитана шансов у него не было. Мы отставали уже всего на пару сотен ярдов, и отрыв быстро сокращался, как вдруг Донован вылетел на голый хребет, откуда открывался чудесный вид на долину. Но ему было не до красот природы. Поняв, что от погони не уйти, он соскочил с лошади и укрылся за одинокой сосной, росшей неподалеку от зарослей кустарника. Пространство вокруг сосны было совершенно открытым, и прежде чем добраться до него, мне пришлось бы послужить отличной мишенью для его кольтов. Мне очень не хотелось огорчать Глорию, и поэтому я не стал лезть на рожон. Укрывшись в кустах, взял свое лассо, приметился и накинул петлю на верхушку сосны. Потом привязал свободный конец к седельной луке и стал понукать Капитана. Тот поднапрягся и рыл копытами землю, и тяжело дышал, и в конце концов корни не выдержали и сосна рухнула.

Оставшись без прикрытия, Донован помчался вниз к опушке леса, но я схватил обломок скалы и запустил ему вслед. Камень угодил парню в заднюю ногу под колено, и Донован кубарем покатился по земле, теряя кольты и ножи. Потом ткнулся носом в пенек и завопил:

– Не стреляй! Сдаюсь!

Я освободил от петли верхушку сосны, неторопливо смотал кольцами лассо и повесил его на луку седла. А покончив с делами, направился к Доновану.

– Прекрати этот рев – он оскорбляет мой слух, – сказал я ему. – Ты когда-нибудь слышал, чтобы я так ревел?

– Ради всего святого! Сдай меня поскорее шерифу! – захлюпал он. – Я человек конченный. Моя душа полна раскаяния, а шкура – крупной дробью. У меня разбито колено и вера в собственные силы. Только прежде признайся: где ты в эдакой глуши раздобыл пушку, из которой свалил сосну, а потом выпалил по мне?

– Это была не пушка, – с достоинством победителя ответил я. – Я просто бросил в тебя камешек.

– А дерево? Ведь дерево упало! – Донован выкатил глаза. – Уж здесь-то не обошлось без артиллерии!

– Да нет же! Просто я накинул на верхушку лассо, привязал к Капитану, тот и повалил твоё дерево, – снисходительно объяснил я ему. Из груди Дикого Билла вырвался протяжный стон, он кувырнулся навзничь, а я и говорю: – Мне страшно неловко, Донован, но ты не станешь возражать, если я свяжу тебе за спиной руки и перекину через Капитана Кидда? Нам надо торопиться в Рваное Ухо, там тебе и с ногой помогут, если, конечно, не забудешь напомнить кому следует.

Он ничего не ответил, только всю дорогу скулил и жаловался на судьбу.

Оказывается, за мое отсутствие Глория успела связать негодяям руки, и сейчас они все поприходили в себя и стонали жутким хором. Около дома я обнаружил загон, битком набитый лошадьми, оседлал их и, положив на каждое седло по негодю, связал лошадей цепочкой – голова к хвосту – всех, кроме одной, для Глории. Затем наш караван выступил к Рваному Уху.

– Что ты теперь намерен делать, Брек? – спросила Глория.

– Отвезу этих скотов в Рваное Ухо – пусть похвастанут своими подвигами перед народом. Только знаешь, Глория, как вспомню, что мои родичи от меня отказались, так на душе вместо радости один пепел и ощущение такое, будто жуё его, он скрипит на зубах, а я жуё, жуё.

Ей нечего было ответить: эта девушка родилась и выросла на Медвежьей речке, и, значит, сердцем чувствовала мое горе.

– Я многое понял этой ночью, – после недолгого молчания снова заговорил я. – Пока трудился не покладая рук, я научился отличать друзей от врагов. Если бы не ты, я гнил бы себе в тюрьме, а это жулье посмеивалось бы втихомолку надо мной.

– Ты попал в беду, как же я могла тебе не помочь?

– Теперь-то понимаю, а раньше все никак не доходило. Мы все – я, Глория и постанывающий караван – уже приближались к городу, как вдруг впереди на поляне, где стояла тюрьма, увидели пламя факелов, всадников и угрюмо колышущуюся толпу. Глория натянула поводья.

– Брек! – срывающимся голосом заговорила она. – Это линчеватели! Они ни за что не станут тебя слушать! Им ничего не докажешь – тебя попросту пристрелят. Подожди.

– Я ждал достаточно! – отрезал я. – Сгребу этих койотов в кучу и запихну правду в их вонючие глотки – пусть подавятся! Я заставлю этих тупых болванов принять мое алиби! А потом отряхну с сапог пыль гор Гумбольдта и подамся в дальние страны. Когда родня шарахается от тебя в сторону, самое время отправиться в путешествие.

– Эй, Брек! – воскликнула вдруг Глория, указывая рукой.

Я всмотрелся повнимательнее.

Толпа была, как ей положено, с факелами, с ружьями и веревками, вот только люди почему-то подпирали стенки тюрьмы, их лица были блее теста, а коленки выбивали барабанную дробь. Перед толпой, с ружьями наперевес, на конях гарцевал мой папаша, а с ним все мужчины с Медвежьей реки, способные носить оружие, – все до последнего человека! Некоторые держали в руках факелы, и в их свете угадывались лица Элкинсов, и Гарфильдов, и Гордонов, и Полаков, и Бакнеров, и Гримзов, и Кирби! Жалким неудачникам из Рваного Уха навряд ли когда еще доводилось наблюдать в одном месте столько горцев. Некоторые из наших за всю жизнь не отходили так далеко от дома. И вот они пришли – за мной. Медвежья речка вышла из берегов!

– Признавайтесь, вшивые койоты, куда вы его дели? – рычал папаша, размахивая винчестером. – Что вы с ним сотворили?! И я то хорош, старый пень: отдал им на поругание собственного сына! На растерзание вонючим хорькам! Мне плевать, вор ли он, вун или кто еще! Человек, на Медвежьей речке рождается не для того, чтобы провести жизнь в паршивой городской тюрьме. Я пришел за ним, и я заберу его отсюда, а если его убили, то спалю Рваное Ухо дотла и перебью всех, до кого сумею дотянуться пулей! Где мой сын, дьявол раздери ваши душонки?!

– Клянусь, мы и сами не знаем! – взмолился шериф, бледный и дрожащий. – Когда я услышал, что собирается толпа, то сразу прибежал сюда, но обнаружил лишь обломки решетки – вот они, видите? – а рядом два бесчувственных тела, да еще одно на опушке. Это стража, только они молчат, потому как еще не пришли в себя. Мы тоже ничего не знаем и только принялись за поиски, как налетели вы и...

– Не надо искать меня, па! – закричал я и выехал в круг света. – Вот он я!

– Брекенридж, сынок! – Мой старик расплылся в радостной улыбке. – Где ты пропадал? А это кто с тобой?

– Несколько джентльменов, которым найдется что сказать высокому собранию, – и я стал вытягивать свой караван на освещенное место. Все вылупились на новое зрелище, а я продолжал: – Джентльмены, представляю вам мистера Джадкинса Бездонное Брюхо, самого скользкого брехуна из всех, кого мне довелось узнать. Так что, полагаю, пусть выболтается первым! Правда, сейчас он без трубы на голове, так ведь и рот не заткнут. Тебе слово, Джадкинс.

– Честное признание всегда облегчает душу, – заговорил Джадкинс. – Но прежде чем я сам себе подпишу приговор, джентльмены, я попросил бы тишины и всеобщего внимания, ибо такое случается не каждый день. – После этих слов на поляне повисла така тишина, что все услышали, как над толпой звенит парочка москитов.

– В глубинах своей черной души Донован давно уже вынашивал идею отомстить Большому Гризли, а по возможности и прикарманить Капитана Кидда, – снова полилась гладкая речь Бездонного Брюха. – Донован долго и тщательно продумывал план, как ему расквитаться с Элкинсом, не подвергаясь при этом опасности. Подобное предприятие требовало соблюдения максимальной осторожности и всесторонней подготовки. Если

общество позволит так выразиться, то я сказал бы, что Дикий Билл собрал под свои знамена преступников всевозможных дарований – сливки преступной культуры, возвращенной на плодоносной почве Соединенных Штатов от Атлантики до Тихого океана.

Большинство из нас пряталось в хижине, скрытой в чаще леса, – в той самой хижине, откуда нас недавно выкурил Элкинс. Оттуда Донован заправлял делами по всей стране. И вот час настал.

Как-то утром Билл наткнулся на Элкинса в таверне у Мустангового потока. Он подслушал, как Большой Гризли рассказывал бармену о том, что держит путь на Медвежью речку, а оттуда поздним вечером думает съехать в Бизоний Хвост. Все это, а еще Элкинсов безволосый череп подсказало Доновану, как осуществить свой коварный замысел.

Он послал меня встретить Элкинса, чтобы напоить и устранить на ночь. Затем я должен был исчезнуть и таким образом лишить Элкинса возможности доказать свое алиби. Пока мы наедине распивали кукурузную водку, Донован ограбил дилижанс. Он нарочно обрил голову, чтобы походить на Элкинса, и, без всяких на то оснований, единственно с целью возмутить общественное мнение, продырявил ногу старику Хэрригану.

Харли, Джексон и Слейд – также его люди. Золото, якобы отобранное у Джексона, на самом деле принадлежит Доновану. И как только тот ограбил дилижанс, так сразу и передал свое золото Джелэтину, который, не мешкая, поскакал к тому месту, где пьянствовали мы с Элкинсом. Сам Донован скрылся в своей резиденции и там же, в потайном загоне, спрятал гнедого жеребца – соучастника преступления. Потом нацепил парик, сменил коня на лошадь и принялся патрулировать дорогу из Рваного Уха, дожидаясь, когда команда шерифа отправится на Медвежью речку за грабителем Элкинсом.

Так оно и случилось: после нападения Харли, Джексон и Слейд поклялись, что в Элкинсе, которого прежде встречали в Явапайе, узнали человека, ограбившего дилижанс. Эшли и Хэрриган не могли сказать со всей определенностью, но подтвердили, что фигурой грабитель очень на того походит. Вам, добропорядочные жители Рваного Уха, остальное уже известно. Прослышав об ограблении, вы немедленно принялись за сооружение своей особо прочной тюрьмы, а шериф с командой отправился на Медвежью речку, прихватив с собой Эшли и трех свидетелей в качестве, доказательства. По сути, им случайно повстречался Донован, который присоединился к кавалькаде. Пока все шло по плану.

Тем временем мы с Элкинсом были без остатка погружены в состязание по поглощению кукурузной водки. Наконец, далеко за полночь он выбыл из игры. Тогда я собрал и спрятал кувшины, а потом отправился в нашу хижину, чтобы, как и было условлено, при удобном случае улизнуть из этой местности. Когда я покидал место поединка, Джелэтин уже торчал на посту. Он дождался, пока Элкинс не протрезвеет, встретил его утром и поведал душещипательную историю о жене и детках, живущих в ужасающей нищете; после, чего вручил золото и заставил поклясться, что тот никому и никогда не признается, откуда оно взялось. Донован прекрасно знал, что даже под виселицей Большой Гризли не нарушит слово.

– Итак, – продолжал Джадкинс, – как вам известно, джентльмены, на Медвежьей речке шериф Элкинса не нашел. Они взялись за поиски, а с ними Элкинс-старший и несколько дядьев. В разгар поисков на тропу вдруг выезжает сам Элкинс – он только недавно очнулся от нашего пьянчужного поединка и уже успел наслушаться басен Джелэтина. Тут же Слейд, Харли и Джексон подняли вой, что узнают грабителя, их поддержал и Эшли, который хоть сам и честный человек, но при виде голого черепа Элкинса уверовал в его низменные наклонности. Донован рассчитывал позже застрелить Элкинса якобы при попытке к бегству, но тут у него вышла осечка – Большой Гризли отверг свободу. Вот и вся история, джентльмены, точнее оказать – история военной кампании Дикого Билла против Большого Гризли.

– Хорошо изложено, Бездонное Брюхо, – сказал я, сбрасывая Донована с крупа Капитана Кидда к ногам шерифа. – Вот и вся история, шериф, и мы все с избытком нахлебались этой каши. Что до меня, то сыт по горло и умываю руки.

– Элкинс, – сказал шериф, – мы были к тебе несправедливы, но откуда ж нам было знать, что...

– Забудем, – говорю. И тут ко мне подъехал папаша. Мы, жители Медвежьей речки, не ловкачи по части длинных да фигуристых речей, зато в нескольких словах можем выразить многое.

– Брекенридж, я был не прав! – и этим мой старик сказал больше, чем если бы кто другой проразглагольствовал целый час. – Впервые в жизни я признаюсь, что совершил ошибку. Но, – и в его голосе зазвенели нотки оскорбленной родовой чести, – во всей этой истории для меня ложкой дегтя является вот этот субъект, – он ткнул пальцем в сторону Джадкинса. – Ума не приложу, как ты мог допустить, чтобы тебя перепил мешок с костями?

– Вы абсолютно правы, – скромно признался Бездонное Брюхо. – Я – единственный, кто вывернулся из передраги, не уронив человеческого достоинства. Я – олицетворение победы разума над грубой силой, борец за высокие идеалы!

– Разума?! Нет, вы слышали? – ворвался в ход процесса Джелэтин. – Да этот койот за весь поединок не выпил ни капли! Донован подобрал его в третьесортном балагане, где тот зарабатывал на жизнь, облапошивая легковверных простачков дешевыми фокусами. На поединки он прячет под рубашку другое пузо – резиновое, куда и сливает свою долю выпивки. Не имей он резинового живота, ему не перепить бы Элкинса, мошенник чертов!

– Я вынужден согласиться с выдвинутым обвинением и признаю себя побежденным, – вздохнул этот плут. – Я склоняю голову в знак стыда и покорности судьбе.

– Ладно, – говорю. – Я встречал людей и похуже. Так и быть, прослежу, чтобы ты отделался сроком покороче, пустозвон ты этакий.

– Благодарю, мой благородный Друг, – с чувством ответил он.

Папаша посмотрел на меня виноватыми глазами и сказал:

– Ты как, Брекенридж, домой-то ехать думаешь?

– Езжайте, – говорю. – А мы с Глорией – следом.

Тогда папаша и все родичи, точно по команде, повернули лошадей и вереницей, без лишней суеты, как и подобает джентельменам с Медвежьей речки, тронулись в родные горы. Они ехали, не говоря ни слова, и только в свете факелов поблескивали ружья, да поскрипывали седла, да позванивали шпоры о стремяна.

И как только замыкающий скрылся из глаз, у всего населения Рваного Уха вырвался единодушный вздох облегчения, после чего они схватили Донована с его бандой и с превеликой поспешностью водворили в тюрьму – в ту, старую, что осталась целой.

– Ну вот, – сказала Глория, забрасывая в кусты дубину, – вот и все. Ты ведь теперь не поедешь в дальние страны, а, Брекенридж? Скажи, ведь не поедешь?

– Нет, – говорю, – не поеду. К счастью, к моим тугодумным родственникам вернулся здравый смысл.

С минуту мы стояли, молча глядя друг на друга, а потом она и говорит:

– А ты... ты разве ничего не хочешь мне сказать, Брекенридж?

– Ну, – отвечаю, – конечно, хочу. Я хочу сказать, что страшно благодарен тебе за все, что ты для меня сделала.

– И это все? – вскинула брови Глория и едва слышно скрипнула, зубами.

– А что, по-твоему, я еще должен сказать? – недоуменно спросил я. – Или тебе мало одной благодарности? Было время, когда я охотно прибавил бы какую гадость, чтобы уколоть тебя побольнее, только после всего, что ты для меня сделала...

– Ах ты...! – задохнулась Глория, и не успел я сообразить, что у нее на уме, как она уже поднимает булыжник величиной с добрую дыню и этой вот дыней – бац! – меня по башке! Я был настолько ошарашен ее поведением, что отпрянул назад, но запнулся и растянулся на земле. Я пристально посмотрел на Глорию снизу вверх, и тут на меня снизошло озарение.

– Она таки меня любит!!! – воскликнул я, пораженный.

– Я все ждала, когда же до тебя дойдет наконец! – устало улыбнулась Глория.

– Тогда почему ты мучила меня все это время?! – спросил я, едва справившись с

голосом. – Я то думал, ты меня всеми печенками ненавидишь!

– Не мешало бы тебе знать свою Глорию получше, – ответила она, потерявшись на моей широкой, груди в уютных медвежьих объятиях. – Ты уделал отца и этих дурачков – моих братьев, и, конечно же, я обозлилась. Я особо и не соображала тогда, что говорю, что делаю. Но ты тоже взбеленился и наговорил кучу дерзостей, я разошлась еще больше и уже из глупой гордости не могла поступить иначе. Я никого не любила, кроме тебя, Брекенридж, но пока ты торчал на верхушке общественной лестницы и смотрел на меня сверху вниз, да расхаживал под ручку с красотками, да сорил деньгами, я скорее отрезала бы себе язык, чем призналась тебе в любви. Я любила тебя и сходила с ума от ревности, но держалась и не показывала вида. Никто не может усмирить мой нрав, но я примчалась на помощь, как только тебе понадобился верный друг. Эх ты, мой милый гризли, такой большой, а такой глупый!

– Тогда, – говорю, – я рад, что все закончилось так удачно. Теперь-то мне ясно: я любил только тебя и гонялся за всякими цыпочками лишь затем, чтобы позлить мою Глорию. Я ведь думал, что ты для меня навсегда потеряна, и хотел найти достойную замену. Но знаешь, Глория, я тебе так скажу: на всем свете не найдется такой девушки, которая хотя бы на сотую долю была бы так же красива, мила характером и все такое прочее.

А она мне и отвечает:

– Я рада, Брекенридж, что к тебе вернулся разум.

Ну вот. А. потом я взлетел на Капитана Кидда, поднял Глорию и усадил перед собой. А небо на востоке начинало розоветь, и просыпавшиеся птички заводили свои песенки, когда я тронул коня по тропке на Медвежью речку.